

Эрик Эмблер

ГРЯЗНАЯ ИСТОРИЯ

ПРОЩАНИЕ С АФИНАМИ

Глава I

Надо бы высечь на камне: «Г. Картер Гэвин, вице-консул Ее величества королевы Великобритании в Афинах, – дерьмо».

В своем письме я специально просил о встрече с генеральным консулом. Так нет. Наверное, он отправился поиграть в гольф, а мне пришлось иметь дело с этим Гэвином.

Он начал с того, что заставил меня ждать полчаса. А когда меня все же пропустили в его офис, он минут пять говорил по телефону о какой-то юридической ерунде относительно инспектирования ущерба в морских перевозках.

Был он совсем молод, лет тридцати. Сначала это меня обнадежило. Обычно легче иметь дело с чиновниками, которые еще не заскорузли от долгой службы. Когда я мальчишкой жил в Англии, нас приучали относиться к старшим с почтением и уважать их – во всяком случае, изображать уважение. Я думал, что по меньшей мере он будет вежлив с человеком, годящимся ему в отцы.

Он закончил телефонный разговор, повесил трубку, сделал какую-то пометку и только тогда обратился ко мне. Длинноволосый, крупноголовый, важный – типичный образец голубоглазого подонка экстра-класса, от макушки до пят.

– Простите, что заставил вас ждать, мистер Симпсон, – сказал он.

Это была его единственная вежливая фраза. Дальше он вел себя наигнуснейшим образом – издевался и подпускал шпильки, как вредный школьный учитель.

Я улыбнулся в ответ.

– Ничего страшного. Все кости целы.

– Пока все кости целы, мистер Симпсон. – Он взял папку, лежавшую у него на столе, и посмотрел на меня. – На вашем месте я бы не слишком рассчитывал, что подобное счастливое состояние дел сохранится надолго.

Он злобно смотрел на меня. Хотя я не мог подумать всерьез, что кто-нибудь собирается затеять что-нибудь такое прямо в стенах британского генерального консульства, от его слов мне стало на мгновение не по себе. Я засмеялся.

– Это не шутка, мистер Симпсон. – Его голос был ледяным. – В этом учреждении вы снискали себе известность как весьма назойливая персона. Однако есть предел времени, которое мы можем себе позволить тратить на подобных вам типов. Чего вы хотите?

– Как я указал в своем письме генеральному консулу, я хочу продлить срок действия своего британского паспорта. – Я решил, что пора поставить этого чинушу на место. – Я думал, ваша работа заключается в том, чтобы помогать британским гражданам. Если это приводит вас в такое раздражение, может, я мог бы побеседовать с кем-нибудь, кто относится к этой работе по-другому?

Он открыл папку.

– Вы не британский подданный, мистер Симпсон. Опять повторяется эта гнусная ложь. Я достал бумажник со своими документами. Я был совершенно спокоен.

– Вот свидетельство о рождении, выданное армией Великобритании, которое подтверждает мою национальность, – сказал я, собираясь показать документ вице-консулу.

Он извлек из папки фотокопию.

– У меня уже есть копия.

– Ну так в чем дело?

Он начал зачитывать свидетельство.

– Здесь записано, что ваше имя Артур Абдель Симпсон, что вы родились в Египте, в Каире, 16 октября 1910 года.

– Я знаю, что там записано.

– Здесь также говорится, что вы сын полкового квартирмейстера сержанта Артура Томаса Симпсона из армейского корпуса обслуживания и его жены Риты Симпсон, урожденной Риты Фахир.

– Ну и что с того? Моя мать была египтянкой. Он положил фотокопию обратно.

– Совершенно верно. Однако она не была женой вашего отца.

– Это наглая ложь. – Я был все еще спокоен. – Свидетельство подписано адъютантом полка, где служил мой отец.

– Несомненно. Видимо, он не очень внимательно читал, что подписывал. – Все это было произнесено с издевкой. – Возможно, он совсем его не читал. Ваш отец в качестве полкового квартирмейстера, очевидно, давал ему на подпись большое количество разных бумаг.

– Мой отец был офицером и джентльменом, – гневно возразил я.

– В конце концов он действительно стал офицером. – Чиновник опять посмотрел в папку. – В 1915 году его произвели в лейтенанты. Возможно также, что он был джентльменом. Но он не был женат на вашей матери.

– Армия Великобритании утверждает противоположное.

Он покачал головой.

– Нет. Когда он умер в 1917 году...

– Он погиб на поле боя. Вице-консул снова посмотрел в папку.

– Он умер после того, как попал под грузовик около офицерской столовой в военном лагере в Исмаилии.

– В это время он был в действующей армии.

– Не будем жонглировать словами, мистер Симпсон. Как он погиб, не имеет значения. Суть в том, что, когда ваша мать обратилась за пенсией как вдова офицера, было установлено, что они не были женаты.

– Так почему же тогда армейские власти назначили ей пенсию? – Я действительно думал, что мне удалось его прижать. У меня и раньше проходил этот трюк.

– Когда я назвал вас назойливой персоной, – кисло улыбнулся он, – я вас недооценил. Множество других правительственных учреждений тратили время и энергию своих сотрудников на ваше дело. В том числе и архивное управление военного ведомства.

– Подумать только!

Он проигнорировал замечание, достал из папки еще одну бумагу и углубился в нее, как будто это был захватывающий роман.

– Британская армия в некоторых отношениях довольно странное учреждение. – Он пожал плечами. – Я бы назвал позицию военных отеческой. Они любят опекать своих чад. В особенности они терпимы, например, в отношении гражданских жен своих служащих. Они пришли на помощь вашей матери и вам. Ей установили пенсию, а вас отправили в Англию, где вам дали приличное школьное образование. Как вы, наверное, знаете, за ваше обучение платила благотворительная ассоциация офицерских семей, но возможным это сделали военные власти. Я сомневаюсь, что ассоциация вообще была поставлена в известность о вашем незаконном происхождении.

– Об этом не было сказано, потому что я не незаконнорожденный!

– Как вам будет угодно.

– И если я не британский подданный, может быть, вы мне объясните, как получилось, что меня отправили на учебу в Англию с британским паспортом?

Он снова заглянул в папку.

– Вы имеете в виду проездные документы, выданные в Каире в 1919 году. Это не был паспорт. Армейский священник передал необходимые данные, на основании которых и был выдан соответствующий документ исключительно для того, чтобы вы могли отправиться в Англию и поступить в школу.

– Но в этом документе я назывался британским подданным.

– Вы правы. Я полагаю, священник не стал тщательно разбираться в деталях. – Чиновник вздохнул. – В общем-то, если бы ваше поведение в Англии, Египте, наконец, здесь, в Греции, было нормальным, я сомневаюсь, чтобы возник вопрос о вашей национальности как таковой. Вас бы всегда считали британским подданным.

– Я и есть британский подданный. – Я решил припереть его к стенке. – Что вы скажете по поводу паспорта, выданного мне в 1928 году?

– Вам помогло армейское свидетельство о рождении. То же можно сказать о консульском возобновлении, которое вы получили пятью годами позже в Каире, и о паспортах, выданных в Лондоне и Бейруте. До вашего ареста в Лондоне в 1955 году никаких вопросов просто не возникало. Если учесть все обстоятельства, можно считать вас счастливымчиком.

– Счастливымчиком! – Я рассмеялся. Мне хотелось дать ему понять, что меня развлекают подобные оскорбления, но что-то не очень получилось. Я думаю, что вместо этого мой смех был полон горечи, унижения и других чувств, перемешавшихся в нем вопреки моим намерениям. Вице-консул вспыхнул и какое-то мгновение прямо-таки источал злобу. Затем он снова взял себя в руки.

– Короче говоря, – сказал он наконец, – я собираюсь приказать выбросить вас из нашего учреждения. Но прежде, мистер Симпсон, я приму меры, чтобы вы никогда более здесь не появлялись. Для этого я расскажу вам, что известно мне и что может узнать любой британский консульский работник, если он заглянет в эту папку.

– Меня это не интересует. – Однако я остался послушать. Мне надо было знать, что же они знали на самом деле.

– Начнем с вашего досье в Интерполе.

Это мне не понравилось. Конечно, досье Интерпола не больше чем ворох международных полицейских сплетен, но если кому-то взбредет в голову отнестись к ним всерьез, можно угодить в беду. Я знал, что у финской полиции не было копии такого досье, потому что до настоящего времени я не давал повода для запроса в Интерпол и мое разрешение на

проживание в Греции было еще в силе. Но если этот сующий нос не в свои дела молодой гад решит показать им досье, я могу оказаться в незавидном положении.

– История довольно долгая. – Он стал листать досье. – Вас тут называют по-разному: журналистом, переводчиком, официантом, издателем, гидом. Чем вы занимаетесь сейчас?

– Я шофер-переводчик. У меня есть автомобиль, и я обслуживаю туристов.

На это он ничего не сказал.

– Я вижу, вы были связаны с ресторанным бизнесом в Каире в 1930 году.

– Я заведовал рестораном, принадлежавшим моей матери.

– Он частично принадлежал вашей матери. Когда она умерла, вы продали его, ничего не сказав совладельцам. Покупатель обвинил вас в мошенничестве.

– Он снял свое обвинение.

– Только после того, как полиция разрешила вам урегулировать вопрос продажи. На следующий год вы стали партнером в небольшом издательском деле в Каире.

– Верно. Мы распространяли иностранные журналы и другие периодические издания. Что в этом плохого?

– Ничего. Но ведь вы издавали кое-что и сами, не так ли? Здесь говорится, что вашим настоящим бизнесом было производство порнографии на испанском и английском языках.

Я уже сталкивался с таким обвинением прежде.

– Это совершенно неверно.

– Интерпол получил информацию в 1954 году от Скотленд-Ярда. К тому времени у полиции была уже целая куча улики. Разве все они неверны, мистер Симпсон?

– В те годы я работал редактором во многих журналах литературного толка, а иногда и сам писал. – Эту речь я знал наизусть. – Может быть, какие-то мои труды носили несколько смелый характер, и поэтому их не пропускала цензура. Но ведь книги «Улисс», «Любовник леди Чэттерли», «Фанни Хилл» тоже назывались цензорами порнографическими, а теперь они признаны высокохудожественными литературными произведениями и печатаются совершенно открыто.

Он поднял голову.

– Значит, «Только для мужчин» – высокохудожественное литературное произведение? – Он даже не дожидался ответа, настолько его забавляла ситуация. – Вас арестовали в Лондоне в 1955 году. У вас нашли образцы

непристойных и порнографических материалов, которые вы намеревались продать оптом. В том числе книга «Только для мужчин» и журнал «Очарование». И то и другое было выпущено вашей каирской компанией. Вас судили и приговорили к году заключения. Именно тогда возник вопрос о вашей настоящей национальности. Когда вы отсидели свой срок, министерство внутренних дел намеревалось выслать вас.

– Я опротестовал распоряжение о депортации.

– Это так, и причем весьма успешно. – Он горестно покачал головой. – Не знаю, как вы ухитрились этого добиться. Наверное, у судьи был выходной. Так или иначе, вам выдали новый паспорт, и вы затем вернулись в Египет.

– Да.

– Где вы ложно обвинили английского бизнесмена в шпионаже и донесли на него властям. – Неожиданно его тон вновь сделался мерзким.

– Это не так.

– Не так? Вы пытаетесь меня уверить, что не обвиняли мистера Колби Иванса? В деле имеется доклад нашей разведки, может, вы хотите с ним ознакомиться?

– Нет. Я просто хотел сказать, что все это было позже.

– До того, как вы обратились с просьбой о предоставлении вам египетского гражданства, или после?

– Я никогда не просил египетского гражданства.

– Однако у вас есть египетский паспорт. Я могу назвать его номер.

– Я получил его в период суэцкого кризиса. Тогда в Каире считаться англичанином было небезопасно. Теперь этот паспорт устарел.

– В таком случае, если вы хотите обновить паспорт, обратитесь лучше к египетскому консулу. Или он тоже не желает иметь с вами дело?

– Я британский подданный, и согласно Закону от 1948 года вы не можете лишиться меня гражданства, независимо от того, сколько у меня паспортов. – Я смотрел ему прямо в глаза.

Он тоже не отводил взгляда.

– Можем, и сделаем это. – Он вынул из папки еще одну бумагу. Мне ее не было видно, потому что он сразу же положил ее поверх остальных документов. – В декабре 1955 года лондонский суд проявил к вам снисхождение и подтвердил ваше британское гражданство. Вместо благодарности вы объявляете невинного человека шпионом. Я полагаю, это было сделано, чтобы доказать египтянам, насколько антибритански вы настроены, и чтобы отплатить нам за те несколько месяцев, которые вам пришлось провести в тюрьме.

– Я был уверен, что он шпион.

– Чепуха. Даже египтяне не смогли ничего состряпать против него, а они уж старались изо всех сил. В конце концов они его отпустили. Вы отвратительный тип, мистер Симпсон. Все это вы делали нам назло. Ваша жизнь – не что иное, как долгая, грязная история, – закончил он, зло поджав губы.

– Я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать оскорбления.

– Конечно, нет. Вы пришли сюда, так как в прошлом году каирская полиция обнаружила, что вы солгали в своем прошении о предоставлении вам египетского гражданства. Ведь вы ложно утверждали, что никогда не были в тюрьме и не совершали уголовного преступления. Когда они узнали правду, они дали вам от ворот поворот. А теперь это делаем мы.

– Вы не имеете права. Согласно Закону...

– Согласно Закону британский подданный может потерять свое гражданство только в том случае, если он формально откажется от него по форме Р-6 министерства внутренних дел. В июне 1957 года вы именно так и сделали.

– Это еще одна ложь. – Мне было, признаться, сильно не по себе.

– У меня здесь есть фотокопия, если вы хотите освежить свою память. – Он подался вперед и сунул ее мне под нос. – Зачем вы это сделали, мистер Симпсон? Я спрашиваю из любопытства. Такая хитрая крыса, как вы, могла бы придумать что-нибудь поумней. Была ли это еще одна пощечина проклятым англичанам или вы пытались убедить египетские власти, что англичане вам больше по душе?

Мне нечего было сказать. Я подписал эту чертову форму, потому что каирский адвокат, занимавшийся моими документами по натурализации, так мне посоветовал. К тому времени англичан уже вышибли из Египта, и вроде бы не имело значения, что подписывать. К тому же я был уверен, что бумажка затеряется.

– Вы не хотите отвечать? – Он откинулся в кресле. – Может быть, вас интересует, как мы возобновили ваш паспорт в 1960 году? Уверяю вас, это произошло не в результате чьей-то небрежности, просто так сложились обстоятельства. Пока мы не имели дипломатических отношений с Египтом, связи осуществлялись через Швейцарию, куда и направлялись все архивы. После восстановления отношений в 1959 году потребовалось время, чтобы привести все в порядок. Тогда ваша форма Р-6 поступила в министерство внутренних дел. Она не была разослана по консульствам до конца 1960 года. Вам опять повезло. – Он поднялся. – Но теперь везение на нашей стороне. Вы в черном списке. Для этого потребовалось долгое время. Я уверен, что грязная история вашей жизни еще многим доставит хлопоты, но, во всяком случае, уже не нам, британцам.

Он захлопнул папку и отодвинул ее в сторону. Я взял свой бумажник и направился к выходу. Он остановил меня:

– Минуточку, мистер Симпсон. У вас все еще есть старый британский паспорт. Это собственность правительства Великобритании.

– Я его потерял.

– Я так и думал, что вы это скажете. На всякий случай я вас предупреждаю. Не вздумайте продать его портовым поддельщикам документов или подделать для собственных нужд. Полиция предупреждена, что он украден. А теперь можете убираться.

Такова очаровательная концовочка, с которой меня проводила эта самодовольная паскуда.

Если мистеру Г. Картеру, богом проклятому Гэвину, попадутся на глаза эти строки, пусть он знает, что отправлял меня в тот момент почти что на верную смерть.

С моральной точки зрения он еще хуже, чем дерьмо, – он самый настоящий убийца!

Глава II

Я оставил машину у консульства и зашел в ближайшее кафе пропустить рюмку бренди.

Я очень боюсь высоты. Однажды, в ту ужасную ночь, когда меня заставили подняться на крышу музея Топкапи в Стамбуле, у меня так закружилась голова, что мне казалось, что я падаю, падаю и падаю, хотя на самом деле ничего не было.

Примерно то же я чувствовал, сидя за столиком кафе: я падаю, и ничто не в силах остановить меня, кроме скал внизу. Я всегда был в какой-то степени бездомным, а теперь меня еще и лишили гражданства.

Через десять дней истек срок разрешения на мое пребывание в Греции и на работу. Чтобы его продлить, нужно было идти в бюро по делам иностранцев. Само по себе это меня не волновало, поскольку я ничего особенно предосудительного в Греции не совершил и власти дважды продлевали оба разрешения на полгода. Но для продления разрешения нужно обязательно предъявить паспорт, который должен быть действительным. Прошлый раз я воспользовался своим старым египетским паспортом, срок действия которого тогда еще не истек. Я знал, что бесполезно обращаться к «поддельщикам документов», как их называл этот подонок. В бюро по иностранцам работают опытные люди, очень внимательно проверяющие паспорта. И если с какой-то подчисткой еще можно проскочить через иммиграционный контроль в аэропорту в

загруженный день, то, сунувшись с тем же в бюро, наверняка окажешься в тюрьме.

Я знал, какой я мог заполучить новый паспорт – Панлибгонко. Вопрос заключался в том, где взять деньги, чтобы за него заплатить?

Думаю, нужно пояснить насчет Панлибгонко. Это слово придумано моряками, когда они говорят об «удобных флагах», имея в виду такие страны, как, например, Панама, Либерия, Гондурас или Коста-Рика. Если вы крупный судовладелец и вам не нравятся налоговое законодательство, ограничения профсоюза моряков или правила безопасности вашей собственной страны, вы регистрируете свои суда в одном из государств Панлибгонко. И тогда никаких забот о налогах, о трудовом законодательстве, эксплуатация судов обходится дешевле. Все совершенно просто и абсолютно законно. Это настолько выгодно, что в наши дни под либерийским флагом больше торговых судов, чем под британским или американским. Другие маленькие страны тоже подключаются к бизнесу. Суда Аристотеля Онассиса (грека, родившегося в Турции, но гражданина Аргентины) бороздят моря под флагами по меньшей мере пяти разных «удобных» государств.

Конечно, это весьма выгодно и для самих стран Панлибгонко. Они получают жирный куш за регистрацию судов, а от них требуются только регистрационные свидетельства. За сами суда они не отвечают. Малина!

Ну а теперь самое время упомянуть джентльмена, которого я буду называть «мистер Гомес», хотя эта фамилия ничего не имеет с его подлинной.

Судовое регистрационное свидетельство – по сути дела паспорт судна. Это навело мистера Гомеса на мысль, что если его правительству удобно торговать «удобным флагом», то почему бы ему не торговать «удобными паспортами»? А поскольку он служит вторым секретарем в посольстве одной из стран Панлибгонко в Афинах, ему не составило большого труда поставить свою идею на практическую основу.

Вся беда в том, что его паспорта ужасно дороги. Он требует сорок тысяч драхм наличными, и никаких разговоров. Если у вас есть американские деньги, он может немного сбавить цену – до тысячи двухсот долларов. Но уж это крайний предел. Он, конечно, ведет дело через посредника: мистеру Гомесу не придет в голову пригласить вас к себе в посольство. Таким посредником служит некий Геннадиу, яхтенный маклер с конторой поблизости от бухты. Он занимается чем угодно. Однако мистер Гомес продает свои паспорта с двумя условиями. Первое из них не так уж плохо: вы не должны пользоваться паспортом в выдавшей его стране. Ну, а кто собирается ехать в такую вонючую страну? Но вот второе условие тяжко: паспорт выдается сроком только на два года и не подлежит

продлению. М-р Гомес, естественно, думает о своей шкуре. Когда он продает паспорт, он не регистрирует его официально, и если, скажем, владелец паспорта попробует продлить его в консульстве где-нибудь еще, например в Риме, они посмотрят на номер и увидят, что это фальшивка. Тогда дело труба. И все же платить по двадцать тысяч драхм за год обладания фальшивым паспортом, ей-богу, дороговато.

Тем более в моем кармане в данный момент не было и тысячи драхм.

Правда, у меня был автомобиль. Но, откровенно говоря, утверждение, что он принадлежал мне, не было на сто процентов точным. По закону он принадлежал женщине по имени миссис Карадонтис. Это вдова с деньжатами, и она держит четыре автомобиля с шоферами, работающими на комиссионной основе, которые обслуживают туристов. В моем распоряжении был восьмилетний «плимут», на котором требовалось заменить тормоза. Вдова была чертовски скупа, когда дело касалось ремонта. Вообще-то она скупилась на все, старая дрянь, в том числе и на мои комиссионные. Хотя и не верилось в то, что она одолжит мне деньги, которые нужны были позарез, я в то же время не знал никого другого, к кому мог бы обратиться за такой суммой. Приходилось втолковывать себе, что она все-таки даст мне в долг.

По натуре я оптимист. Если внушать себе, что все в порядке, и продолжать жить так, как будто не о чем беспокоиться, беды пройдут сами собой. Я знаю, что в большинстве своем они не проходят и тогда оказываешься в еще большей куче дерьма. Но меня этим не испугаешь, а когда ты в отчаянном положении, что еще остается, как не строить иллюзии?

Я решил тем же вечером зайти к Геннадиу и заказать паспорт, а потом уж обратиться к мадам Карадонтис за займом, чтобы заплатить за документ.

Дела шли вяло. На этой неделе я возил пару немецких туристов из Гамбурга, но сегодня они улетали. Мне оставалось лишь отвезти их в аэропорт. В качестве прощального подарка я купил для них пол-литра бренди – обычно это делает их более щедрыми в смысле чаевых – и отправился в отель «Король Георг», чтобы их забрать.

Они были не очень опытные, так что мне удалось вписать в их счет кое-что лишнее. Прощальный подарок тоже возымел свой эффект. Когда я возвращался из аэропорта, в моем кармане было почти семь тысяч драхм.

Ехать к Геннадиу до половины пятого было бесполезно, так как его контора закрыта на полуденный отдых. Я вернулся домой.

Моя жена Ники была на гастролях где-то в Румынии вместе со всей труппой. Она исполнительница экзотических танцев, и если кого-нибудь интересуется, как получилось, что у человека в моем возрасте, хотя еще и в

силе, но все же достаточно потертого, есть жена-гречанка на двадцать лет моложе, спросите ее сами. Моя первая жена, Аннета, страдала неврозом на сексуальной почве. Она сбежала с египетским офицером и теперь, я глубоко уверен, жестоко раскаивалась в своем поступке. Когда она жила со мной, она не понимала своего счастья. Ники совсем другая – спокойная и очень практичная. Мужчина склонен искать утешения, а привлекательная женщина – покровительства. Я всегда контролировал деловую сторону ее карьеры, и когда она бывала в хорошем настроении, она звала меня «папочка». Ники работала не потому, что я ее заставлял, а потому, что любила свою профессию. Я не брал с нее комиссионных. Она была полностью свободна в выборе, как и с кем проводить свое время. Я не задавал вопросов. Наша вынужденная разлука очень меня огорчала.

Я перебрал ее вещи – а вдруг можно что-нибудь продать.

Результаты оказались ничтожными. Свое куные боа и украшения она взяла с собой. Оставался только браслет с парой золотых штучек на нем, за который можно было бы кое-что выручить, но «кое-что» меня не устраивало, и поэтому я решил повременить с его продажей.

Выпив стакан-другой вина, я отправился в сторону бухты.

У этого Геннадиу не было собственных яхт. Он выступал в качестве агента различных яхтовладельцев, оформлял фрахтовые документы, обеспечивал продовольствие. Однажды я заработал у него комиссионные, познакомив с ним пару американцев, пожелавших зафрахтовать небольшую яхту, чтобы покататься вокруг островов, так что был с ним немного знаком.

Его контора была расположена на яхтенном причале. На стенах развешаны фотографии яхт, а когда открываешь дверь, звучит корабельный колокол. За конторой находится склад, забитый консервами и спиртным. Небольшой, но доходный бизнес. Другой, может быть, и не подумал бы связываться с паспортами, но такой уж у него алчный характер. Его брат работает в полиции, вот он и запускает свои лапы куда только может. Сам он маленький, желтый, остроглазый, любит щеголять в шелковых рубашках и очень самоуверен.

Конечно, когда он меня увидел, первой его мыслью было, что я явился с деловым предложением. Когда он узнал, что это не так, его манера сразу изменилась. Она еще раз изменилась, когда я сказал о цели своего визита. Он скорчил недовольную гримасу и стал выпаливать вопросы.

– Кто направил вас ко мне?

– Друг. Друг мистера Гомеса.

На самом деле я услышал о паспортном бизнесе Гомеса от одного из «поддельщиков документов». В тот момент у меня было туго с деньгами, а поскольку мне не было никакой пользы от моего старого египетского

паспорта, я продал его этому типу, который затем наклеит на него пару фальшивых марок и всучит какому-нибудь простодушному матросу. Пока мы торговались о цене, он мне рассказал о Гомесе. Ему хотелось показать, с какой нечестной конкуренцией он имеет дело. После этого я порасспросил нескольких знающих людей, от которых узнал, что обращаться нужно к Геннадиу.

Как бы там ни было, не стоило давать понять Геннадиу, что о его паспортном бизнесе знают многие. Это могло бы вызвать дополнительные трудности. Так что я ничего больше не сказал и постарался напустить на себя вид человека, умеющего держать язык за зубами.

Похоже, это его удовлетворило, и он несколько смягчился. Он проводил меня в одну из складских комнат за офисом и закрыл дверь.

– Этот паспорт для тебя? – Да.

– А в чем дело? Я думал, ты египтянин.

– Я британский подданный, но они придираются из-за каких-то неясностей в армейском свидетельстве моего отца. Это может затянуться на месяцы. Мне нужен паспорт, чтобы переждать.

Он явно не верил ни одному моему слову, однако промолчал. Скорее всего, ему было наплевать.

– Цену знаешь? – Да.

– А условия?

– Тоже.

На всякий случай он повторил цену и условия. Я сказал, что мне все ясно.

– Хорошо. Сейчас заплатишь наличными десять тысяч драхм, остальное по получении. Срок три дня.

– Да это же задаток в четверть всей суммы! Мне сказали, что задаток десять процентов, я так и рассчитывал. А теперь оказывается...

В конце концов мы сторговались на двенадцати с половиной процентах, и я вручил ему пять тысяч драхм. Он тщательно их пересчитал.

– Для паспорта нужны фотография и данные. По паспорту ты должен выглядеть натурализованным гражданином, и данные должны совпадать с тем, что значится в разрешении на проживание, понимаешь?

– Сколько фотографий?

– Хватит одной.

Я захватил с собой несколько фотографий. Он взял у меня одну, а также разрешение и начал переписывать данные.

– Но ведь здесь говорится, что ты египетский гражданин.

– У меня двойное гражданство. Вообще-то я британский подданный.

Он пожал плечами.

– Здесь написано египетский, значит, и в паспорте должно быть указано, что ты бывший египтянин. Такое правило.

– Ладно. – Я знал, что могут возникнуть неприятности, если мне придется когда-либо воспользоваться этим паспортом в Египте, но делать было нечего. Во всяком случае, передо мной стояли более важные проблемы, а именно: как раздобыть тридцать пять тысяч драхм.

Он закончил переписывать мои данные, но не вернул разрешение. Видимо, он колебался.

– Ты собираешься за кордон?

– Нет, я просто хочу продлить мое разрешение на пребывание здесь. Для этого нужен паспорт.

Я думал, что как греческий гражданин он не знаком с правилами работы бюро по иностранцам, но ошибся.

– Тогда тебе придется поставить греческую визу в новом паспорте.

– Я знаю. – Я протянул руку за разрешением, но он продолжал вертеть его в руках. Видно, он все еще приглядывался ко мне, изучая меня из-под очков очень хитрыми глазками.

– Дела у тебя, видно, идут неплохо.

– Да, сезон был довольно приличный.

– Это твой собственный автомобиль?

Возможно, он заранее знал ответ на этот вопрос, поэтому я не стал врать.

– Нет, он принадлежит миссис Карадонтис.

– Она, должно быть, чертовски щедра.

– Щедра? – Я рассмеялся.

– Если ты смог накопить так много денег.

Было ясно, какую он забрасывает удочку. Ему хотелось знать, не опасно ли иметь со мной дело, не украл ли я деньги. Он не мог себе позволить осложнения. Я тоже.

– Ну, я скопил далеко не все. Мне придется еще одолжить половину у мадам Карадонтис. – Я ухмыльнулся. – Вот почему я засмеялся, когда зашел разговор о ее щедрости. Я плачу ей восемь процентов с оборота в месяц.

Здесь я дал маху, но в тот момент ни я, ни он этого не поняли. Он мне поверил. На какую-то долю секунды даже улыбнулся. Затем вернулись к делу. Он протянул, кивнув, мое разрешение на пребывание.

– Через три дня, – сказал он. – Короче, в пятницу в это же время. И всю остальную сумму наличными, – добавил он твердо. – Ровно тридцать пять тысяч драхм.

Как будто я этого и без него не знал.

Глава III

Мадам Карадонтис жила в большой квартире недалеко от Афинской высшей технической школы.

Обычно я появлялся там дважды в неделю, чтобы отчитаться и сдать деньги за автомобиль. Я ненавидел эти визиты, даже если не было споров по поводу счетов. Дурные запахи обычно не очень меня беспокоят – запах есть запах, – но ее квартира просто воняла. Чем точно, я так и не знаю: иногда мне думалось, что ее покойным мужем. Такой запах бывает от воды с цветами, когда ее долго не меняли, только во много раз хуже.

От самой мадам К. пахло плохими духами, и оба запаха в комбинации превращались в настоящий кошмар. Ей было за шестьдесят. На верхней губе у нее росли усы, а голос походил на визг напильника. Она здорово выпивала. Я старался попадать к ней по возможности не очень поздно, чтобы она смогла просмотреть счета до того, как наберется. Иначе процедура занимала в два-три раза больше времени. Она была яркой монархисткой и после нескольких рюмок имела привычку читать вслух газетные статьи и поносить правительство. Потом начинала рассказывать, каким чудесным человеком был ее покойный муж, и, всплакнув, вновь принималась за правительство. Так могло продолжаться часами. Правда, под этот аккомпанемент удавалось задарма пропустить пару-другую рюмашек, но их никогда не хватало, чтобы перестать чують запах.

На сей раз, однако, я подождал до половины десятого. Мне не нужно было отчитываться до следующего четверга, и я хотел, чтобы она была достаточно тепленькой, когда я начну ее обхаживать на предмет займа.

Она и точно была тепленькой. Поначалу я даже подумал, что чересчур и что теперь мне не удастся найти паузу в ее словоизлияниях, чтобы изложить свою просьбу. Лишь только я открыл дверь, она начала размахивать вечерней газетой и визжать, что опубликованная там речь Маркенизиса – сплошное предательство. Она даже не спросила, зачем я пришел. Для нее любая аудитория была лучше, чем никакой. Так что она была рада моему визиту. Она дважды прочитала речь вслух. Я потягивал бренди и поддакивал.

Я заранее тщательно обдумал все, что собирался ей сказать. Во многих отношениях она была просто старой дурой, но только не в том, что касалось денег. Здесь ей палец в рот не клади. То же самое можно сказать об ее отношении к законности и порядку. Сама она, конечно, не стеснялась мошенничать при уплате налогов, но ведь это же были ее деньги. А если речь шла о ком-нибудь другом, кто мошенничал при уплате налогов или как-то иначе, она приходила в ужасное негодование. И если

бы я ей сказал, что мне нужны деньги для приобретения фальшивого паспорта, поднялся бы невероятный крик. Возможно, она обратилась бы в полицию. Нужно было придумать другую причину.

Хотя мне исполнилось всего семь лет, когда погиб мой отец, я его очень хорошо помню, так же как и некоторые его афоризмы. Он был офицером и джентльменом, это так, но в то же время и бывалым солдатом, немало повидавшим на своем веку. Он принадлежал к старой гвардии и умел, как говорится, делать так, чтобы бутерброд падал маслом вверх. Одной из первых истин, которые он мне втолковал, было: «Никогда не ври, если можно взять свое и так». Он, естественно, шутил – у него было очень развито чувство юмора, – но во всех его речениях была солидная доля здравого смысла. Когда я попадаю в очередную неурядицу, я стараюсь припомнить подходящую к случаю поговорку отца, и в девяти случаях из десяти она помогает мне выкарабкаться.

В данном случае мне пришло на ум такое высказывание: «Зачем отбивать кулаки о челюсть противника, когда проще дать ему коленом между ног».

На первый взгляд – поговорка, отражающая суть простой военной тактики – атаковать там, где можно нанести неприятелю максимальные потери с минимальными затратами. Но если вдуматься, в ней заложен гораздо более глубокий смысл. Задано наиболее уязвимое место для нанесения удара, но вместе с тем подразумевается наличие достоверных разведывательных данных. Речь идет о нападении именно на мужчину. Если твои разведчики докладывают, что придется иметь дело с женщиной, переодетой мужчиной, нужно выбирать другое уязвимое место. С другой стороны, тут определено и оружие, и границы его применения. Ведь не станете вы пытаться в обычных условиях ударить человека коленом по челюсти. Благодаря моему отцу во мне заложено немало качеств бывалого солдата вместе с инстинктивным пониманием тактики. Беда в том, что тактика не всегда срабатывает.

Прежде всего нужно было решить, есть ли у мадам Карадонтис уязвимое место и как к нему подобраться. Ее действительно уязвимым местом был, конечно, покойный супруг, но я никак не мог придумать, за что можно здесь зацепиться, чтобы она одолжила мне денег. Другим уязвимым ее местом было, как я полагал, то, что ей всегда требовался слушатель. Именно это и навело меня на одну мысль.

Сама по себе она была недурна, даже, я бы сказал, довольно-таки остроумна. Мне нужно было всего-навсего выдумать родственницу где-нибудь в Австралии или Южной Америке, чей муж умер, и попросить денег, чтобы оплатить ее проезд до Афин.

Родственница должна быть точной копией мадам Карадонтис, только без денег. Я не поскупился на усилия, чтобы хорошенько отработать свой план. Я назвал ее тетей Эрриной и написал себе от ее имени длинное умоляющее письмо. Я придумал ей адрес в Австралии. Австралию я выбрал потому, что билет на самолет оттуда наверняка стоит не меньше тридцати пяти тысяч драхм. Миссис Карадонтис знала, что моя мать была египтянкой, но не знала подробностей. Так что я превратил мамашу в египтянку греческого происхождения и придумал ей младшую сестру, тетю Эррину, которая вышла замуж за австралийского бизнесмена как раз перед второй мировой войной. Как и у мадам Карадонтис, у тети Эррины не было детей, я оставался ее единственным из живущих родственников. Ее письмо ко мне я сделал действительно трогательным. Я хотел, чтобы мадам Карадонтис почувствовала, что тетя Эррина будет до самой смерти благодарна ей за деньги, одолженные на проезд до Афин. И если я хоть немного знал мадам К., сама идея иметь под рукой говорящую по-гречески тетю Эррину, практически полностью в ее власти, могла прийти ей по душе.

Все сошло гладко, когда мне наконец удалось выложить свою историю и показать ей письмо. Она так заинтересовалась тетей Эрриной, что мне пришлось рассказать о ней массу подробностей. В конце концов мне самому стало казаться, что старушка действительно существует. Но лишь дело дошло до оплаты ее проезда и моего займа, выяснилось, что я не так уж хорошо знаю мадам Карадонтис, как думал.

Все застопорилось из-за слова «самолет».

– Самолетом сюда из Мельбурна? А почему она должна лететь самолетом?

Дело было в том, что стоимость билета на самолет – около тридцати пяти тысяч драхм, но в моем положении было не до откровенности.

– Она очень нуждается, мадам Карадонтис. Может быть, даже голодает. Если читать ее письмо сквозь строки, я в этом почти уверен. Чем быстрее она попадет сюда, тем лучше. Как единственный оставшийся в живых родственник, я чувствую ответственность за ее судьбу.

– Чепуха. Она не будет голодать на корабле, а проезд наполовину дешевле: пятнадцать, а то и четырнадцать тысяч драхм.

– Наверное, так. – У меня вылетело из головы, что ее муж был портовым агентом в Пирее.

– Знаете, почему многие туристы в наши дни предпочитают путешествовать морем? Потому, что это дешевле и спокойней. После всего, что пережила эта бедняжка, пять недель морского путешествия будут для нее божьим даром. Кто вы такой, чтобы лишать ее этого?

Принять понурый вид мне не составляло труда.

– У меня нет другого выбора, миссис Карадонтис, – ответил я тихо. – Мне не к кому обратиться, кроме как к вам. Если мне не удастся достать эту сумму, даже страшно подумать, что случится с тетей Эрриной. Я ее знаю. Она горда и чувствительна, как и вы. Когда я получил сегодня это письмо, моей единственной мыслью было доставить ее сюда как можно скорее, дать ей знать, что она не забыта.

– Дать ей знать вы можете по телеграфу, – отрезала она.

– Если я не смогу для нее ничего сделать, может быть, лучше совсем не отвечать, чтобы не возбуждать несбыточных надежд. Пусть думает, что меня нет в живых.

– Кто сказал, что вы ничего не сможете сделать? Просто я говорю, что нужно действовать с умом. Я не люблю давать деньги в долг. Мой покойный муж предупреждал меня. Когда он узнал, что умирает... – Досыта напичкав меня своим покойным мужем, мадам Карадонтис вернулась к делу. Она собиралась не одолжить мне деньги, а выдать аванс на пароходный билет под залог семидесяти пяти процентов моих комиссионных, пока я не расплачусь.

– Но сначала, – продолжала она, – пойдите в контору «Саккапулос и К°» и узнайте все о расписании и стоимости. Я знаю Саккапулоса лично и сама с ним переговорю. Я попрошу его переслать счет мне.

Я понял, что проиграл. В конце концов я откланялся. У меня внутри все горело по дороге домой. Ясно, что мне придется до конца ломать комедию с этим Саккапулосом, а потом написать самому себе письмо от тети Эррины, в котором она сообщит, что раздумала ехать. Это надо сделать через пару недель. Здесь ничего страшного не было. Действительно страшным было то, что через пару недель могло уже не иметь значения ничего из того, что я говорю или делаю. Если я не заполучу тридцать пять тысяч драхм, моя персона станет предметом внимания бюро по иностранцам и полиции.

Глава IV

Три последующих дня были невыносимы. Я даже подумывал продать «плимут», а вместо него взять автомобиль для работы напрокат. Однако выяснилось, что из этого ничего не выйдет, так как регистрационные документы на него были у мадам Карадонтис.

Настала пятница, когда мне нужно было явиться за паспортом к Геннадиу. Естественно, я не пошел. Было бы бесполезно пытаться выпросить у него паспорт. Мысль о том, что он лежит где-то в столе в конторе Геннадиу, сводила меня с ума. Вечером в пятницу мною настолько овладело отчаяние, что я даже стал подумывать, не

попробовать ли забраться туда и украсть паспорт. Я не сделал этого лишь потому, что у меня хватило ума сообразить: даже в случае удачи Геннадиу сразу догадается, чьих это рук дело. Он не из тех, кто дает кому-нибудь спуску. От него можно ожидать самого худшего.

В субботу я возил американскую чету в Дельфы. Вернулся я обратно часов в восемь вечера. Зашел в таверну рядом с домом, чтобы пропустить стаканчик. На моей визитке напечатан номер ее телефона, и хозяин передает мне, если кто-нибудь звонит. Звонил Геннадиу: не буду ли я так любезен позвонить ему, если вернусь раньше девяти вечера, в противном случае утром. Он оставил номер, по которому его можно найти. Дело срочное.

Срочное или нет, я выпил бренди, пока обдумывал послание.

На первый взгляд, вопрос был ясен. Он хотел знать, почему я не явился за паспортом и не принес тридцать пять тысяч драхм наличными.

С другой стороны, там были слова «так любезен» и «срочно». Если он хотел просто на меня цыкнуть, хватило бы краткого напоминания о его существовании или приказа быть в его конторе в понедельник утром. Любопытно.

Я решил позвонить. Отговорка насчет пятницы была наготове. Вряд ли у меня сразу начнутся неприятности.

К телефону подошла женщина. В трубке были слышны звуки, похожие на ресторанные. Я назвалса и стал ждать.

Как только он подошел к телефону, я сказал, что ездил на два дня в Дельфы и потому не смог попасть к нему в пятницу.

Он оборвал меня на полуслове.

– Об этом можно поговорить позже, – коротко сказал он. – У вас есть время?

– Время для чего?

– Обсудить деловое предложение. Знакомые м-ра Гомеса нуждаются в человеке, знающем нюансы жизни города и его возможности на предмет съемки фильма о путешествиях. Я предложил вашу кандидатуру. Годится?

– Очень даже.

– Я так и думал. – Его голос звучал почти весело. – Конечно, обещать я ничего не могу. Они сами должны решить, насколько вы им симпатичны.

Последнее слово он произнес по-французски, что было странно.

– Что мне нужно сделать?

– Быть в моей конторе в девять тридцать.

– Утра?

– Нет, сейчас. – Он повесил трубку.

Одно, во всяком случае, было ясно: если Геннадиу и оказывал мне какую-то услугу, то себе он этим оказывал гораздо большую. Нужно быть настороже. Но, конечно же, я заволновался. Мне раньше приходилось иметь дело с киношниками. В прошлом году одна американская съемочная группа нанимала меня возить операторов, что дало мне шестинедельный твердый заработок. А если бы помощник режиссера не был так придирчив насчет путевых листов, я мог бы урвать приличный куш.

Я выпил еще бренди, зашел домой, побрился и надел чистую сорочку. Мой отец, бывало, говаривал: «При деньжатах, выбритый, в чистой рубашке и сходяв в сортир, сразу становишься новым человеком». Новым человеком я, в общем-то, не стал, но несколько приукрасил уже существующего. Я переоделся в другой костюм, американский, который купил по случаю у обслуги в отеле «Хилтон». Пиджак, правда, был немножко тесноват на животе, но если не застегиваться, все выглядело о'кей. В длинном зеркале, которым пользовалась Ники, я казался довольно симпатичным. А если не забывать выше держать подбородок, то мог выглядеть вдобавок человеком, на которого можно положиться.

В конторе Геннадиу света не было, и, когда я туда приехал, она была заперта. Я стал ждать. Через минуту-другую я заметил его за столиком одного из рыбных ресторанчиков, расположенных на террасах, спускающихся к бухте. Вместе с ним сидел крепко сложенный, сильный мужчина с короткими вьющимися светлыми волосами. На нем была голубая спортивная рубашка, и даже на расстоянии можно было рассмотреть золотистые волоски, блестевшие на его загорелых руках. Говорил Геннадиу. Блондин слушал с несколько скучающим видом. Геннадиу посмотрел на часы и закончил свой монолог. Блондин кивнул и потянулся за стоявшей перед ним бутылкой вина. Геннадиу поднялся.

Я вернулся ко входу в контору, чтобы не было заметно, что я их видел. Минуту спустя Геннадиу появился на дороге и направился ко мне.

Я ожидал, что он достанет ключи и отопрет контору, но ничего этого не случилось. Подойдя, он кивнул.

– Ты вовремя. Деньги принес?

Вопрос застал меня настолько врасплох, что я начал запинаться.

– Но я думал... Нет, со мной нет... Я имею в виду, речь шла о деловом предложении... посторонние люди... Я не совсем понял...

Поскольку я-то хорошо знал, что у меня нет денег, я, видимо, подсознательно решил, что и ему это известно. В какой-то мере так оно и было.

Он остановил меня нетерпеливым жестом.

– Все ясно. Ты не принес деньги. Ты их не взял с собой или у тебя их нет?

Я колебался. Можно было бы отсрочить тяжкую минуту, соврав, но, поскольку он был довольно спокоен, я решил избрать более безопасный путь и дать ему понять, пока мы на деловой ноге, что в операции произошла заминка. Он смотрел на меня с ожиданием и, казалось, был готов предоставить мне шанс.

– Ну, если начистоту, – сказал я, – мне пока не удалось собрать всю сумму. Как я говорил, мне пришлось ехать в Дельфы, а мадам Карадонтис... как бы это сказать...

Он кивнул:

– Мадам Карадонтис тебе все-таки не одолжила.

– Не столько, сколько требуют обстоятельства. Он холодно посмотрел на меня.

– Репутация мадам Карадонтис хорошо известна. По имеющимся у меня сведениям, вероятность того, что она может хотя бы подумать, не дать ли кому-то займы, практически равна нулю.

– Она слишком много пьет. Порой трудно понять, как ты с ней сотрудничаешь.

– Зато нам хорошо известно, как обстоят твои дела, – сказал он неприятным тоном. – Ты знал условия и согласился на них. Я готов выполнить свою часть сделки. Как лицо, ответственное перед мистером Гомесом, я намерен проследить за тем, что ты выполнишь свою. Если ты этого не сделаешь, могу тебя заверить, что твоя песенка будет спета.

Я мог бы обойтись и без его заверений. Так или иначе, моя песенка действительно была бы спета. Мой желудок отреагировал, однако, на это напоминание таким громким ворчанием, которое наверняка услышал и он. Я откашлялся, чтобы заглушить ворчание.

– Я готов на все, что вы предложите, – сказал я.

– Хорошо. Мое предложение состоит вот в чем: раз ты не можешь взять деньги в долг, ты должен их заработать.

– Вы имеете в виду эту кинокомпанию?

– Вот именно. – Он ткнул меня в грудь очень твердым пальцем, чтобы подчеркнуть значение своих слов. – Я заключил с «Сине-Таранто» контракт на ее обслуживание на время съемок. Если ты подойдешь «Сине-Таранто», то войдешь в команду. Но при этом будешь оставаться в моем подчинении. Ясно?

– Ясно. Я их обслуживаю, вы получаете за это деньги. Сколько это будет стоить?

– Столько, сколько ты мне должен. Ты им понадобишься примерно на три недели.

– А что же с моим паспортом? Я не могу его ждать три недели. Они не будут вам платить за мои услуги, если полиция запрячет меня в каталажку.

– Это мы обсудим позже. – Он снова ткнул меня в грудь. – Сейчас главное узнать, подойдешь ли ты им. Исходя из твоих же интересов, я очень надеюсь, что подойдешь. – Он опустил руку и щелкнул пальцами. – Если готов, пошли.

Он повернулся и зашагал обратно по направлению к ресторану. Я двинулся вслед.

– Ты по-французски хорошо говоришь? – Он взглянул на меня через плечо.

– Довольно прилично.

– Тем лучше для тебя. «Сине-Таранто» – международная компания. Мсье Гутар – личный помощник продюсера, француз. Похоже, ни на каких других языках он не говорит. Мистер Эмиль Хейек, продюсер и директор, говорит на нескольких языках, но не по-гречески. Я точно не знаю, какой он национальности. Может быть, швейцарец. Он живет в Швейцарии. Кинооператоры – итальянцы. Но тебе предстоит работать с мсье Гутаром. Сначала ты встретишься с ним.

Мсье Гутар был тем самым блондином с мощными руками.

Когда мы подошли к столу, он поднял голову, но продолжал сидеть, пока нас представляли друг другу. Его рукопожатие, к моему облегчению, было небрежно: его лапищи, покрытые рыжеватыми волосами, наверняка могли бы переломать мне кости. Кивком он пригласил меня садиться.

У него были очень бледные голубые глаза, короткая шея и плоские, жесткие щеки, выглядевшие такими же мускулистыми, как и его руки. Это было лицо человека, привыкшего командовать: его рот, казалось, обладал способностью лишь отдавать распоряжения о наказании, а глаза – следить за их исполнением. Слабая полуулыбка, игравшая на его тонких губах, как я скоро понял, оставалась постоянной. Но это была улыбка-капкан: единственное, что доставляло ему удовольствие, так это чужие неприятности. Манера, с какой он принялся меня осматривать, сразу же меня обескуражила, и я невольно попытался подыграть его ухмылке, изобразив жалкое ее подобие. Должен признать, что Гутар навел на меня страх с первого же взгляда.

Сначала говорил один Геннадиу. К моему удивлению – я действительно этому очень удивился, – он с разбега обнародовал тот факт, что я муж Ники. Он, конечно, называл ее исполнительницей танца живота. Она действительно исполняет танец живота, однако многие не знают, что в арабских странах это не просто представление в ночном клубе, вариант стриптиза, а высокоценное искусство. Сама она предпочитает выражение

«исполнительница экзотических танцев», чтобы подчеркнуть различие. Я так и сказал.

Геннадиу самодовольно осклабился:

– Как я вам говорил, мсье Гутар, он в этом деле специалист.

Глаза Гутара продолжали разбирать меня по косточкам.

– Не все ли равно, как это назвать? – спросил он. – Если это именно так выглядит и так действует на зрителей, слова не важны.

Было очевидно, что он человек дела. Но какого дела? Уже тогда инстинкт подсказал мне, что в прошлом он почти или совсем не имел никакого отношения к кино.

Он осушил одним глотком остатки вина в стакане и, к моему облегчению, отвел от меня глаза.

– Он знает, что от него требуется? – обратился он к Геннадиу.

– Только в общих чертах. Я думаю, будет лучше, если вы сами введете его в курс дела.

– Это сделает шеф. Он знает, что ему нужно. Моя забота – обеспечить, чтобы он получил то, что ему нужно. – Он поднялся. – Мы пойдем и повидаем его сейчас.

Мы вышли из ресторана.

– Может быть, воспользуемся моей машиной? – спросил я Геннадиу.

– В этом нет необходимости.

Мы прошли вдоль бухты и спустились к моторной лодке, которой он пользовался для доставки припасов на яхты. Было ясно, что яхта входила в число услуг, предоставляемых им для «Сине-Таранто».

Она стояла на якоре на дальней стороне бухты против яхт-клуба и представляла собой старое шестидесятифутовое моторное крейсерское судно с приземистой декоративной дымовой трубой. Мы причалили к небольшому трапу, и матрос придержал багром нашу лодку, пока мы выбирались на яхту. Гутар повел нас на корму, где на палубе под тентом стояла пара столиков и брезентовые кресла. В них сидели трое мужчин и брюнетка.

Двое из мужчин сидели за столиком и играли в карты. Когда мы подошли, они только взглянули на нас мельком и вновь принялись за игру. Это были итальянцы, кинооператор и его помощник. Эмиль Хейек и девица сидели, откинувшись в креслах, позади них. В руках они держали стаканы. Я позже узнал, что девица – его любовница. На вид ей было лет шестнадцать, и она выглядела весьма невинно. Оба впечатления оказались совершенно обманчивыми.

Хейек был примерно моего возраста и внешне чем-то походил на меня – темноволосый, лысеющий, с округлым животиком, орлиным носом и

полным, решительным ртом. Однако на этом сходство кончалось. У меня волосы каштановые с проседью, у него – черные как смоль; мои движения неторопливы и хорошо скоординированы, его – быстры и порывисты; у меня голос образованного англичанина, у него – грубый и гортанный, на каком бы языке он ни говорил. И еще он носил драгоценности: золотой браслет, пару перстней и золотую цепочку с медальоном на шее. На кармане его рубашки и носках черных домашних туфель были вышиты золотом его инициалы. Во рту сверкали два золотых зуба.

Когда меня ему представили, он выпрямился, но не встал и не протянул руки. Он кивнул в сторону девицы:

– Мой ассистент и технический советник, мадемуазель Кауфман.

Я поклонился ей. Она разглядывала меня поверх стакана. Хейек жестом пригласил нас сесть. Матрос в белом кителе подал напитки.

– Мне говорили, мсье Симпсон, что ваша жена – известная исполнительница танца живота, – сказал Хейек.

– Исполнительница экзотических танцев, шеф, – сказал Гутар. – У него пунктик на этот счет.

– Рад слышать, – сказал Хейек. Его золотые зубы сверкнули. – В развлекательном бизнесе деликатность и хороший вкус имеют первостепенное значение. Я надеюсь иметь удовольствие познакомиться с вашей женой.

– В настоящее время она на зарубежных гастролях.

– Какая жалость. Но вы, насколько я понимаю, имеете опыт работы с киносъемочными группами.

– Да, мсье Хейек. – Он сказал уже достаточно, чтобы я мог распознать его происхождение. Может быть, он и живет в Швейцарии, но его французский акцент сирийского или ливанского происхождения. Удивительно, что Геннадиу этого не заметил.

– Какого рода у вас опыт?

Говорить ему правду не было никакого толка. Впрочем, в этом и не было нужды: пока я возил ту самую съемочную группу, мне удалось порядочно нахвататься всякой всячины, слушая их разговоры.

– Главным образом, работа на натуре, – сказал я. – Помощь на месте съемок руководителям группы, связь с местными властями, организация массовок, переводчик при директоре – в случае необходимости. В общем, мастер на все руки.

– Кого вам приходилось набирать для массовок?

– Местную публику, рыбаков, деревенских жителей. На самом деле статистов подыскивал один грек, и мне еще тогда пришло в голову, что я и сам вполне справился бы с этой работой, может, даже лучше.

– Нас не интересуют рыбаки или деревенские жители, – сказал Хейек. – Это будет фильм о путешествиях. Но, – он поднял руку, подчеркивая этим значение своих слов, – это будет фильм нового типа. Мы покажем прошлое в настоящем и настоящее в прошлом.

Я ничего не понял и стал ждать продолжения, напустив на себя вид почтительного и сообразительного слушателя. Он пропустил приличный глоток виски.

– Слава Греции вновь оживет, – продолжал он. – Я воссоздам ее. И не только на ее руинах, но во плоти и крови.

Казалось, он ожидал от меня какого-то отклика.

– Звучит очень интересно, мсье Хейек, – сказал я. Потом меня осенила идея. – Вы будете работать по сценарию?

Он улыбнулся, нагнулся и поднял с палубы лежавший рядом с его креслом толстый том в кожаном переплете.

– Вот единственный сценарий, который мне нужен. Это и мое воображение. Остальное – в руках природы.

– И плоти с кровью, – заметила со странной улыбкой мадемуазель Кауфман. Это были первые слова, которые она произнесла с момента нашего прибытия.

Хейек игриво похлопал ее по бедру.

– Вначале было слово, – сказал он. – Я думаю, вы говорите по-английски, мсье Симпсон.

– Да, я получил образование в Англии.

– Тогда вы должны знать труд Ламприера «Bibliotheca Classica».^[1]

– Что-то не припомню. – Я был в замешательстве.

– Ну вы, наверное, слышали об оргиях Дионисия?

– Да, конечно. – Наиболее лихие туристы всегда интересуются оргиями. Обычно гиды только и делают, что пичкают туристов археологией. Но я-то знал, как зарабатывать монету. Некоторые из храмовых обрядов были, прямо сказать, те еще штучки!

– Ламприер описывает их подробно, – сказал Хейек. – И не только оргии Дионисия или вакханалии. Похоже, что оргии очаровали его. Конечно, он писал о них в негодующем, осуждающем тоне, но он приводит детали. А чего у него нет, мы дополним воображением. Я уверен, мы не столкнемся с трудностями в воссоздании различных и совершенно правдивых сцен на фоне естественного окружения. Вы следуете за моей мыслью?

– Да. – Говоря по правде, я его уже давно обскакал.

– Главное, – продолжал он значительно, – собрать подходящую труппу – и танцоров, и всех остальных. Я настаиваю на полной достоверности с

частым использованием крупных планов. Значит, предстоит преодолеть определенные технические трудности. Когда мужчина и женщина, говоря словами Ламприера, «совершают акт невероятной распущенности», вряд ли удастся сделать два или три дубля. Нужно снимать с первого раза. Мы будем пользоваться несколькими камерами, чтобы все вышло объемно. Но успех во многом зависит от молодой, но опытной и сговорчивой труппы. Вот тут вы и вступаете в игру.

– Понятно.

– Вы представляете себе, что необходимо?

– Думаю, что да.

– Вы можете это обеспечить?

– Мне нужно знать немножко побольше. Задача не из легких.

– Если бы все было легко, – грубо прервал Гутар, – мсье Хейек не стал бы вам платить.

Хейек не обратил внимания на реплику. Он внимательно смотрел на меня.

– Мне нужно точно знать, чего вы хотите, – сказал я. – Например, сколько нужно танцоров и других лиц, на какое время? Где будут проходить съемки? Ну и, наконец, вопрос об оплате.

Он отмахнулся от вопросов небрежным жестом, сверкнув золотом браслета.

– Детали можно обсудить позже. Главное, чтобы вы прониклись пониманием важности качества исполнения. Нам нужно создать волнующее зрелище, а не какое-нибудь убожество. Ваша задача – найти привлекательные пары. Конечно, они должны быть талантливы и иметь опыт, но в то же время главное – молодость и свежесть. Никакого старья из подворотен. Понятно?

– Да. – Все было ясней ясного. Они снимали порнофильм.

Глава V

Тем же вечером я отправился к мадам Ирме. У нее очень приятный дом с участком неподалеку от дороги на Кифиссию. Обычно она держит не больше шести-семи девочек и меняет их через несколько месяцев. Цены у нее немалые, зато все организовано на высшем уровне. Клиенты приходят и уходят через разные двери, чтобы избежать непредвиденных встреч. Клиент имеет дело только с самой мадам Ирмой, старой Кирой, отвечающей за финансовую часть, и, конечно, с выбранной дамой. Если Хейек заботится о «качестве», думал я, Ирма могла бы мне помочь.

Ирма, бывало, платила мне комиссионные, когда я доставлял ей клиентов, так что в общем мы были на дружеской ноге. Естественно, я не собирался сразу же выкладывать ей все начистоту. Но я прикинул: если начать издали и сделать вид, что проговорился, она может подумать, что во всем этом деле для нее барыша больше, чем для меня, и тогда дело могло бы пойти на лад. Ну и конечно, для нее барыша, несомненно, будет больше.

Она не молода, но довольно привлекательна, если пухленькие в вашем вкусе. Я даже слышал, что кое-кто из ее регулярных клиентов обычно проводит время с ней самой, вспоминая старые времена. Может быть, и так; но когда к часу ночи все затихает, она, обычно одетая в элегантный домашний халатик, попивает чай в своей гостиной да раскладывает пасьянс.

Она не очень-то мне обрадовалась, когда я появился без клиента на буксире. Но я сказал, что пришел к ней за советом, и она несколько оттаяла, предложив мне чаю.

Мне больше подошла бы рюмка бренди, но пришлось ограничиться чаем.

– Вы знаете, мадам, что прибыла новая киносъёмочная группа?

– А, киношников в наши дни здесь полным-полно. – Было, однако, заметно, что она заинтригована. – Американцы?

– Итальянцы.

– Есть звезды? – Она читает все американские киножурналы и в курсе всех сплетен:

– Звезд в обычном смысле слова нет. Это фильм о путешествиях, но весьма своеобразный, по-своему художественный. Актеры и актрисы исполняют роли храмовых танцоров, нимф, фавнов, древних богов и богинь.

Она пожала плечами, сразу потеряв интерес.

– О чем же вы хотите со мной посоветоваться?

– Меня попросили подобрать подходящих молодых танцоров и танцовщиц да еще кое-кого для съемок. Я надеялся, что вы сможете мне помочь.

– Спросите свою жену. Она-то должна знать.

– Она на зарубежных гастролях.

– Но есть менеджер клуба, где она выступает. К тому же он театральная агент. Как же зовут эту свинью? Да, Аргирис.

– С Аргирисом очень трудно иметь дело, вы это знаете, мадам. Кроме того, я сомневаюсь, чтобы он знал актеров, нужных для этих конкретных съемок.

Я выбирал выражения очень осторожно. Она пристально взглянула на меня.

– А какой именно тип актеров нужен?

Опять я проявил осторожность в выражениях.

– Их игра должна отличаться полным реализмом, мадам.

– В одежде или без? – Она начинала соображать.

– И так и этак.

– В естественных ситуациях?

– По большей части.

– Фу, какая гадость!

Негодование было автоматической реакцией. У мадам Ирмы устраивались частные «представления», и ей хорошо было известно, что я о них знаю.

– Как я понимаю, все будет сделано с большим вкусом.

– Но только не с моими девочками.

Я не стал обращать ее внимание на лицемерность этого заявления.

– Нет так нет, мадам.

Но теперь она уже задумалась.

– Почему вы пришли за советом ко мне? – спросила она. – Почему вы не отправились к Прачке?

Так она окрестила свою главную конкурентку, а с ней я в настоящий момент находился в конфликте по поводу комиссионных, которые она мне задолжала.

– Все очень просто, мадам, – ответил я. – Эта кинокомпания – весьма компетентная организация, с высокими требованиями к качеству исполнения и располагающая хорошими деньгами, которые она готова заплатить. Им нужны только талантливые исполнители. Вот поэтому я и пришел к вам за советом.

Она еще подумала и принялась раскладывать карты на кофейном столике.

– Вы говорите, они располагают хорошими деньгами. Что вы имеете в виду?

– Три тысячи драхм каждой актрисе высшей категории. Их потребуется шесть на разный срок, в среднем на пять дней каждая.

– Это гроши. Я должна думать о своих девочках. Они все копят деньги на приданое. Минимум пять тысяч. Хотя я даже и не думаю всерьез об этом гнусном предложении.

– Об условиях всегда можно договориться. Она разложила еще несколько карт кружком.

– Вы говорите, они будут работать днем. А ночью?

– Нет, только днем.

– В студии?

– Нет, на площадках. В древних храмах. Я же сказал, все будет на высшем уровне.

– На открытом воздухе! – Да.

– Это настоящее злодейство. – Казалось, предложение произвело на нее впечатление. Еще карты, еще размышления. – А что будет с фильмом?

– Его размножат за рубежом для распространения в других странах.

– Не здесь? У меня, как вы понимаете, хорошие отношения с полицией, но...

– Нет, не здесь. Компания ни в коей мере не хочет никаких осложнений с полицией. Они очень осторожны и осмотрительны.

– Без этого нельзя. – Она протянула мне веер из карт. – Вытяните карту.

Я вытянул, и она положила ее, не глядя, в центр круга лицом вниз.

– Нужно подумать и об актерах-мужчинах, – заметила она.

– Я как раз собирался посоветоваться по этому поводу с вами, мадам. Предполагается, они будут блондины.

– Но есть и очень неплохие брюнеты.

– Может быть, им надеть парики? – Я сказал глупость, но день выдался трудный, и я устал.

Она нахмурилась и посмотрела на меня неодобрительно.

– Либо вы шутите, а я не люблю шуток в таких делах, либо у вас нет воображения.

– Простите, мадам, я не подумал.

– А я не люблю иметь дело с людьми, которые не думают.

Я решил, что лучше промолчать. Она ловкими движениями начала раскладывать второй круг карт. Наконец она открыла карту, которую я вытащил. Она постучала по ней с важным видом.

На карте был изображен человек, подвешенный за лодыжку.

– Висельник, – сказала она. – Если у вас на уме предательство, поберегитесь. Я говорю вам это для вашего же блага. Я не выбираю карты, у них свой путь к тайнам человеческого сердца.

Я кивнул. До меня дошел смысл тирады. Мои симпатии были на стороне человека, висевшего вниз головой. Я прекрасно понимал, что он испытывал.

Глава VI

Но не я предал мадам Ирму, а она меня! Хорошо, постараюсь быть объективным. Я не могу полностью обвинять старую стерву, что получилась такая история. Виноват Хейек. Ему ни в коем случае не нужно было нанимать такого опасного субъекта, как Гутар.

Гутар ни черта не понимал в киносъёмках, это было ему понятно. На самом деле он служил Хейеку телохранителем, подручным и спецом по грязным делишкам. Такому человеку, как Хейек, конечно, нужен громила вроде Гутара, но почему он остановился именно на Гутаре, я понять не могу. Наверное, то, что Гутар когда-то служил парашютистом во французской армии, производило впечатление на таких, как Хейек. А может быть, он повстречал Гутара, болтавшегося без дела где-нибудь в Дамаске или Бейруте, и нанял его по дешевке.

Конечно, я понял с самого начала, что все разговоры Хейека о съёмках развалин – сплошное очковтирательство. Он получил официальное разрешение снимать обычные виды вроде Акрополя или храма Зевса, но это было для прикрытия. Даже если бы министерство общественных работ позволило ему использовать их драгоценные археологические памятники как декорации для того, что было у него на уме, вся затея не имела смысла. Нельзя же снимать совокупляющихся нимф и фавнов на глазах у разинувших рот туристов! Для этого нужна атмосфера интимности.

План работы Хейека был прост. Три дня он для отвода глаз снимал обычные достопримечательности, но без пленки в камерах. После этого мы отправились вместе с трупой на яхте в прелестную бухточку, к которой нельзя было добраться по дороге.

Декорации, если их так можно назвать, состояли в основном из трех «сломаных» колонн, которые сделали по заказу Геннадиу в Афинах из дранки и гипса. Высотой они были всего в несколько футов и весили немного, но когда их установили на скалистом уступе над берегом моря, создавалось впечатление настоящего старинного храма. В добавление к этим декорациям была еще пара урн из папье-маше.

Впрочем, когда нимфы и фавны принимались за дело, вряд ли требовались какие-либо декорации.

Вот тут-то вступила в свою роль мадемуазель Кауфман. Хейек тогда сказал, что она его технический советник. В тот момент я не принял это всерьез, пока они не начали снимать сцены оргий. Здесь Кауфман с видом полной невинности стала предлагать девицам разные варианты того, что бы они могли проделать. Должен сказать, что от некоторых предложений даже меня бросало в краску. Похоже, ее не интересовало, что делают мужчины. Это было прерогативой Хейека.

Что касается меня лично, мне все это вскоре надоело. В том смысле, что хорошего понемногу.

Меня там не было, когда разразился скандал.

После того как я набрал актерскую труппу и убедился, что финансовая часть соглашения выполняется, мне там торчать целыми днями было явно ни к чему. Геннадиу не появлялся на горизонте с самого начала съемок, и я решил заняться своим обычным делом с автомобилем. В конце концов, нужно же было на что-то жить, тем более что Ники возвращалась с гастролей не раньше чем через месяц. К тому же у меня были обязательства перед мадам Карадонтис.

Говоря откровенно, я не думаю, что была бы какая-нибудь разница, если бы я и знал, какие там творятся дела. Гутара я бы остановить не смог. Скорее всего, мне не пришло бы в голову даже пытаться.

В тот вечер, которому суждено было стать моим последним в Афинах, я отвезил компанию американцев на Парнас. Они проторчали там с час, распивая коктейли в гостиничном баре, и уже стемнело, когда я распрощался с ними у отеля «Гран-Бретань». Я поразмыслил немного, стоит ли подождать пассажиров, направляющихся в аэропорт, и решил, что не стоит. Я взял курс к дому, но, на свое счастье, по дороге принял решение остановиться по пути в таверне, чтобы пропустить стаканчик.

Там меня ждало послание Геннадиу: «Позвони немедленно, авария» – и был приложен номер телефона его конторы.

Он ответил после первого же гудка и не стал тратить время на приветствия.

– Ты где, в таверне? – Да.

– Выходи и дуй прямо в мою контору.

– Да я...

– Не до споров. Времени в обрез. Немедленно в контору. Машину оставь у клуба. Ее не должны видеть у конторы. Усек?

– Но...

– Пулей, слышишь меня? Несись, ради самого себя. Он повесил трубку.

В голосе его чувствовался испуг. Одно это нагнало на меня страху. Я проглотил свою выпивку и вышел, не возвращаясь к столику.

Особенно не нравилось мне предупреждение не оставлять машину у конторы. Значит, указание на связь со мной означало для него какой-то риск или неприятности. И все же он сказал: ради самого себя. На секунду я задумался, не лучше ли ради самого себя не трогаться с места. Но через мгновение моя машина уже неслась по направлению к гавани.

В его офисе, выходящем на улицу, было темно, но он открыл дверь после первого же стука. В складской комнате был виден свет.

– Где ты оставил машину? – Он говорил шепотом.

– Где было сказано.

– Хорошо, заходи. – Он закрыл дверь, запер ее и повел меня в склад.

Когда мы вошли, при свете я заметил, что лицо его покрыто испариной.

– Где ты был последние три дня? – прошипел он.

– Работал.

– Предполагалось, что ты работаешь на меня.

– Там мне больше нечего делать. Хейек доволен. Все в порядке.

– Не все в порядке.

– Гутар не жаловался.

– Гутар! – Он произнес имя, как будто это было проклятие. – Тебе нужно было остановить его.

– Остановить? А что он такого сделал?

– Он пытался совратить девушек.

– Совратить их? – Заявление было настолько нелепым, что я даже хихикнул.

Геннадиу с размаху влепил мне оплеуху. Удар чуть не сбил мои очки, а в ушах зазвенело. Я прикрыл рот ладонью и уставился на него.

– Может, тебе не будет так весело, – рявкнул он, – когда я сообщу тебе, что полиция сегодня вечером заполучила ордер на твой арест! – Он перестал говорить шепотом.

– На мой арест!

– Твой и Гутара. Вас обоих обвинила женщина по имени Ирма Зигорис.

– Мадам Ирма? Я в это не верю.

– Лучше поверь. Уверяю, что информация у меня надежная. Я вспомнил, что у него брат служит в полиции, но даже после этого мне не верилось.

– Мадам Ирма никогда бы... Она просто не может этого сделать.

– Не обманывай себя. У нее в комиссариате хорошие дружки, и две девицы записались в свидетели. Тебя обвиняют, что ты склонял этих девиц к занятию проституцией.

– Ну это же абсурд. Они и так проститутки.

– Попробуй это доказать. А если даже и докажешь, что из того? Все равно ты поставщик, сводник. Смотри на вещи трезво. Дело в том, что Гутар сделал им предложение, а они рассказали мадам Ирме.

– Какое предложение?

Он нетерпеливо пожал плечами.

– Видно, он подбивал их устроить собственный бордель. Он назвал его кооперативным предприятием или еще чем-то в подобном роде. Какое это имеет значение?

Для меня это имело значение. Такого мадам Ирма никогда бы не забыла и не простила.

– Главное, дела уже не поправишь, – продолжал он, – и Хейек это понимает, хотя он весьма раздосадован всей историей, которая причинит ему неприятности и задержит съемку. Теперь мы должны действовать без промедления.

– Что с Гутаром?

– Он скрывается на яхте. Но долго он там не пробудет. Это слишком опасно. Так что Хейек решил выпроводить вас двоих отсюда тайком.

– Хейек решил! Уж не слишком ли он добр? – Я немножко оправился от первого шока и начал злиться.

– Что же ты предпочитаешь? Отправиться в тюрьму, чтобы тебя потом выслали официально? Не валяй дурака. Хейек и я – твоя единственная надежда.

Теперь он старался говорить практичным и деловым тоном, но капли пота продолжали выступать у него на лбу. Я представлял, что сейчас у него на уме. Мадам Ирма обвинила меня и Гутара, но ничего не сказала о Хейеке и его съемках. Если меня арестуют и начнут допрашивать, все выплывет наружу, включая роль самого Геннадиу во всем этом деле. Тогда и он оказался бы запачкан. Немудрено, что он хотел поскорее отделаться от меня.

Он вышел в переднюю комнату, оставив меня стоящим перед ящиком с говяжьей тушенкой. Мне очень хотелось куда-нибудь присесть. Он вернулся с конвертом в руках и протянул его мне.

– Здесь твой новый паспорт с въездной и выездной греческой визой плюс двести американских долларов и билет на пароход, отходящий рано утром в Порт-Саид. Вас обоих посадят на него сегодня ночью. – Он напустил на себя строгий вид: – Если учесть, сколько хлопот вы причинили мистеру Хейеку, он очень щедр.

– Все хлопоты причинил ему Гутар.

– Об этом вы с Гутаром можете поговорить в пути.

– Но я не могу отправиться просто так. – Мысли путались у меня в голове, и, хотя я старался контролировать себя, мой голос становился визгливым. – Моя квартира и машина... а моя жена, одежда? Я не могу взять и исчезнуть.

– Тебе будет лучше, если тебя сцапает полиция? У твоего дома сейчас дежурят двое, поджидая тебя. Что касается твоей жены, то ведь ты говорил, что она на гастролях. Ты сможешь написать ей из Порт-Саида. –

Он протянул конверт. – Давай, забирай. Открывай, не стесняйся. – Он нетерпеливо щелкнул пальцами. – Убедись, все ли в ажуре, пересчитай деньги и проверь паспорт. Хватит морочить мне голову.

Все было в ажуре, как он сказал. Больше я не морочил ему голову.

Глава VII

В одиннадцать Геннадиу отвез меня в своей моторке к яхте Хейека. Ни его самого, ни кого-либо из его группы не было видно. Геннадиу приказал мне сидеть на месте. Сам он взобрался на борт яхты и что-то коротко сказал матросу, а затем спустился внутрь. Через минуту или две он появился вместе с Гутаром. На Гутаре была шляпа, в руке чемодан. Перебравшись в моторку, он ухмыльнулся мне, но ничего не сказал. Вслед за ним спустился матрос и сел за руль. Геннадиу остался на яхте. Больше он не хотел иметь с нами никакого дела.

Матрос пустил мотор на полную мощность и направил лодку ко входу в бухту. Эта бухта была старой пирейской рыбацкой гаванью и была отделена от глубоководного порта молотом. За считанные минуты мы обогнули мол и взяли курс по черной зыби в сторону мерцавших вдали огоньков Пирея.

Готовый к отплытию «Волвертем», порт приписки – Монровия, стоял на якоре метрах в ста от одного из нефтяных пирсов. Это было старое, ржавое грузовое судно с высокой трубой и надстройкой посередине. На палубе к носу и корме торчал лес стоек и стрел для грузов. С одного борта был спущен трап, над которым горел свет, но для нас он, похоже, считался слишком на виду. Лодка проскользнула за кормой, сбавила ход и причалила к борту под открытым люком на нижней палубе. Струя воды из водостока в обшивке низвергалась вниз в паре метров от люка, и наш матрос выругался, стараясь обогнуть поток. Сверху падал тусклый свет, слышался гул машин.

Гутар встал и подхватил свой чемодан. Его грудь поравнялась с комингсом. Он перекинул через него чемодан и прыгнул вслед. Я попытался проделать то же самое, но лодку бросало на волнах, и у меня ничего не получалось. После третьей попытки две руки подхватили меня сверху под мышки и втянули на борт.

Тот, кто меня поднял, был в грязном комбинезоне котельщика. Он не потрудился помочь мне встать на ноги. Как только я оказался на палубе, он принялся задраивать две тяжелые створки, закрывавшие люк. Лодки уже не было.

Гутар закурил сигарету. Никто не сказал ни слова. Закончив задраивать люк, человек в комбинезоне жестом показал, чтобы мы шли за ним. Это

был широкоплечий лысеющий мужчина с пучками курчавых седеющих волос над ушами. Он провел нас по узкому проходу, потом по трем железным трапам в другой проход. Теперь мы были внутри надстройки, и под ногами виднелся истертый линолеум. Мы миновали дверь, из-за которой доносились звуки радио. Однако нам не попался никто из команды. Наш проводник приостановился у одной из дверей и показал на нее, впервые раскрыв рот.

– Туалет, – произнес он.

Мы кивнули. Он пошел дальше и остановился у следующей двери.

– Каюта, – сказал он.

Мы протиснулись внутрь. Там были две полки, нижняя и верхняя, крохотная раковина, а на противоположной переборке – пара полочек, откидной стул и несколько одежных крючков. Вместо иллюминатора было вытяжное отверстие. Каютка была меньше любой тюремной камеры, в которой мне довелось побывать. Клаустрофобия была гарантирована.

Комбинезон произнес последние слова из-за двери:

– Не выходите из каюты до отплытия. Понятно? Он говорил по-французски как немец.

Гутар кивнул: хорошо.

Дверь затворилась. Гутар протянул руку и запер ее.

Пару минут мы мрачно взирали друг на друга. Потом, пожав плечами, он закинул свой чемодан на верхнюю полку и отпер замок. Подняв крышку, он вынул бутылку бренди.

Глава VIII

Я проснулся в пять утра. Мы плыли, и вся арматура в каюте дребезжала от вибрации, идущей от машин. На моей полке мне казалось, будто весь корабль держится не на заклепках, а на винтах с гайками, затянутыми вручную.

У меня была жуткая головная боль, то ли от выпитого бренди, то ли от духоты, то ли от того и другого.

На верхней полке храпел Гутар. Я попытался опять заснуть, но ничего не получилось. Тогда я принялся размышлять о будущем.

Все мои пожитки, за исключением ботинок и носков, раскачивались перед моими глазами на крючке. Так и я, образно говоря, легонько раскачивался на крючке.

По различным техническим причинам, в которые сейчас глупо вдаваться, Египет был страной, где я более не мог быть «персона грата». Конечно, все это было жуткой ерундой – ведь я там родился. И все же

приходилось смириться с подобным положением. Мое безопасное пребывание в Порт-Саиде не превышало периода времени, достаточного для покупки зубной щетки и смены белья или, с натяжкой, для приобретения билета на другой пароход. Более продолжительное присутствие на египетской земле выглядело бы крайне неосмотрительным. У египетской полиции глаза повсюду. Регистрация в отеле, к примеру, всего на одну ночь могла оказаться слишком рискованным предприятием. В Порт-Саиде я мог быть только транзитным пассажиром.

А куда – транзитным? Вот это-то меня и беспокоило.

Где-нибудь ведь должно быть для меня местечко. Поначалу я остановился на Бейруте. Но перед тем, как я перебрался в Афины, у меня там была неувязка с полицией, а ливанцы – великие мастаки ворошить прошлое. Может быть, Турция? Однако и в тех краях я не пользовался особой популярностью, несмотря на то, что всегда старался поладить с полицией. В Израиль меня пустят только как туриста. Италия и Франция – та же песня. Сирия была частью Объединенной Арабской Республики, то есть опять-таки Египтом, значит, тоже не годилась. Оставались Кипр, Ливия, Албания и Югославия. Покорно благодарю.

Честно говоря, в наши времена в большинстве цивилизованных стран иностранцев встречают приветливо только тогда, когда они либо туристы, либо бизнесмены, желающие что-нибудь купить или вложить капиталы, либо технари, чьи мозги можно заполучить, ну и американцы с их подачками по планам экономической помощи. Солдаты удачи с моими познаниями там просто не нужны. Старый добрый либеральный принцип «живи и давай жить другим» нынче выброшен на помойку. Им нужны только те, кого можно эксплуатировать. Если ты не простофиля, тебя не пускают.

Звякнул машинный телеграф, арматура на минутку перестала дребезжать. Наверное, они ссаживали лоцмана. Потом дребезжание началось снова.

Я опять попытался думать о будущем, но ничего путного не получалось. Мне закралась в голову мысль, а есть ли вообще у меня какое-то будущее и не лучше ли дожидаться ночи и потихоньку скользнуть за борт, предоставив морю решать мою судьбу.

«Старые солдаты никогда не умирают, они лишь тихо исчезают».

Белиберда! Они умирают, как и все. Это относится и к старым солдатам удачи. Так стоит ли ждать, когда крабы доберутся до тебя? Не лучше ли расчитаться с собой, самому выбрав время и способ? Ведь море не требует въездных виз. Не слышится ли мне бормотанье о жалости к себе? Или моральной трусости? Или даже «грехе»?

Опять белиберда! Когда попадаешь в такую заваруху, в какую попал я, все эти слова не стоят и гроша.

Лежа на своей полке тем утром, пока «Волвертем» тащился по средиземноморским водам, я преисполнился твердого намерения покончить с собой еще до того, как мы доберемся до Порт-Саида. Почему же я этого не сделал? Я знаю, что сказали бы святоши и прочие чересчур ученые типы: «Торжество, мой дорогой Симпсон, физической трусости над ее моральной разновидностью». Таких не переспоришь, да я и не стараюсь. Лично я полагаю, что я передумал совсем по другой причине.

Я полагаю, что, прежде чем мы достигли Порт-Саида, солдат удачи во мне почувал, что он вновь выходит на военную тропу.

ПУТЬ ДО ДЖИБУТИ

Глава I

Мы подождали до десяти часов, прежде чем высунулись из своей каюты.

Мне с громадным трудом удалось убедить Гутара одолжить свою бритву. Он согласился в конце концов только после того, как сообразил, что, если я буду выглядеть слишком занюханным, когда мы появимся в кают-компании, это отразится и на его репутации. Сделал он это с великой неохотой, а когда я, тщательно прополоскав, вернул ему бритву, он промыл ее еще раз. Как будто у меня были лишай или еще что. Но мысль о том, что мы должны произвести наиболее благоприятное впечатление, мало-помалу дошла до него, и он выделил мне свою старую рубашку с короткими рукавами, так как моя была вся вымазана при посадке.

Мы нашли небольшую кают-компанию на верхней палубе, и чернокожий официант принес нам кофе и гренки. Он говорил по-французски. Гутар сказал, что он сенегалец. Пока мы завтракали, зашел моряк. Он был молод, худоват и бледен, но выглядел крепким. Кивнув нам, он сел на другом конце стола. Официант принес ему кофе и фруктов. Когда официант вышел, моряк вновь посмотрел на нас.

– Новые пассажиры, как я понимаю? – спросил он по-французски.

Гутар кивнул.

– Вы часто берете пассажиров?

– Не очень. Это дело капитана. – Он употребил слово «патрон» и при этом ухмыльнулся. – Если ему вдруг захочется сделать кому одолжение. В этом рейсе вы пока единственные.

– Пока?

– Иногда мы берем несколько палубных пассажиров в Адене. Арабов. От Адена до Занзибара. Но от них потом все судно воняет.

– От нас вони не будет.

– Не спорю. – Он снова ухмыльнулся. – Но с вашего позволения скажу, что вы сидите на капитанском конце стола.

– Спасибо, – коротко отрезал Гутар. Он терпеть не мог, когда ему что-нибудь указывали. Я приподнялся.

Молодой моряк помахал рукой:

– Сейчас не утруждайте себя. Но это единственная формальность, которая соблюдается на «Волвертеме». Все весьма благодушно настроены, включая капитана. Нам иначе нельзя.

Было ясно, он любил поболтать.

«Волвертем», как оказалось, хотя и был зарегистрирован в Либерии, принадлежал бельгийской компании. Офицеры были в основном из бельгийцев и немцев, а матросы – из сенегальцев и несколько алжирцев. Судно сейчас совершало рейс из Антверпена в Лоренсу-Маркиш с грузом стальной строительной арматуры. Во всяком случае, они надеялись, что проделают такой рейс. неполадки с конденсаторами заставили их стать на ремонт в Пирее, и они уже потеряли две недели. Такая история могла случиться снова. Задержки, судя по рассказу третьего помощника Бержье, были привычным делом для экипажа «Волвертема».

За ленчем мы увидели капитана. Это был седой, угловатый человек с узкой головой, горькими складками у рта и опухшими, нависшими веками. Был он фламандец, и звали его Ван Буннен. Я прикинул, что ему было за пятьдесят. Если вершиной его карьеры было командовать «Волвертемом» (а судя по всему, так оно и было), у него имелись все основания испытывать горечь.

Нас он сначала полностью игнорировал. Это было понятно, если принять во внимание, что он получил приличную взятку от Геннадиу через кого-то из его людей, чтобы он не заметил, что нас погрузили на его судно как кули с мукой. Ясно, ему не очень-то было приятно созерцать свидетельство его собственной продажности. Другие за столом – старший механик – немец, который нас приветствовал от имени экипажа, и молодой помощник, так свободно трапавшийся с нами ранее, – поняли намек и примолкли. Возможно, они тоже получили свою долю.

Если Гутар и терпеть не мог, когда ему указывают, он еще больше не любил, когда его игнорируют. Полуулыбочка на его губах, смахивающая на капкан, становилась все жестче по мере продолжения трапезы. Когда подали кофе, он уже не мог сдержаться. Он поднялся и подошел к капитану.

– Ив Гутар, шкипер, – произнес он. – Рад познакомиться с вами.

Капитан на мгновение как будто потерял дар речи. Потом он довольно вяло пожал протянутую ему руку.

– Ван Буннен, – отозвался он. Гутар показал на меня:

– А это мой друг мсье Симпсон. Капитан и я что-то промямлили друг другу.

– Мы очень надеемся, – твердо продолжал Гутар, – что факт нашего появления на судне несколько необычным путем не будет истолкован превратно. Мы, журналисты, как вы должны понять, иногда раскапываем сведения довольно скандального характера, которые политики предпочитают бы скрыть. В подобных обстоятельствах нам приходится перемещаться нетрадиционным способом.

– Да, да, конечно, – сказал капитан. Трудно понять, что он подумал об этой галиматее. Но было очевидно, что в тот момент ему было удобнее сделать вид, что он нам поверил. В таком случае мы выглядели для него меньшим упреком. Он представил нам своих офицеров.

Это было в среду. Мы должны были прибыть в Порт-Саид в пятницу вечером. В четверг к вечеру капитан и Гутар сошлись – водой не разольешь. Мне было все равно. Я люблю, когда меня не беспокоят. Я старался убедить себя, что завтрашний день никогда не наступит и что мне не нужно думать о будущем.

Ночь была теплой, и мне не хотелось спать в душной каюте. Я дремал в кресле на палубе, когда ко мне присоединился Гутар. Он подтащил свое кресло к моему.

У него с капитаном было очередное заседание, и от него за километр несло голландским джином. Он был слегка пьян. Говорил он чисто и был настроен более благодушно, чем обычно.

– Ты знаешь, в чем беда нашего шкипера? – начал он.

– Перебор джина?

– Да, но главная беда не в этом. Беда в том, что джин быстро сбивает его с копыт. Пьян в стельку. – Его зубы блеснули в темноте.

– Я бы и сам с удовольствием надрался.

– Там в каюте есть еще бренди. Сходи принеси.

– С удовольствием.

– Не забудь стаканы с умывальника.

Гутар был из тех, кому всегда кто-нибудь должен подавать и прислуживать.

Когда я вернулся, он стоял у перил и смотрел на волны, бегущие от судна.

Он вылил в стаканы содержимое бутылки и швырнул ее за борт.

– Твое здоровье, – сказал он.

– Будь здоров.

Я снова уселся, и мне очень хотелось, чтобы он убрался. Не было желания ни говорить, ни думать, только бы не кончалось бренди. Он снова сел в кресло рядом со мной, растянулся и положил ноги на нижнюю планку палубных перил.

– Ты думаешь остаться в Порт-Саиде? – спросил он.

– Не дольше, чем необходимо.

– А куда потом?

– Возможно, на Кипр.

– Зачем?

– Неплохое место.

– А ты не боишься, что тебя выдадут? Они там с греками как родные.

– Сомневаюсь, что греки захотят с этим возиться. – Тем не менее эта сторона жизни Кипра не приходила мне в голову. Мне еще больше захотелось, чтобы его унесли черти.

– Я бы не рискнул. К тому же, что ты собираешься делать на Кипре?

На такой вопрос у меня не было ответа. Я что-то невнятно пробормотал.

– Ты знаешь это место, Лоренсу-Маркиш, куда идет судно? – спросил он. – Бывал там?

– Нет, не бывал.

– Мне о нем рассказывал шкипер. Это в португальском Мозамбике. Там пока еще страна для белых людей, без глупостей. Они в тех краях знают, как обращаться с макаками.

Макаки – порода обезьян, но для таких, как Гутар, это слово означает «негр», «черномазый». Меня в школе в Англии, бывало, обзывали черномазым, потому что я родился в Египте. Поскольку я вовсе не темнокожий, это меня не очень задевало. Но все же задевало. У Гутара была отвратительная способность напоминать мне о вещах, которые мне хотелось бы забыть. Я не ответил.

– Девяносто девять процентов макак, – продолжал он, – один процент белых. Но зато этот один процент кое-чего стоит. Шкипер думает, что я смог бы получить визу у португальского консула в Порт-Саиде.

Это меня ошарашило.

– Ты собираешься туда податься?

– Я об этом думаю.

– Но туда ведь сколько добираться!

– Всего семнадцать суток или около того. Шкипер говорит, что, если я подпишу контракт с ним в качестве помощника эконома, он доставит меня туда за сто двадцать пять долларов.

– Но что ты там будешь делать?

– Что-нибудь подыщу. Я знаю, как обращаться с макаками. Мне дело найдется.

– А как же язык? Ты знаешь португальский?

– Немножко знаю испанский. Мне недолго выучить. Кроме того, он говорит, там разговаривают на всех понемножку. У них есть еще один большой город, Бейра. Порт, обслуживающий Родезию. Держу пари, там многие говорят по-английски. Ты там будешь на месте.

– Я?

– А чего тебе терять?

Я попытался представить себе, что могу потерять, кроме жизни и свободы.

– У меня жена, – сказал я наконец. Он ухмыльнулся еще шире.

– Я видел ее фото. Очень ничего. Ты рассчитывал, она приедет к тебе на Кипр?

Я ни на что не рассчитывал. По правде, я не очень-то думал о Ники. Во всяком случае, у меня не было никаких иллюзий на ее счет. Когда она вернется и не найдет меня, то не станет долго горевать. Кто-нибудь займет мое место.

– Почему он хочет, чтобы ты записался помощником эконома? – спросил я.

– Чтобы не платить пассажирскую пошлину за прохождение по каналу. Может, он и тебя запишет помощником эконома. Хочешь, я спрошу? Я ему понравился.

– И когда ты должен решать?

– Завтра, до прихода в порт. Но я уже почти что решил. Хватит с меня хейеков. Чужой хлеб горек. Мне нужно что-то свое. Может, это будет в Мозамбике, может, нет. Но под лежащий камень вода не течет.

Он рыгнул и проглотил остатки бренди. Теперь он был гораздо пьяней. Бренди после джина начинало забирать. Он швырнул стакан мне на колени и поднялся. Качнувшись пару раз, он сделал усилие, выпрямился и пошел вниз.

На следующее утро я записался вторым помощником эконома и отдал капитану Ван Буннену сто двадцать пять из моих двухсот долларов.

Расставаться с деньгами было чертовски обидно, но, похоже, другого выхода не оставалось. Мне казалось, что я покупаю несколько дней, в течение которых смогу не думать.

Глава II

В Порт-Саиде я провел на берегу меньше трех часов – ровно столько, сколько потребовалось, чтобы получить визу в португальском консульстве и купить самое необходимое. Когда мы вышли из консульства, Гутар куда-то исчез, наверное, в поисках борделя, а я вернулся на судно. Мне не хотелось лишней раз искушать судьбу. Вступив на борт корабля, я вздохнул с облегчением.

На следующий день рано утром «Волвертем» присоединился к каравану судов, направлявшемуся на юг по Суэцкому каналу. Остановка в Суэце была короткой, и я не сходил на берег. Вскоре мы опять были в пути, взяв курс через Суэцкий залив к Красному морю.

«Анальное отверстие мира» – так, бывало, называл мой отец Красное море. Он проходил по нему на военном транспорте летом, и двое солдат, служивших в Индии и привычных к жаре и влажности, скончались от теплового удара. Он рассказывал мне, что людям престарелым и страдающим сердечными болезнями опасно проплывать летом по Красному морю, даже на больших комфортабельных лайнерах. Теперь-то, конечно, на таких лайнерах работает кондиционер.

«Волвертем», однако, не был лайнером, и на нем не было кондиционеров, к тому же у него была неисправна вентиляция.

Слава богу, был конец сентября, а не июль или август, но все равно это был сущий ад. Дул удушающий ветер, солнце налило нещадно, металлическая арматура на палубе так накалилась, что к ней нельзя было прикоснуться. На третий день после Суэца температура воды, как нам сказали, была двадцать восемь градусов по Цельсию. Ночью было не лучше, чем днем. Находиться в каюте было невозможно. Мы спали на палубе. Даже бывалый Гутар признал, что ничего хуже он не встречал, даже в Северной Африке.

И тогда опять начал барахлить конденсатор.

Я ничего не понимаю в судовых машинах. Гутар говорил, что неполадки связаны с утечкой морской воды из конденсатора и ее попаданием в пресную воду бойлеров. Если такую утечку не удастся остановить, судно может прийти в полную негодность.

Неисправный конденсатор на «Волвертеме» только что чинили в Пирее. Теперь его снова нужно было чинить. Оставалась слабая надежда, что удастся дотянуть до Адена на втором конденсаторе.

На четвертый день после Суэца скорость упала наполовину. И, естественно, чем медленнее мы тащились, тем жарче становилось. В

машинном отделении температура перевалила за пятьдесят. В кают-компании было не намного лучше.

Днем по радио мы услышали, что в Адене бастуют докеры и нам поэтому придется направиться в Джибути, который во французском Сомали, чтобы стать на ремонт.

Вечером же я совершил ужасную ошибку.

Виноват был целиком и полностью капитан Ван Буннен.

Неполадки на судне, непрерывные переговоры по радио с агентами владельцев корабля, находившимися в Адене, перспектива стать на ремонт в незнакомом порту – все это и еще жара доконали его. Он набрался до предела на два часа раньше обычного.

В результате Гутар появился на палубе задолго до того, как можно было лечь спать. Он принес с собой от капитана чуть початую бутылку голландского джина. Послал меня за стаканами. Мы выпивали и беседовали. Я, конечно, уже малость выпил перед этим и почти ничего не ел из-за жары. Поэтому я не то чтобы нализался, но прилично расслабился.

Мы поговорили немного о нашем путешествии. Гутар не имел ничего против остановки в Джибути. Наоборот, он даже предвкушал такой поворот дел, так как надеялся встретить там кого-нибудь из сослуживцев по армии. Вот тут-то он стал распространяться о своих армейских похождениях в Индокитае и Алжире.

Разговоры такого рода как зараза. Стоит встретиться двум старым солдатам и стоит только одному начать вспоминать былые походы, так и другой обязательно тоже станет ворошить былое. И тогда беседа может длиться бесконечно, правда в ней переплетается с ложью, и обоим все равно, где та, а где другая, лишь бы ложь походила на правду, а правда была не слишком невероятной.

Я, конечно, не старый солдат, но из-за своего отца иногда чувствую себя таковым. Мне сдается, что все это довольно естественно, однако поддаваться таким эмоциям нужно с оглядкой, а то можно попасть в западню. Если ты воображаешь себя кем-то другим, не нужно зарываться, а то и в самом деле поверишь на какое-то время, что ты тот, кем себя воображаешь. Иногда это не имеет значения, но в некоторых случаях можно влипнуть в жуткую историю.

Все началось с одной моей реплики.

Гутар рассуждал о том, как по-разному ведут себя люди в бою. Потом начал рассказывать об офицере, под чьим началом он служил и который неукоснительно исполнял все требования устава, был образцом работоспособности и мастером принимать решения, но, когда впервые попал под огонь, совершенно растерялся. Раз об этом рассказывал Гутар, то, естественно, именно сержант Гутар был вынужден вмешаться, взять на

себя командование и спасти положение. Офицера потом перевели в подразделение связи.

– Знаем мы таких, – сказал я. – Гонор да моча. – Это было одно из выражений моего отца. Он частенько так говорил о командирах. В переводе на французский фраза звучала довольно забавно.

Гутар рассмеялся и попросил меня повторить выражение.

Я объяснил его происхождение.

– Так твой отец был английским офицером? – спросил он с любопытством.

– Ну да. Я и сам из казарменных крыс.

Мне пришлось объяснять ему и «казарменных крыс» – так в английской армии называли детей солдат на действительной службе, живших тут же в казармах или каптерках.

Здесь бы мне и остановиться, но он, казалось, и впрямь заинтересовался.

– Солдатская служба у меня в крови, – сказал я.

И тут же, для вящего эффекта, повторил еще одну из отцовских поговорок: «Если солдат марширует с начищенным оружием, можно и не спрашивать, чистая ли у него задница».

Эту фразу объяснить было потрудней, но в конце концов идея до него дошла: на первом месте – главное. Гутар, конечно, не знал, что я цитирую своего отца. Он принял поговорку за плод моих собственных размышлений.

– А где ты служил? – спросил он.

Вопрос должен был бы меня насторожить, но к тому времени мне море было по колено.

– В Ливии, Западная пустыня.

– В Восьмой армии?

– Дошел до Триполи.

Тут была доля правды. Я действительно служил в Восьмой армии в качестве гражданского переводчика при каирском отделении армейского корпуса снабжения. И если следить за тем, чтобы проклятые египетские спекулянты с черного рынка не травили своими занюханymi продуктами офицеров ставки главного командования, не значит служить в Восьмой армии, тогда все слова теряют смысл. Дважды я получил благодарность от дежурного старшины. Но когда я говорил с Гутаром, не это было у меня на уме. Я вообще ни о чем не думал. Я был кем-то другим.

– В каком чине?

– Лейтенант.

– Какая служба?

– Разведка. Я говорю по-арабски.

– Ах, да. Конечно.

– Хотя я не сделал и выстрела во гневе. – Нет?

– Нет. Я сам был мишенью. Он ухмылялся.

– Ранен?

– Ни царапины. – Теперь и я ухмылялся. – Не считая перелома лодыжки.

– Как тебя угораздило?

– Во время дальнего группового патрулирования в пустыне. Нас обнаружили молодчики из «люфтваффе» и попытались подстрелить. Я решил, что под джипом лучше, чем в джипе, пока будет вся эта потеха. Просто прыгнул слишком быстро.

В такого рода разговоре преуменьшение служит правилом игры. Нужно сразу же дать понять собеседнику, что ты не собираешься заткнуть его за пояс своими историями.

Гутар хихикнул, как я и ожидал. На самом деле я подслушал, как эту историю рассказывал один пехотный капрал в каптерке в Гелиополисе в сорок первом году.

После этого говорил в основном Гутар. Все, что ему было нужно от меня, так это чтобы я время от времени вставлял словечко к месту, показывая, что я хорошо понимаю, какой он лихой малый. Это было нетрудно. Может, у меня и нет настоящего боевого опыта, зато я хорошо знаю солдат и их службу. Я сразу чую, когда рассказчик погибает. Гутар не погибал. По правде сказать, от некоторых деталей – что он делал, к примеру, с алжирскими пленными – меня бы стошнило, не пропусти я перед этим пару-тройку стаканчиков. Так или иначе, я смеялся. Смеялся потому, что боялся не смеяться. Я уже признался, что он навел на меня страх с первого же взгляда. Нечего притворяться, как будто это не так. Вот почему я сделал глупую ошибку.

Дело в том, что он поверил моему рассказу.

С таким субъектом, как Гутар, трудно совершить ошибку грубее.

Все испортила единственная непродуманная моя реплика.

Он распространялся о войне в Индокитае и о немцах, бывших эсэсовцах, которых он знал и которые ему нравились – они служили в Иностранном легионе в дни Дьенбьенфу.

– Хорошие солдаты, – говорил он, – настоящие профессионалы, если ты понимаешь, что я имею в виду. – Тут он взглянул на меня искоса. – Ты сам-то ведь не был профессионалом?

– Нет, но я понимаю, что ты хочешь сказать.

Он повернул ко мне свою круглую физиономию.

– Понимаешь? Так что я хочу сказать?

Такого поворота я никак не ожидал. На мгновение я растерялся и не знал, что ответить. Тут мне вспомнилось еще одно из отцовских высказываний, которое всегда несколько ставило меня в тупик. Может, оно поставит в тупик и Гутара, подумал я.

– Самое главное – добиться своего, – сказал я, – а не умереть героем-болваном во время попытки.

Несколько мгновений он сидел, уставившись на меня, потом улыбнулся и кивнул.

– Да, – сказал он, – это один из видов профессионального подхода.

Он наклонился и вылил остатки джина в мой стакан.

Глава III

Спустя два дня мы доползли до Джибути.

С берега дул сильный бриз, и «Волвертем» пришлось подтягивать на канатах к молу, где он должен был ждать, пока не освободится ремонтный док.

На борт поднялись французские иммиграционные и таможенные чиновники, чтобы выполнить формальности. Нам выдали транзитные визы на время пребывания. Предполагалось, что мы будем питаться и жить на судне. Однако так долго продолжаться не могло. По оценкам, ремонт занял бы не менее недели, и на время работ придется отключить дренажную систему и другие механизмы. В таком случае мы должны перебраться на берег.

Команда ничего не имела против, так как ей продолжали бы выплачивать жалованье, а расходы по проживанию взяла бы на себя компания, владеющая судном. Но для нас с Гутаром дела обстояли не лучшим образом.

Мы провели трудные полчаса с капитаном Ван Бунненом.

Он взял с нас деньги, полагая, что за это доставит нас в Лоренсу-Маркиш и обеспечит наше проживание в пути. Но он сделал это незаконно. Бумаги, которые мы подписали, имели значение только для властей в Порт-Саиде, Суэце и других портах. Владельцы судна не подозревали о нашем существовании и, без сомнения, остались бы и дальше в подобном неведении. Таким образом, мы оказались персональными гостями капитана и по логике вещей должны были оставаться в таком качестве во время пребывания на берегу.

По крайней мере мы так утверждали. Капитан, однако, не был склонен рассматривать ситуацию с логической точки зрения. Он уверял, что

задержка – дело рук божьих, за которое он не может нести ответственность. А раз не он отвечает за задержку, то не должен отвечать и за ее последствия.

На этот раз Гутар обкрутил его довольно ловко. Ясно, в нашем положении резкое обращение было немыслимо. Ван Буннен являлся законным капитаном судна, а мы формально входили в состав его экипажа. Если бы мы обратились к местным властям и рассказали правду, ему пришлось бы ответить на ряд неприятных вопросов. Но и нам тоже. Если бы ему взбрело в голову заявить, что мы пробрались на борт незаконно и он об этом ничего не знал, и он предложил бы направить запрос в Афины, нам скорее всего пришлось бы провести свои дни в Джибути за решеткой.

С другой стороны, неприятности с гражданскими властями были совсем не в его интересах. У владельцев судна и так хватало хлопот с «Волвертемом». Капитан, их усугубляющий, наверняка оказался бы в опале.

Тактично указав на это обстоятельство, Гутар предложил компромиссное решение. Мы будем оплачивать свое питание на берегу, если судно возьмет расходы на гостиницу. По предложению Гутара их можно было бы списать за счет взяток с целью ускорения ремонта.

Поупиравшись, капитан в конце концов согласился, поставив условие, чтобы мы заранее уведомили его о стоимости номера в гостинице за сутки. После полудня мы отправились на такси в город навести справки.

Шел сильный дождь, и в воздухе стоял запах горячего ила. И неудивительно: похоже было, что вся местность превратилась в сплошную равнину из ила, по которой проходили дамбы, служившие дорогами. По обочинам кое-где попадались кустики, но сам ил выглядел мертвым. Деревьев не было. На окраине города ютились хижины туземцев, сделанные из бочек из-под бензина и ящиков. В них жили в основном сомалийцы, высокие, держащиеся с достоинством люди, с блестящими лицами, с яркими тюрбанами на головах. Некоторые из них были одеты в полосатые халаты. В самом городе, однако, большинство прохожих было одето в европейскую одежду: белые брюки и рубашки с короткими рукавами. На некоторых вывесках магазинов я прочел индийские и арабские имена.

Поскольку Джибути – город и тропический и французский одновременно, я ожидал увидеть что-то живописное. Ничего подобного. Он представлял из себя нагромождение квадратных каменных зданий с улицами, лишенными деревьев. Говорят, что в Джибути выживает лишь одно дерево – особый сорт пальмы, которую импортируют. Оно не умирает потому, что никогда не было живым и сделано целиком из цинка.

Сама мысль, что придется провести здесь неделю, действовала угнетающе.

В Джибути оканчивается важная железнодорожная ветка, ведущая из Эфиопии, так что там есть несколько маленьких гостиниц. Мы остановили свой выбор на «Европе». Ее владелец – армянин – охотно согласился зарезервировать за нами комнату и установить особую плату за неделю. Большинство его гостей были проезжими. Заведение выглядело захудалым, вода в кранах отдавала солью, но канализация вроде бы функционировала, и армянин мог предоставить аэрозоль ДДТ и мухобойку. Пахло сравнительно сносно.

Был понедельник. Мы перебрались туда в среду.

В субботу я повстречался с Судьбой в лице Жана Кинка.

Глава IV

Между входом в гостиницу и конторкой армянина располагался небольшой дворик, частично крытый, где можно было посидеть в относительной прохладе и заказать выпивку. Я там и сидел предыдущим вечером, когда появился этот Кинк.

Гутара пригласил в клуб какой-то его армейский приятель, которого он таки откопал в полицейском комиссариате, так что я был один. Я обратил внимание на Кинка отчасти потому, что была жуткая скукота и любое событие, даже приезд или отъезд, представляло собой происшествие, а отчасти из-за его необычной наружности.

Он был высок, жилист, с узкой головой и седеющими каштановыми волосами, в возрасте, как я прикинул, немножко за сорок. На нем были тренировочные брюки цвета хаки и полевая рубашка с большим пятном от пота на спине. С правого плеча свисала походная сумка из кожи и брезента. Цвет лица у него был бледный, но его движения производили впечатление упорства и нервной энергии. На первый взгляд он представлял собой какого-то мелкого правительственного чиновника из глубинки. Но когда арабский парнишка, служащий подметальщиком двора и носильщиком, вышел забрать багаж вновь прибывшего, я пересмотрел свою идею. Багаж состоял из дорогого легкого чемодана, портативной пишущей машинки и сильно потрепанной сумки авиакомпании «Сабена». Может, специалист-нефтяник? Или газетчик? – размышлял я. Он мог быть и тем, и другим. Но почему тогда «Европа», а не более комфортабельная гостиница?

Больше я о нем не думал. Но следующим вечером, вернувшись в гостиницу из парикмахерской, я увидел его во дворике сидящим вместе с Гутаром. Они были погружены в беседу, перед ними стояло пиво.

Я колебался, стоит ли мне подойти к ним: реакцию Гутара на мое общество не всегда можно было предсказать. Но тут Гутар увидел меня и махнул рукой, чтобы я подошел.

Кинк поднялся, и, пока Гутар представлял нас друг другу, мы обменялись рукопожатием. Манеры у него были получше, чем у Гутара, но взгляд был такой же, оценивающий. Когда он смотрел на вас, он прищуривал свои карие глаза, как будто он был близоруким или вы отбрасывали слишком много света. У него была тонкая, приятная улыбка и очень хорошие зубы. В общем, довольно красивый мужчина несколько угловатого типа.

– Мсье Кинк, – сказал Гутар, – рассказывал мне о вещах, о которых я никогда прежде не слышал. Они называются «редкоземельные минералы».

– Это интересно.

– Интересно и дорого стоит. А ты представляешь, что это такое?

– Какая-то штука, которую добывают из обычной земли, я полагаю.

Подошел арабский паренек, и я заказал пиво. А моя догадка, что Кинк представляет собой что-то вроде изыскателя недр, была недурна, подумал я.

Кинк улыбнулся.

– Если можно их получить прямо из земли, то так и делают. Но обычно все не так просто. Слышали ли вы когда-нибудь об ильмените?

– Нет.

– А о рутиле?

– Это титановые руды.

– Я об этом слышал, – быстро вставил Гутар.

– Ну конечно. Его сейчас применяют при постройке сверхзвуковых самолетов. На деле титан вполне обычный элемент, его в недрах земли больше, чем, скажем, свинца или олова. И все же цена титана на мировом рынке составляет примерно три тысячи долларов за метрическую тонну.

– Три тысячи долларов?

– Конечно. А почему? Потому что титан очень трудно добывать, хотя он и широко распространен. Существуют минералы, которые добывать еще труднее. Слышали ли когда-нибудь о пирохлоре?

Мы, разумеется, не слышали. Я начал терять интерес к Кинку, но Гутар был весь внимание. На сей раз он совсем был не прочь, чтобы ему что-то объяснили.

– Еще один редкий минерал?

– С технической точки зрения это руда, но несомненно редкая и дорогая. Она содержит металл ниобий, на который сейчас большой спрос

для изготовления тугоплавких сплавов и оболочек ядерных реакторов. Нынешняя цена на ниобий – примерно сто десять тысяч долларов за тонну.

Гутар присвистнул. Кинк пожал плечами.

– Когда-то добывать руду было просто. В некоторых случаях это и сейчас просто. Руду выкапывают, дробят, очищают от породы путем, скажем, промывки, а из остатка выплавляют металл. Это так же просто, как расколоть орех, чтобы достать ядро. – Он сжал кулак, как бы раскалывая орех.

– Но не в случае с ниобием, – вставил Гутар.

– Как правило, нет. Пирохлор обычно находят в очень малых количествах и как небольшой процент большого количества других руд. Приходится изготавливать концентрат путем сложных процессов, включая магнитную и механическую сепарацию, флотацию, выщелачивание и химическую сепарацию. Необходимо переработать много тонн других материалов, чтобы получить несколько килограммов пирохлора. Что-нибудь и мне надо было сказать.

– Так это ваша работа, – спросил я, – разведывать такого рода вещи?

Гутар хмыкнул. Кинк улыбнулся. Видно, мой вопрос напомнил только одним им известную шутку. Глаза Кинка вновь скользнули по мне.

– Ну, не совсем, мсье Симпсон. Люди, на которых я работаю, предпочитают метод раскалывания орехов. – Гутар снова хмыкнул. – Но можно сказать, что я изыскатель, – продолжал он, – да, я думаю, вполне можно так сказать.

На этот раз Гутар в открытую рассмеялся. Кинк довольно ухмылялся в свою пивную кружку. Я заставил себя улыбнуться. Я терпеть не могу шуточек на мой счет и обращения с собой как с полуидиотом, но научился не показывать этого.

Когда Гутар замолк, Кинк снова посмотрел на меня.

– Приношу свои извинения, мсье Симпсон. До вашего прихода я как раз объяснял нашему другу Гутару, что в мире существуют вещи, значительно более ценные, чем золото, драгоценные камни и уран. Можете себе представить, сколько стоит концентрированное, с высокой отдачей месторождение подобных редких минералов? Почти столько же, что и алмазное поле, и, – он немножко подался вперед, – его почти так же трудно заполучить и охранять. Для этих целей нужны люди опытные и находчивые. Конечно, таких людей не так легко набрать, но, – он откинулся назад и снова улыбнулся, – когда предлагается достаточное вознаграждение, подобные трудности можно преодолеть. Такова природа вещей. – Он взглянул на часы и поднялся. – Было очень приятно

побеседовать с вами. Я тут пробуду несколько дней. Надеюсь, мы еще встретимся.

Он быстро распрощался с нами и вышел, крикнув парнишке, чтобы тот нашел ему такси.

Гутар закурил сигарету, широко ухмыляясь.

– О чем идет речь? – спросил я.

– А ты не догадался? Мне показалось, что он дал понять совершенно ясно. Он набирает людей.

– Опытных и находчивых?

– Можно и так выразиться. – Он вновь задумался. – Мой приятель из комиссариата знает его. У них на майора Кинка изрядное досье. Ничего криминального, но любопытно.

– Майор Кинк?

– Здесь он не станет щеголять своим воинским званием. Но готов побиться об заклад, что где-то он им пользуется. Он прилетел вчера из Лами, что в Чаде. Это совсем не значит, что именно там он базируется, но может служить ориентиром, где находится нынешний район его операций. – Он выпустил дым изо рта и втянул его обратно ноздрями – еще одна из его неприятных привычек, – затем поглядел на меня со своей капканьей улыбочкой. – Если мы так и не отправимся в Мозамбик, – сказал он, – у меня есть искушение спросить, сколько он платит.

Глава V

Капитан Ван Буннен жил не в гостинице, а в бунгало одного из портовых чиновников. Поскольку оно находилось в европейской части города, мы капитана не видели с того момента, как судно завели в ремонтный док и он передал Гутару деньги на оплату гостиницы за неделю. О ходе работ мы узнавали через молодого Бержье, третьего помощника, который обедал в том же ресторане, что и мы, когда не дежурил на судне.

«Волвертем» находился в доке пять дней, когда Бержье сообщил нам, что ему официально заявили о продлении пребывания судна в доке еще на пять дней. По его мнению, для ремонта понадобится еще не менее пятнадцати дней, да и то если повезет. Он сделал такой вывод из беседы со старшим механиком, который рассказал ему об объеме работ и недостатке квалифицированных ремонтников, способных ускорить починку. Он также слышал разговоры о том, что владельцы судна, раздосадованные задержкой, хотят перевалить груз на другое транзитное судно, а «Волвертем» отправить порожняком в Момбасу.

– Это серьезно? – спросил Гутар. Бержье пожал плечами.

– С нашим «Волвертемом» все может случиться. Мы загружались в Момбасе и раньше – кофе, чай, сизаль, химикаты. Не исключено, что так будет и теперь, если мы до нее дотянем.

– А куда отправляются эти грузы?

– В какой-нибудь европейский порт, естественно. Но пока все это слухи и сплетни, как вы понимаете. Наверняка я ничего не знаю.

Во всяком случае, он знал достаточно, чтобы отбить у меня аппетит.

Позже мы с Гутаром обсудили ситуацию.

Даже если сбросить со счетов слухи о Момбасе, перспектива была достаточно мрачной. Ведь мы питались на свои деньги, а они подходили к концу. Мне удалось поменять греческие драхмы, которые были у меня с собой, на ходящие в Джибути франки, чтобы сохранить доллары, но эти франки уже пролетели. Еще за десять дней пребывания на берегу пролетят и доллары, а ведь мы можем застрять и дольше. Значит, пришлось бы сидеть совсем без денег.

У Гутара дела были не намного лучше. Правда, как французский гражданин, оказавшийся в стесненных обстоятельствах на заморской французской территории, он мог бы попробовать добиться репатриации за правительственный счет, но подобная идея была ему явно не по вкусу. По тому, как он ее отверг, у меня сложилось впечатление, что возвращение во Францию было бы для него не более разумным, чем возвращение в Грецию, и грозило бы подобными же нежелательными последствиями.

Единственным выходом, по мнению Гутара, было пересмотреть условия нашего соглашения с капитаном Ван Бунненом. Гутар сказал, что нам нужно проявить твердость. Он применил выражение «благоразумно-угрожающее поведение». Именно так он и сказал.

На следующее утро мы отправились к обсаженному цветами бунгалю, где жил капитан, и застали его в тот самый момент, когда он выходил, чтобы отправиться на судно. Конечно, он был после обычного перепоя и встреча с нами ему никак не улыбалась. Его ожидало такси. Если бы Гутар не преградил ему путь, твердо став перед дверью такси, капитан наверняка бы не остановился.

К несчастью, он все-таки остановился.

– Чего вам нужно? – спросил он с раздражением.

– Всего лишь поговорить, капитан. По делу. – Это, конечно, был Гутар. Он сразу взял команду на себя. Я всего лишь при том присутствовал. И я совершенно не виноват в том, что произошло.

– Придется подождать, – резко бросил Ван Буннен. – Я тороплюсь. Мне нужно на корабль.

Он снова протянул руку к дверце. Гутар дотянулся раньше.

– Хорошо, капитан, – сказал он. – Мы поедем с вами.

Ван Буннен колебался. Гутар держал дверцу распахнутой, но хотя он старался быть вежливым, выражение его лица было не из приятных. Ван Буннен взглянул на него и, не сказав ни слова, забрался в такси. Мы сели вслед за ним.

В маленьком «рено» мы сгрудились как сельди в банке. Жара и до этого начала выжимать из меня пот, а в машине он ручьями лил мне в глаза. На Гутара жара будто не действовала. Как только мы отъехали, он повернулся к капитану, пытавшемуся безуспешно напустить на себя безразличный вид.

– Ну, – сказал он коротко, – излагайте ваше дело.

– Деньги, – сказал Гутар. – Нам нужны еще деньги.

– Я оплатил вашу гостиницу за неделю. Так мы договорились.

– Но теперь нам придется проторчать здесь дольше, чем неделю.

– Это от меня не зависит.

– Несомненно. Но мы все же целиком от вас зависим. Вы несете ответственность. Все, чего мы просим, так это помнить об этом.

– Мы пришли к соглашению, которое вас устраивало. – Но ведь обстоятельства изменились. Значит, и соглашение должно измениться. Оно изменится, капитан.

– Это уж я решаю.

– Да. Настолько, насколько оно будет реалистичным. Затем Гутар стал излагать факты. Должен сказать, в этой части его упрекнуть не в чем. Он говорил спокойно и резонно. Он дал понять, что мы вовсе не собираемся подзаработать, а просто не хотим оказаться незаслуженной жертвой задержки. Он спросил, что произойдет, если он, гражданин Франции, будет вынужден обратиться к властям – он упомянул приятеля в комиссариате – и попросить о помощи, поскольку он остался без средств к существованию. Естественно, ему пришлось бы объяснить, почему он оказался в таком положении. Начнутся вопросы, потребуются разъяснения. Наконец он воззвал к доброму нраву капитана, напомнив ему о дружеских вечерах, проведенных вместе. Было видно, как капитан начинал смягчаться.

Тут мы въехали во двор дока, и вдруг начался бедлам. Взрыв вызвала реплика Ван Буннена. Сама по себе она была довольно невинной. Однако капитан не учел, что терпение Гутара, решившего действовать уговорами, в один момент может лопнуть.

Когда такси остановилось рядом с бортом судна, Ван Буннен сказал: «Хорошо, я подумаю». Затем он открыл дверцу и начал выбираться.

Вот тут-то все и началось.

Гутар издал горловой клекочущий звук и двинул ногой. Нога ударила капитана под зад, и тот растянулся на бетонной поверхности пирса.

Неподалеку стоял сомалийский полицейский из охраны дока, и поначалу, я думаю, ему показалось, что капитан просто споткнулся. Он направился к нему, чтобы помочь встать. Но Гутар уже выскочил из такси и настиг Ван Буннена первым. Как только капитан поднялся на ноги, Гутар схватил его за рубашку и стал трясти, выплевывая фразы ему в лицо.

– Так ты, значит, подумаешь, пьяный мешок с дерьмом? Ну так думай, думай сейчас, думай быстро, а то я с тебя не слезу. Понимаешь? Думай сейчас! Сейчас!

Ван Буннен, оправившись от неожиданности, начал сам орать на Гутара и пытался стукнуть его. Тот парировал удар и врезал ребром ладони по лицу капитана.

– Сейчас, Синдбад-мореход! Сейчас!

Полицейский тарашился на дерущихся белых, не зная, что предпринять, подкидывая в руке длинную дубинку, и принялся тоже кричать во всю глотку. Шофер-индиец и я выбрались из такси. Теперь все кричали. Послышался топот бегущих людей. В следующее мгновение молодой Бержье и старший механик схватили разъяренного Гутара за руки.

Ван Буннен быстро ретировался. Из носа у него струилась кровь. Промокая ее носовым платком, он поглядывал то на нас, то на полицейского. Я был уверен, что капитан распорядится нас арестовать. Затем он, видно, передумал. Мы все еще могли доставить ему хлопоты. Ван Буннен, видимо, решил предупредить такой ход событий, официально избавившись от нас.

– Эти два человека уволены с корабля, – произнес он громко.

Гутар ответил громогласной нецензурщиной.

– За неподчинение, – продолжал капитан. – Им повезло, что я не обвиняю их в нападении на вышестоящего начальника. Но это еще можно сделать, если они не угомонятся.

Он повернулся и пошел по трапу на судно. Гутар вырвался и бросился за ним, но полицейский теперь вступил в дело. Он подошел к трапу и преградил ему путь.

Гутар в бешенстве обратился к Бержье:

– Этот мешок с дерьмом взял с каждого из нас по сто двадцать пять долларов.

– Я знаю, – сказал Бержье, – но ничего не могу поделать. Он капитан.

Тут мне в голову пришла, на мой взгляд, остроумная идея.

– Ведь мы записались в члены команды, – сказал я. – Имеет ли капитан законное право уволить нас в иностранном порту захода, какая бы ни была причина, не рассчитавшись с нами?

Бержье посмотрел на старшего механика.

– Что ты по этому поводу думаешь, дед? Механик задумался на минуту, потом ухмыльнулся.

– Может, и не имеет. Пожалуй, мы его спросим.

Они поднялись на борт. Мы с Гутаром остались ждать. Тут за нас принялся шофер-индеец, требуя платы за такси. Гутар, как видно, был снова готов сорваться с цепи. Я торопливо пообещал все уладить, как только вернется помощник капитана.

Бержье вновь появился двадцать минут спустя. В руках у него были какие-то бумаги, и он улыбался.

Две бумажки были расписками, которые мы должны были подписать. Остальное – деньги – эквивалент пятидесяти долларов каждому в франках, ходящих в Джибути.

Гутар разразился смехом, шлепнул меня по спине и наградил костоломным рукопожатием. Можно было подумать, что на него свалилось наследство.

Когда мы расписались и Бержье вручил нам деньги, ему тоже досталось рукопожатие и приглашение обмыть дело за обедом. Даже шоферу уделили частичку общего благожелательства. Гутар объявил, что он может отвезти нас обратно в город.

Я все чаще ловил себя на мысли, что, чем больше я общаюсь с Гутаром, тем меньше его понимаю. Раньше я не знал, что он способен на такие резкие смены настроения. И вот в течение сорока минут он перескочил от степенных уговоров к насилию, а от насилия – к идиотской эйфории. Особенно меня беспокоила эйфория. Похоже, он не понимал, что произошло. В такси на обратном пути я пытался втолковать ему, что если в начале дня мы еще являлись пассажирами до Лоренсу-Маркиша, хотя и страдающими от задержки, то теперь нас отделяли всего лишь пятьдесят долларов от сидения на полной мели в Джибути. Ответом был еще один игривый шлепок по спине. Я махнул рукой. Шлепки Гутара были как удары железной доской.

Однако тем же вечером ему пришлось спуститься на землю.

Принес дурные вести Бержье, появившийся на трапезе.

Оказалось, капитан Ван Буннен, переживая по поводу всех унижений, выпавших на его долю этим утром, решил, что если мы обратились к закону по поводу выплаты расчета, то почему бы и ему не исполнить законные обязанности капитана. В результате он официально уведомил полицию о нашем увольнении и расчете за неподчинение приказу.

Первой реакцией Гутара было пожать плечами и заказать бутылку вина. Я воспринял предупреждение Бержье гораздо более серьезно.

– А что это для нас означает? – спросил я.

– Ну, теперь здешняя полиция может обратить на вас внимание.

– Почему? – возразил Гутар. – Ведь мы ничего не сделали.

– Не в этом дело. Вы должны понять, что моряки в иностранном порту находятся в несколько привилегированном положении в отношении полиции. Если они не напьются до положения риз, не затеют драку или не займутся контрабандой слишком открыто, их не трогают. А почему? Да потому, что через день-другой, через неделю они отправятся восвояси. Они принадлежат больше кораблю, чем берегу. Но теперь ваше положение изменилось. Вы больше не принадлежите кораблю, и полиция поставлена об этом в известность.

– Не вижу особой разницы, – Гутар прикидывался тупым.

Бержье вздохнул.

– Причина, по которой вам разрешили сойти здесь на берег, не задавая вопросов, заключалась в том, что вы представляли собой членов экипажа корабля, идущего транзитом. Теперь этой причины не существует.

– Налей себе вина.

Тон Бержье стал резче: Гутар начинал его раздражать.

– Сможете вы предъявить теперь документы торговых моряков, если полиция их спросит? – осведомился он. – А если нет, есть ли у вас виза для пребывания на территории страны?

Гутар загадочно улыбнулся и поднялся на ноги.

– Если это облегчит вашу Душу, – сказал он, – я пойду позвоню по телефону и выясню, интересуется ли нами полиция.

Он направился к телефону. Бержье вопросительно посмотрел на меня.

– У него приятель в комиссариате, – сказал я.

Гутара не было довольно долго. Когда он вернулся, то объяснил, что ему пришлось разыскивать приятеля в клубе.

– Ну? – осведомился я.

– Нам не о чем беспокоиться.

Это было сказано слишком небрежно. Я догадался, что он врет. В любом случае заявление было глупо: у нас хватало о чем беспокоиться помимо полиции. Однако Бержье, казалось, принял ответ за чистую монету.

– Всегда полезно иметь друзей наверху, – сухо вато заметил он.

Данная тема больше не затрагивалась, пока мы не распрощались с Бержье и не направились в гостиницу.

– Что твой приятель действительно сказал? – спросил я.

– В нашем распоряжении три дня.

– А потом?

– Потом они захотят узнать, что мы собираемся делать и какие у нас средства к существованию. Если ответ их не удовлетворит, мы получим распоряжение убраться. Но он советует, чтобы мы не ждали вызова и допроса, а сами бы обратились с просьбой о разрешении остаться на неделю. Может быть, ее удовлетворят. Но на большее рассчитывать не придется.

Сказать было нечего: в любом случае за неделю наши денежки уплывут. Через неделю мы будем без гроша.

Я помолчал. Горечь переполняла меня. Из-за безответственности Гутара нас вышвырнули из Греции. Из-за безответственности Гутара – его нападение на капитана Ван Буннена было бессмысленным – нас вышвырнут из Джибути.

Вышвырнут – но куда? На помойку? В тюрьму? Я старался придумать хоть что-нибудь, похожее на надежду, но ничего не мог. Впереди вырисовывался конец – грязный, мрачный, безысходный.

– Что ты собираешься делать? – спросил наконец я.

Я спросил потому, что любой ответ Гутара не мог посулить ничего путного. Если бы я смог придумать что-то противоположное, счастье, может быть, и улыбнулось мне.

Он взглянул на меня и осклабился. Он опять был совершенно уверен в себе.

– Остается только один выход, – сказал он.

– Какой же?

– Потолковать с майором Кинком.

Глава VI

Они потолковали на следующее утро. Я при этом не присутствовал.

День выдался чрезвычайно противный. Мы решили последовать совету приятеля Гутара и предварить вызов в полицию тем, что сами явились в паспортное бюро и попросили выдать разрешение на пребывание в течение недели. Это посещение оказалось отнюдь не формальностью, как мы предполагали. Нам устроили допрос, притом перекрестный. Полиция отнеслась к нам хуже некуда. Допрашивал француз, донельзя подозрительный и паскудный, давший с самого начала понять, что мы нежелательные элементы. Гутару пришлось хуже всего – он ведь тоже был француз, – но и мне досталось. Мой паспорт приняли с издевательской улыбкой. Подонок не верил ни одному моему слову.

Нам пришлось показать все наши деньги и пересчитать у него на глазах. Потом суммы записали в наших паспортах. Нас предупредили, чтобы мы не думали искать работу, кроме как на судах, отплывающих из Джибути, и не занялись торговлей наркотиками. Напоследок нам сказали, что если кто-то из нас окажется на этой территории семь суток спустя, то ему надо уметь хорошо плавать. Когда мы вышли, даже Гутар был подавлен.

Он собирался встретиться со своим приятелем из полиции за ленчем, чему я был рад. Ночью я придумал план, которым мне не хотелось с ним делиться.

До Адена было всего полторы сотни миль через Баб-эль-Мандебский пролив. Я подумал, что если смогу добраться до Адена, то, может быть, устроюсь официантом на какой-нибудь проходящий корабль. В Адене меня не знали, да и порт там был в любом случае более оживленный, чем в Джибути. Конечно, у меня не было ни профсоюзного билета, ни удостоверения моряка, но мог попасться капитан грузового судна, думал я, который не станет слишком привередничать, если у него случится нужда в работнике.

Я навел справки насчет парома до Адена и выяснил, что есть такой, доходящий за девять часов. Самолетом туда можно было долететь за час. Морем было дешевле, и я отправился в контору пароходства покупать билет.

Кассир уже было начал выписывать билет, как попросил показать мой паспорт. Я протянул ему документ, и он принялся листать его. Потом посмотрел на меня.

– Где же она?

– Кто – она?

– Виза в Аден?

– Я получу ее на месте.

– А, нет. Это не разрешается, за исключением лиц с британскими паспортами. Вам нужно получить визу здесь. В противном случае англичане не разрешат вам высадиться, и мы будем вынуждены доставить вас обратно. Сейчас в Адене неспокойно. Мы не продаем билета, если у пассажира нет визы. Таково правило.

– А где можно получить визу? – Но я уже догадался, каков будет ответ.

– Их выдает британское консульство.

Я вновь подумал о Г. Картере Гэвине и о том, что бы мне хотелось сделать с этим паршивым поросенком, но не стал тратить попусту время на посещение консульства. Вместо этого я провел вторую половину дня в порту. Там были дау – арабские торговые суденышки, ходившие в Аден и Йемен, и отчаянье мое было таково, что я был согласен на любую авантюру. Наконец я разыскал одного владельца суденышка, который

согласился высадить меня на берег недалеко от Адена, но он запросил сотню долларов. По его словам, на такую сумму его оштрафуют, если он попадется английскому патрулю. Это был вонючий ублюдок бандитского вида, и я не верил ни одному его слову. Если бы даже у меня и было сто долларов, я бы подумал дважды, прежде чем довериться такому человеку. Скорее всего, он взял бы мои деньги и выкинул меня за борт, как только лодка оказалась вне видимости с берега. Я сказал ему по-арабски, что он может делать со своим дау. Он узнал мой акцент и обозвал меня грязным египтяшкой.

Я весь день провел на ногах и очень устал, но такси мне было не по карману, и до города я добирался пешком. Когда я дошел до гостиницы, я чувствовал себя полумертвым.

В подобном климате нужно пить много жидкости, чтобы избежать сердечной недостаточности или беды с почками, поэтому я выпил две или три бутылки пива, прежде чем заказать то, в чем я больше всего нуждался, чтобы хоть немного сбить свою депрессию, – двойное бренди. В результате я не очень-то здорово соображал, когда возвратился Гутар.

– Где это ты был? – осведомился он, усевшись рядом со мной.

Я принялся рассказывать. Раз мой аденский план не выгорел, не было смысла скрывать от него. Кроме того, я впал в великодушное, философское настроение. Поскольку Артур Абдель Симпсон является персоной нон грата для британских властей, а посему находится в такой яме, откуда не выбраться, почему бы Иву Гутару, французскому подданному, не попробовать получить визу и отправиться в Аден? Пусть он знает, что почем. У меня, конечно, есть свои недостатки, но я никогда не был собакой на сене.

Я объяснил ему все это, когда он прервал меня в своей грубейшей манере.

– Аден, – вымолвил он нетерпеливо. – Кому, к черту, нужен Аден? Послушай-ка! Я разговаривал с Кинком.

– Ну?

– У него очень любопытное предложение.

– Да что ты?

Даже такая незначительная перебивка вывела его из себя.

– Ты собираешься слушать или нет?

– Конечно.

– Я тебе говорил, что он набирает людей. И оказался прав. Предложение таково. Трехмесячный контракт, возобновляемый по взаимному согласию еще на три месяца. Условия: основное жалованье – две тысячи швейцарских франков в месяц, все расходы на проезд и проживание, на обмундирование плюс пятьдесят процентов премия через

шесть месяцев. Выплачивается аванс в месячную зарплату по подписании контракта. Вот так! Как звучит?

Для меня это звучало как райская музыка, и я почувствовал острый приступ зависти.

– А что за работа? – спросил я.

Он усмехнулся своей самой уверенной и знающей усмешкой.

– Всего-навсего показать глупым макакам, как охранять и защищать участок земли.

– Одна из этих залежей редкоземельного добра?

– Ну конечно. Ты же слышал, что он рассказывал.

– А где это?

– Он пока не говорит. Естественно, ему нужно быть осторожным. Особенно на начальном этапе. Но это ни одно из двух Конго. Я ему прямо сказал, что туда меня не тянет. Он заверил меня, что это не там. Говорит, дальше на север. Мы вылетаем в четверг.

Паренек принес ему пиво. Я поднял свой стакан.

– Что ж, желаю удачи.

– Удачи? – Он поднял брови. – И это все? Никакой благодарности?

– За что?

Он ощетинился.

– Уж не станешь ли ты мне говорить, что тебе не нужна работа! Где еще можно получить такие легкие деньги? Ты же знал, что я иду говорить с Кинком. Если тебя это не интересует, почему же ты так и не сказал?

– Я? – разинув рот, я уставился на него.

– О ком же еще я толкую? – он снова начинал злиться. – Я-то его уламывал, убеждал насчет тебя, и он согласился только после того, как я рассказал ему о твоём послужном списке.

– О списке?! – Меня всего передернуло от страха. Единственный список, о котором я подумал, было мое досье в Интерполе. – Зачем тебе это понадобилось?

– Ну, сейчас ты не очень-то выглядишь как офицер Восьмой армии из Западной пустыни, а? Естественно, ему нужно было сказать о твоём военном опыте. А теперь ты говоришь, что тебя это не интересует. Что за шутки? Я не люблю выглядеть болваном. Что это за игру ты затеял?

На его лице появилось то самое оскаленное выражение, как перед его атакой на капитана Ван Буннена. Это меня испугало. Я знал, что нужно немедленно его остановить, иначе мне несдобровать.

– Да я ни в какие игры не играю. Просто не понял, что вхожу в команду.

– Я же сказал «мы», не так ли?

– Да, но я подумал, ты имеешь в виду себя и...

– Но мы ведь вместе или нет? – Он осуждающе прервал меня. – Почему ты подумал, что нет? Я не из тех, кто бросает приятелей в беде.

– Очень тебе благодарен. Выпей бренди.

– Как раз собирался. – Внезапно ухмылка снова появилась на его лице. Никак нельзя было предсказать, что он выкинет. – Не нужно больше считать гроши и учиться плавать. Вот так-то. – Он довольно хмыкнул. – Приятное ощущение, Артур, а?

– Очень приятное.

Ощущение действительно было приятным, пока мы пили.

Оно могло быть еще более приятным, не сопровождайся оно беспокойством и подозрениями.

Беспокойство наступило сразу. Сковороду, из которой я сейчас выскакивал, я знал слишком хорошо, и сидеть на ней чертовски неудобно. Но, каков будет жар впереди?

Подозрения, однако, росли постепенно. Я уже заметил, что Гутар был из тех людей, которым обязательно нужны мальчики на побегушках. Теперь, думалось мне, эта нужда, возможно, переросла во что-то другое. «Мы ведь вместе или нет?» Так он сказал. Может, он – Робинзон, который не может без своего Пятницы? Вполне возможно, что подобная роль была уготована мне без моего ведома.

Перспективу иметь Гутара в качестве своего Робинзона мне не очень-то хотелось даже обдумывать.

Глава VII

В одиннадцать утра на следующий день мы предстали перед майором Кинком в конторе какой-то торговой компании неподалеку от железнодорожной станции. Кроме нас там было еще трое «рекрутов».

Кинк сидел за столом рядом с морщинистым человеком, перед которым лежала аккуратная стопа бумаг. Отыскали дополнительные стулья, и всех нас пригласили сесть.

Кинк начал с того, что представил нам морщинистого, сидевшего рядом с ним:

– Это мсье Пауэлс, деловой и торговый представитель «Сосьете миньер э металлуржик дель Африк Сентраль». Он будет вашим нанимателем. Предполагается, и это будет оговорено в ваших контрактах, что вы нанимаетесь СММАК сугубо как сотрудники безопасности. – Он сделал паузу и добавил мягко: – Ни в коем случае вы не должны считать

себя членами военной или полувоенной организации. Правильно, мсье Пауэлс?

Морщинистый важно кивнул.

– Совершенно верно. СММАК не содержит частных армий.

Кинк улыбнулся.

– Конечно, нет. Это было бы совершенно незаконно. – Зашелестел легкий смешок. Он продолжал в обыкновенном разговорном тоне. – Находить джентльменов с вашим опытом становится нелегко. Я надеялся найти человек восемь или больше, таких, как вы, в Джибути. Однако, поскольку я ожидал найти четырех и нашел пятерых, я не слишком разочарован. Передовая партия набрана из других источников. наших сил в районе операций теперь вполне достаточно. Но приступим к делу. Сначала давайте познакомимся. – Он взял машинописный список. – Когда буду называть ваше имя, поднимайте, пожалуйста, руку.

Он начал зачитывать, называя сначала фамилии.

– Барьер, Рене. Бывший лейтенант французской армии. Пехота. Действительная служба в Сенегале и Верхней Вольте. Позже в военной полиции в Дагомее. Инструктор по оружию. В последнее время служил на таможне и в пограничной патрульной службе на данной территории. Немного знает суахили.

Барьеру было под сорок. Это был плотный человек с холодными глазами, досиня выбритым подбородком и темными волосами, подстриженными под ежик. Подняв руку, он кивнул нам.

– Гутар, Ив, – продолжал Кинк. – Бывший сержант французской армии. Десантник и инструктор десантной бригады. Служил в Индокитае и Алжире. Последняя работа – организация транспорта и безопасности. Немного знает арабский.

Очевидно, «организация транспорта и безопасности» было официальным названием его работы у Хейека.

– Рейс, Иоганнес. Бывший сержант голландской армии. Специалист по взрывчатке и подрывным работам. Служил в Европе и Индонезии. Последняя работа – строительство дорог и мостов в Танзании и Южной Африке. Беглый немецкий и английский, немного суахили.

Рейс был приблизительно мой ровесник, человек бычьего сложения, со светлыми глазами и кожей, покрытой загаром от длительного пребывания под открытым небом. Он вертел в руках незажженную трубку и, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке, как и я. Я дивился, почему он покинул Танзанию и Южную Африку.

– Симпсон, Артур. Бывший лейтенант английской армии. Служил в Египте и Ливии. Дальнее патрулирование. Недавно имел дело с

организацией коммерческой безопасности. Беглый английский и арабский.

Меня прошиб пот.

– Уилленс, Адриан. Бывший майор южноафриканских ВВС. Служил в Бирме. Профессиональный охотник и зверолов с большим стажем, действовал в Кении и Эфиопии. На действительной службе в период борьбы с террористами Мау-Мау. Беглый английский, африкаанс и суахили. – Кинк посмотрел игриво поверх списка и добавил: – Французский с ужасным акцентом.

Шутка вызвала легкий смешок. Кинк сказал это по-французски, этот язык был рабочим в группе.

Уилленс, как видно, не имел ничего против шуток на свой счет, он просто пожал плечами. Ему было под пятьдесят. Подтянутый, сухощавый, с тонкими губами, с лицом и шеей, коричневыми от загара и морщинистыми, как грецкий орех, он выглядел хладнокровным, добродушным и неутомимым.

Майор Кинк отложил список.

– Вы увидите со своими коллегами из передовой части через два–три дня. А теперь мсье Пауэлс объяснит вам насчет жалованья и довольствия.

Мсье Пауэлс поправил разложенные перед ним бумаги. Он был предельно аккуратен.

– Как уже говорилось, – начал он, – вы получите аванс по подписании контрактов, приготовленных мною. Аванс будет выплачен в франках Французского африканского сообщества, которые имеют хождение в районе операций. Должен вам сообщить, однако, что вам вряд ли понадобятся большие суммы там, поскольку СММАК берет на себя расходы по вашему проживанию. Я также полагаю, что вы сами вряд ли пожелаете скапливать большие суммы наличными в полевых условиях. – Тут все обратились во внимание. – Таким образом, у вас два пути. Если у вас есть текущий счет в странах Общего рынка или стерлинговой зоны, СММАК будет переводить чеки прямо на ваш банк. Если вы предпочитаете более простую процедуру, мы можем выдать расчетные книжки и периодически платить вам деньги согласно записям в них. Выплата будет производиться, конечно, по предъявлении книжки в любой конторе СММАК, включая штаб-квартиру в Женеве, или в конторах ее агентов, как эта. В случае необходимости можно получить деньги и в полевых условиях, о чем в книжке будет сделана соответственная запись. Что касается СММАК, нам безразлично, платить ли наличными, на текущий счет или по расчетной книжке. Выбирать вам.

Он посмотрел на листок с заметками.

– Далее, кое-кто из женатых служащих может пожелать переводить жалованье женам или другим иждивенцам, не находящимся с ними. СММАК готова это обеспечить. Назначенные суммы, естественно, будут вычитаться из их жалованья. Есть вопросы на этот счет?

– Положена ли нам выплата за обмундирование? – спросил Гутар.

– Вас обеспечат обмундированием со складов СММАК. Платить не придется, – ответил Кинк.

– Как насчет прививок? – Это был Барьер.

– Я только что собирался об этом сказать. Большинство из вас, как я полагаю, достаточно подготовлены. Тем не менее лучше обойтись без риска. Мне известно, что в местной больнице завтра между тремя и четырьмя часами пополудни будут делать прививки против тропической лихорадки. Нужно иметь также справки о прививке от оспы. Я договорился, что любой из вас по желанию может сделать одновременно прививку от сыпного, брюшного тифа и столбняка. Рекомендуется повторная прививка против брюшного тифа для тех, кто делал ее больше двух лет назад. Следует начать принимать таблетки против малярии. Что еще?

Вопросов больше не было. Слово снова взял мсье Пауэлс.

– Тогда приступим к контрактам. Как вы увидите, они оформлены очень просто. Я буду называть ваши имена, и вы будете по очереди подходить и подписывать документы. Мне также понадобятся ваши паспорта, чтобы получить надлежащие визы, прежде чем вы отбудете в четверг.

В списке Кинка мы значились по алфавиту.

Контракт представлял собой документ на двух страницах фирменных бланков женевской штаб-квартиры СММАК. Нужно было подписать три экземпляра, одна копия оставалась у подписавшего. Потом выплатили аванс. Я заметил, что никто не потребовал перевода на текущий банковский счет – все взяли расчетные книжки. Мсье Пауэлс, видимо, на это рассчитывал: у него заранее были заготовлены книжки на каждого из нас. Пилюлю по поводу того, что наши паспорта нужны для получения виз, я проглотил с горечью. Наверняка они их отбирали для того, чтобы иметь гарантию, что никто из нас не смоется, получив аванс.

Вид пачек денег на столе, однако, радовал сердце. Когда дошла очередь до меня, я пыжился изо всех сил, чтобы выглядеть, как значилось в послужном списке Кинка. Мне почти удалось убедить самого себя.

Все было бы в полном порядке, если бы не одна штучка. В самом конце контракта имелась графа, куда нужно было вписать имя и адрес ближайшего родственника.

Я вписал имя Ники и наш афинский адрес. Что касается родства, написал «сестра». Я, конечно, не собирался высылать ей деньги, потому что она в них не нуждалась. Но не хотелось и выглядеть жмотом.

Эти мысли заставили меня на секунду поколебаться, а за это время я прочитал весь параграф.

«В случае смерти вышеупомянутого служащего, его ранения или потери трудоспособности по болезни его ближайший родственник, указанный ниже, будет немедленно поставлен в известность».

Я подписал контракт, получил свою копию, получил расчетную книжку, отдал свой паспорт и получил деньги. Но я больше не чувствовал себя солдатом. На душе у меня было тяжело.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ РЕДКИХ МЕТАЛЛОВ

Глава I

Рано утром в четверг мы снова собрались в конторе агента СММАК со своим багажом, и нам вернули наши паспорта. Я тут же заглянул в свой. К своему удивлению, я обнаружил там две новые транзитные визы, одну через Судан, другую через Чад.

Нас ожидал микроавтобус, чтобы доставить в аэропорт. Барьер и Уилленс были с женами, нас всех друг другу представили. Обе женщины сели вместе с нами. Я решил, что они приехали проводить своих мужей. На них были спортивные брюки и рубашки, что казалось мне лишь попыткой соответствовать общему походному настроению, которое меня так угнетало. Мне и в голову не могло прийти, что они отправляются вместе с нами. А жаль. Тогда путь до аэропорта меньше бы мне напоминал визит к зубному врачу. Накануне ночью я глаз не сомкнул, а в желудке будто металась грязные серые мошки.

После того как мы прошли паспортный и таможенный контроль, нас снова погрузили в автобусик и повезли вокруг всего поля к грузовому ангару. Около него на гудронной полосе стоял выдавший виды двухмоторный самолет. Мы выгрузились из автобуса и взобрались с нашим багажом на борт.

К тому времени я сообразил, что женщины летят вместе с нами, и мне стало как-то легче. Там, куда мы направляемся, размышлял я, наверное, не такая уж глушь, если даже женщины могут жить. Это могло значить, что военная часть службы, которой я больше всего боялся, ограничивается караульными обязанностями. В таком случае я, может быть, знал достаточно, а об остальном мог догадаться, чтобы не ударить в грязь

лицом. Ведь Кинк говорил, что мы – сотрудники безопасности, а не какая-то частная армия. Мне очень хотелось ему верить.

То, что я увидел в самолете, не способствовало оптимистическому ходу мыслей, на который я старался настроиться.

Начать с того, что там отсутствовали сиденья. То есть они были, но совсем не такие, как обычно бывают в самолетах, – это были маленькие алюминиевые сиденьца, прикрепленные на пружинах по обе стороны фюзеляжа, откидывавшиеся, когда свободны, чтобы не мешать. Откидывались они и тогда, когда приподнимаешься на минутку, пытаясь разогнуть спину. Самолет был загроможден штабелями ящиков и металлических коробок, прикрепленных к планкам на избитом металлическом полу железными тросами. Самолет долго стоял на солнце, и жара внутри была адская – даже Кинк поначалу дрогнул.

– Когда поднимемся в воздух, посвежеет, – сказал он. – Положите свои пожитки да пристегнитесь ремнями к сиденьям.

Мы скорчились на сиденьях – изгиб фюзеляжа не позволял распрямиться. Пот градом лил с наших носов и подбородков. Рядом со мной сидел Уилленс, потом – его жена. Я слышал, как он бормотал ей по-английски: ««Винтидж С-47» времен второй мировой войны. Даже сиденья не переделаны. Надеюсь, эти летуны знают, что здесь почем».

Затем один из членов команды, бледный человек в шортах цвета хаки, закрыл дверь. Запустили моторы, и разговаривать нормально стало невозможно. В самолете не было звукоизоляции, не был он и герметизирован. Я не знаю, каков потолок полета у этого типа самолета, но на мой вкус он был явно низок. Иногда мы летели ниже горных вершин, окружавших нас. Слава богу, увидеть можно было очень немного – трясло в воздухе так, что приходилось сидеть с пристегнутыми ремнями. Попытка заглянуть в иллюминатор грозила риском свернуть шею. Как и обещал Кинк, сильно похолодало.

Через час-другой стало поспокойней. Раздали коробки с завтраком – фрукты, сыр и черствый хлеб, а также бутылки с вином и водой. Никто помногу не ел, но вино разошлось быстро. Лично мне оно было просто необходимо. И не только потому, что лететь было страшно.

Скорчившись на жестком сиденье, упираясь локтями в колени, я мог видеть только одну секцию груза, расположенную прямо напротив меня. На некоторых коробках виднелись надписи, хотя на самых ближних ко мне они были вверх ногами. Через некоторое время я от нечего делать стал разбирать слова и цифры.

Первое слово, которое я разобрал, было «Узи» с тире и цифрой 4. Это слово могло бы мне многое сказать, но я терялся в догадках. Я решил, что это какое-то сокращение. На ящике рядом были действительно

сокращения – после букв стояли точки. Они выглядели так: F.U.N. – MAG – 7.62. Больше всего меня заинтересовал плотно закрытый металлический ящик. Таких, как он, было несколько. На ближайшем ко мне было нацарапано карандашом «MORT». Это мне ничего не говорило, хотя по расположению букв было ясно, что это не все слово. Нагнувшись пониже, как будто завязывая шнурок ботинка, я разглядел остальное. Целое слово было «MORTIER», а потом шли какие-то буквы и цифры, которые я и не пытался расшифровать. «MORTIER» и цифры говорили более чем достаточно. Теперь мне оставалось лишь понять, зачем отряду служащих безопасности, следующих куда-то в Экваториальную Африку по коммерческому контракту, нужны восьмидесятидвухмиллиметровые минометы.

Мои часы остановились, а Уилленс через некоторое время стал частенько посматривать на свои. Видно было, что ему все больше становится не по себе. В конце концов он вытащил листок бумаги и карандаш, произвел какие-то расчеты и передал их Кинку. Они стали вопить изо всех сил друг другу на ухо, из чего я разобрал, что, если мы не приземлимся в ближайшее время, у нас кончится горючее. Кинк отправился в кабину пилота поговорить с командой и возвратился, улыбаясь и показывая знаками, что мы будем садиться минут через десять.

Уилленс вернулся на свое сиденье, но не отводил глаз от часов. Тут самолет слегка подкинуло, мы начали снижаться, и у меня заложило уши.

Место, где мы приземлились, называлось Джуба, городок на Белом Ниле в Южном Судане. Пассажиры провели ночь в гостинице аэропорта, а команда – в самолете, по всей видимости охраняя груз.

В тот вечер авторитету Кинка был брошен первый вызов.

Уилленсу, как видно, не давала покоя продолжительность перелета. Да и почти несъедобный обед тоже подпортил ему настроение. Мы все еще сидели за столом, попивая кофе, когда начался спор.

Уилленс отодвинул свою чашку с гримасой отвращения и обратился к сидевшему напротив Кинку.

– Позволено ли нам знать расписание завтрашнего полета? – Его тон был слегка вызывающим.

Кинк улыбнулся.

– Конечно. Отсюда мы летим в Форт-Аршамбо в Чаде.

– А заправка где?

– Нигде. Мы летим напрямую.

– Вам известна максимальная дальность полета «С-47» на нормальной крейсерской скорости?

– Пилоту известна.

– И мне тоже. Она не превышает двух тысяч километров.

– Аршамбо не так далеко.

– Может быть, нет, и слава богу, нам не придется шнырять между горами, как нынешним утром, ну а что, если поднимется встречный ветер? Или ошибется штурман? Ведь оборудование там у вас не из новых.

– Команда очень опытна.

– Очень может быть. Но в этих широтах и над подобным ландшафтом даже самый опытный штурман может ошибиться. Надо это принимать в расчет. Нужен запас времени для исправления ошибки.

Здесь ввязалась миссис Уилленс. Она была по рождению австралийкой, высокая смазливая брюнетка с глазами, одновременно выражавшими насмешку и практичность, с широким ртом.

– Мой муж налетал четырехста часов, пилотируя «С-47», – сказала она. – Он знает, о чем говорит. – Ее французский выговор был лучше, чем у мужа.

Кинк улыбнулся ей галантно.

– Я уверен, что это так, мадам. Я полагаю, что все мы знаем, о чем говорим. Я совершенно уверен.

– Если мы дозаправимся в Ялинге, риска будет меньше, – упорствовал Уилленс.

– Мы ничем не рискуем, летя напрямик. Уилленс обратился к Гутару:

– Что ты скажешь, Гутар? Ты ведь кое-что соображаешь в самолетах.

– Только то, как прыгать из них, – ответил, подмигнув, он. Мадам Барьер рассмеялась. Она была маленького роста, коренастая, с мальчишеским лицом. Рассмеялась она очень громко, что сразу немного снизило напряженность. Кинк этим тут же воспользовался.

– Все, у кого сдают нервы, могут застаться парашютом, – бросил он небрежно.

Уилленс и его жена незасмеялись. Я присоединился к смеющимся, хотя мои симпатии были на стороне Уилленса. Он стоял на своем.

– Лично я предпочитаю вынужденную посадку в заросли, – сказал он и снова взглянул на Кинка. – Что плохого в дозаправке?

– То, что в ней нет необходимости.

– Это по вашему мнению.

– Именно так. – Лицо Кинка посуровело. – И только мое мнение имеет значение. Могу добавить, что, если бы была желательна дозаправка в Ялинге или еще где-либо, мы не летели бы через Аршамбо.

– Но куда мы летим? – хотел знать Барьер. – Что за тайны? Все равно мы рано или поздно узнаем.

– Мне хотелось бы, чтобы это случилось поздно. Когда в этом наступит необходимость. – Он холодно оглядел всех нас. – Нет нужды объяснять служащим безопасности, что не следует им много болтать, и я должен вам также напомнить: в дисциплинированном подразделении приказы не подлежат обсуждению. – Кинк поднялся. – Мы вылетаем рано утром. Советую вам побольше поспать. Доброй ночи.

Слегка поклонившись женщинам, он ушел.

Последовало краткое молчание, потом Барьер издал языком непочтительный хлопающий звук.

Кое-кто фыркнул, но комментариев не последовало. Рейс достал бутылку виски и пустил ее по кругу. Выпив, мы разошлись спать.

Нас с Гутаром поселили в одной комнате.

– Ну, – сказал он, раздеваясь, – что ты на все это скажешь?

– Даже не знаю, что подумать. Пожалуй, Уилленс знает, о чем говорит, и он не похож на паникера. Хотя сегодня было о чем поволноваться.

– Но мы все-таки долетели, и даже с запасом горючего. Не забывай, я посмотрел досье на Кинка. Он не производит впечатление человека, готового попусту рисковать.

Меня так и подмывало сказать, что я не хочу никакого риска, нужного или ненужного, но это прозвучало бы как-то не по-солдатски. Вместо этого я высказал первую мысль, пришедшую мне на ум:

– Может быть, он просто темнит.

– Что ты имеешь в виду?

Я и сам не знал, что имею в виду, и пришлось быстренько изобретать ответ. Я долго и старательно стягивал брюки, чтобы выиграть время.

– Видишь ли, – сказал я наконец, – он толковал о необходимости знать и заявил, что предпочитает, чтобы мы узнали о месте назначения лучше поздно, чем рано.

– Ну и что?

– Спрашивается, почему? В чем, собственно, риск? Ведь мы же летим одной группой. С кем мы можем общаться, как не друг с другом?

– И стены имеют уши. Нас могут подслушать. Ты это имеешь в виду?

– Не совсем. – Я пытался сделать вид, что продолжаю начатую нить рассуждения, тогда как мне пришла в голову совсем другая мысль. – У нас на самолете оружие, – сказал я.

– Конечно. Я не слепой. Легкие автоматические винтовки и автоматы – личное оружие. Что с этого?

– Мы возьмем также минометы, – добавил я. – Это не личное оружие. Нет сомнения, здешняя служба безопасности, так же как и таможенники,

обнаружили это. Им, наверное, очень интересно знать пункт назначения оружия.

– Ну и что?

– Это значит, они очень заинтересованы и в пункте нашего назначения. Мы – вооруженный отряд. Предположим, они решат допросить нас поодиночке. Это им ничего не стоит. Что получится? Если бы мы действительно знали пункт нашего назначения и стали врать по этому поводу, они бы скоро нас засекли. Даже если повторять одну и ту же ложь, кто-нибудь из нас может расколоться. Врать во время допроса не так-то легко, как думают некоторые. А сейчас нам не нужно врать. Все, что мы знаем, – летим в Аршамбо в Чаде, это подтверждают визы в наших паспортах. Нам не о чем врать.

Гутар сидел, ухмыляясь, на кровати, волосатый, совершенно голый. Он не знал, что такое стыд.

– Однажды разведчик – всегда разведчик? – Он был мной доволен.

Я пожал плечами и отвернулся.

– Это все само очевидно, если только хорошо подумать.

– Да, – он подлез под противомоскитную сетку, – немудрено, что Кинк не заинтересован в дозаправке.

– Что ты хочешь сказать?

– Если то, что ты предположил, правда, то я тогда согласен – остальное самоочевидно. В дозаправке нет нужды, потому что мы летим не в Чад, а гораздо ближе. Может быть, мы летим даже не в том направлении. Как только мы выберемся из этого района, можно взять курс куда угодно.

– Куда угодно Кинку и СММАК, имеется в виду.

– Это то же самое, не так ли?

– Наверное, так.

Но в действительности я не думал, что это одно и то же. И это не было одно и то же.

Глава II

Как я и предсказывал, суданские чиновники в аэропорту действительно всерьез над нами поработали, прежде чем дать добро на продолжение полета в Чад. Нам даже пришлось вывернуть карманы. Они были вежливы, но чрезвычайно противны: наверняка их выучили англичане.

Впрочем, как предсказал Гутар, мы не направились в Чад. Через двадцать минут после взлета Кинк пустил по кругу послание, написанное на фирменном листке СММАК.

В нем говорилось: «Просьба ознакомиться и передать дальше. План полета изменен. В посадке в Аршамбо нет необходимости. Приблизительная продолжительность полета четыре с половиной часа. Все разъяснения позже».

Я передал листок Уилленсу. Он взглянул на него и скорчил недовольную гримасу. Наверняка он подумал, что накануне вечером сваял дурака. Я ему сочувственно улыбнулся. В конце концов, он был уверен, что защищает интересы всех нас, и мне понравилось, как он отстаивал свое мнение. Он не привык иметь дело с хитрыми подлецами вроде Кинка, подумалось мне.

Вместо завтрака нам дали разъяснения.

Они были в форме трех размноженных на ротаторе листков, по экземпляру каждому из нас. Кинк достал их откуда-то из тайника в кабине экипажа. В них содержалось подробное описание места нашего назначения.

Здесь я хочу внести ясность. Хотя я собираюсь совершенно откровенно рассказать, что произошло, я не могу компрометировать себя, сообщив, где происходили описываемые события. Место нашего назначения четко отмечено в любом школьном атласе, более или менее современном, и тамошние власти и другие заинтересованные стороны могут строить любые догадки, которые придут им в голову, но я не собираюсь признаваться ни в чем, что может быть использовано в качестве улики против меня каким-нибудь беспринципным типом, занимающим официальный пост. Я изменил имена и названия не для того, чтобы, как говорится, «защитить невинных» или ради какой-либо подобной ерунды, а чтобы защитить себя.

Вот примерное содержание этих трех листков:

«Районное отделение в Кавайде – Кунди, Республика Махинди

Секретно

Информация для сведения служащих СММАК, направляющихся в провинцию Кунди Республики Махинди.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Республика Махинди – одна из бывших французских колоний в Экваториальной Африке, которой Франция предоставила независимость в 1958 году. На референдуме Махинди проголосовала за автономию в пределах Французского сообщества. В 1960 году она использовала свое право на полную независимость. Однако ее отношения с Францией и большинством других африканских членов сообщества остаются дружественными. Она входит в ООН. Пограничный спор с соседней Республикой Угази находится на рассмотрении Международного суда в Гааге.

Законодательная власть в Махинди осуществляется Ассамблеей, состоящей из сорока пяти депутатов, избираемых на пять лет. В административных целях республика разделена на пять провинций, представленных каждая девятью депутатами. Ассамблея проводит свои заседания в столице Мкубва (население припл. 185 тыс. на 1965 г.) в две сессии по три месяца ежегодно. Президентом, избираемым Ассамблеей, в настоящее время является мсье Поль Ньорока. Это его второй срок пребывания на посту. Его администрация получила название «однопартийная демократия».

Следует, однако, иметь в виду, что она не всесильна. Политика центрального правительства за пределами столицы проводится в жизнь губернаторами провинций и далеко не везде эффективно. Наиболее слаба центральная власть в провинции Кунди, которая, по указанным ниже причинам, пользуется достаточно широкой автономией».

Дальше следовала еще политическая трепотня подобного рода. Потом – географическая трепотня с описанием ландшафта и климата.

Похоже, что в Махинди было буквально все: джунгли, леса, болота, заросли и пустыня. И везде, куда ни сунься, было либо слишком много, либо слишком мало влаги. Везде и всегда стояла жара, так что, куда ни подайся, попадаешь или в парную, или на сковородку. Короче, если Красное море можно считать задним проходом Земли, то Махинди – ее левая подмышка.

Описание населения вызывало не больше энтузиазма, чем само место.

«Преобладающей этнической группой в стране являются банту с примесью мбака и банда в центральных южных провинциях и берберами фулани на севере, преимущественно в Кунди.

Именно концентрация значительного меньшинства берберов фулани накладывает отпечаток на характер провинции Кунди. Следует, однако, иметь в виду, особенно тем, кто имеет опыт пребывания в Северной Африке, что термин «берберы» употребляется здесь исключительно в историческом этническом контексте. Хотя кундийские фулани – мусульмане, говорят по-арабски и считают себя в расовом отношении выше банту, они ближе к негроидам, чем к кавказской или хамитской группам. Хуизы из Северной Нигерии имеют такое же происхождение и играют решающую роль в политической жизни своей страны. Кундийские фулани имеют политический вес в Махинди, который хотя и не является решающим, но все же наверняка превышает влияние других меньшинств».

Затем последовало описание самой провинции Кунди. Она находится на северо-западной границе Махинди и по размерам приближается к Бельгии. Потом пошел опять путаный треп о климате и дождях, из

которого я сделал вывод, что Кунди – наполовину парная и наполовину духовка. Ее западной границей служит река Ньюка, по которой проходит граница с соседней Республикой Угази.

О реке Ньюке они упомянули мимоходом, подонки.

Затем следовала напыщенная белиберда.

«Губернатором провинции Кунди является Его превосходительство эмир Отман дан Фуадо. По праву происхождения он также духовный вождь и глава всех фулани в Махинди.

Эмир представляет собой во многих отношениях противоречивую фигуру. Его противники в центральном правительстве говорят, что он феодальный аристократ и деспот и покушается на парламентскую систему в ее нынешнем виде и республиканскую конституцию 1959 года. В Кунди, где у него не существует противников (по крайней мере таких, которые заявляли бы о себе), он правит в необходимо твердой, но в целом достаточно благодушной патерналистской манере. Известно, что он время от времени называет себя «Барака» («благословение») Кунди.

Формируя общее представление об администрации эмира, следует исходить из чисто прагматических соображений. Его достойное сожаления пристрастие к публичным казням и к своей дворцовой страже, очень напоминающей гестапо, уравнивается тем, что в этой исключительно примитивной стране поддерживается порядок и уважаются права собственности. Этого не скажешь о некоторых других провинциях Махинди.

Отношения СММАК с эмиром и его чиновниками носят чрезвычайно теплый характер. Следует, чтобы они таковыми и оставались. Никакая критика в адрес эмира, его администрации и чиновников со стороны персонала СММАК не допускается. Виновные подлежат немедленному увольнению.

Еще одно предостережение. Фулани в Кунди – гордые и очень неглупые люди. Мужчины наделены чувством собственного достоинства и весьма чувствительны к насмешкам. Неуместная шутка может оказаться оскорбительней, чем физическое насилие. Рекомендуются, чтобы европейский персонал повсеместно и в любое время проявлял наивысшую деликатность.

Положение женщин-фулани (многие из которых очень красивы) в Кунди несколько необычно для общества, исповедующего ислам. Следует, однако, помнить, что фулани – по существу смешанный народ. То, что они приняли и придерживаются по меньшей мере наиболее характерных обычаев для Центральной Африки, вряд ли должно вызывать удивление. Особенно следует отметить один обычай. Он позволяет главе влиятельного деревенского семейства дарить неженатому мужчине,

который ему понравится, одну из своих дочерей в качестве сожительницы. Неженатые европейцы из числа персонала должны быть готовы вести себя с тактом в подобной ситуации. Предложенная таким образом женщина всегда брачного возраста и переходит в дом получателя без всяких церемоний. Тем не менее тактичный отказ от такого рода подарков может быть в конечном счете более целесообразен, поскольку возратить подобный дар после принятия чрезвычайно трудно: женщины не проявляют желания уходить (см. также раздел «Здоровье»).

После всей этой лирики опять начиналась деловая трепотня. В провинции выращиваются две основные культуры – какао на юге и хлопок на севере. В деревнях, расположенных поблизости от трех основных городов, выращиваются овощи для местного потребления, а также разводятся овцы и крупный рогатый скот. Из овощей упоминались сорго, торо, свекла и маниока. Не похоже было, чтобы у меня появился соблазн прибавить в весе.

Поток информации не иссякал.

«Основные города в Кунди: Форт-Гребанье (насел. прибл. 65 тыс. на 1965 г.), который служит столицей провинции, Матендо, порт на реке Ньюка, Кавайда, центр наших операций с вольфрамом и касситеритом. Матендо, где обработанная руда перегружается на баржи, связан с Кавайдой узкоколейкой, находящейся в распоряжении СММАК».

Я обратил внимание, что нигде не говорилось о зоне добычи редкоземельных металлов, которую нам предстояло якобы охранять. Не похоже, что то добро, которое они перевозили по узкоколейке и на баржах, считалось большой редкостью. Я снова погрузился в чтение.

«Дороги, связывающие эти города, довольно приличные, а 180-километровая трасса, что соединяет Форт-Гребанье с Матендо, почти полностью асфальтирована. В окрестностях Форт-Гребанье есть небольшой аэропорт, а СММАК имеет посадочную полосу в Кавайде. Телефонная и телеграфная связь ненадежны. Для большинства местных операций СММАК использует коротковолновые рации, а для дальней связи прибегает к телеграфу в Угази, где его еще обслуживает европейский персонал».

Документ заканчивался веселеньким кусочком на предмет здоровья.

«Для лиц с хорошей нервной системой, не страдающих повышенным кровяным давлением и сердечными заболеваниями, условия в провинции не представляют проблем. Хорошее здоровье в Кунди, как и везде, зависит прежде всего от здравого смысла, самодисциплины, правильного питания и личной гигиены.

Среди болезней, наиболее распространенных в провинции Кунди, – глисты, энцефалит, проказа, различные виды дизентерии, венерические и

кожные заболевания. Возможны случаи эпидемий тифа, желтой лихорадки, перемежающейся лихорадки, оспы и менингита. Распространены сонная болезнь и малярия, хотя правительственные группы, работающие под наблюдением советников Всемирной организации здравоохранения, добились некоторых успехов в борьбе против малярии в районах с плотным населением и примыкающих к городам. Среди местных жителей распространен авитаминоз, но, поскольку его причиной служит прежде всего невежество в организации питания, мы не будем его касаться.

Повседневно следует соблюдать следующие правила:

НИКОГДА не пейте и не полощите рот водой, не прокипяченной или не очищенной химически. Добавление алкоголя воду не очищает.

НИКОГДА не купайтесь и не ходите по воде, не подвергнутой хлорированию.

НИКОГДА не употребляйте пищу, не проваренную тщательно.

НИКОГДА не употребляйте свежие фрукты или салаты.

НИКОГДА не пейте свежее молоко, предварительно его не прокипятив, или порошковое молоко, приготовленное на неочищенной воде.

НИКОГДА не употребляйте пищу, продаваемую на улицах.

НИКОГДА не забывайте хорошенько вымыть руки – перед едой или после любого контакта с испражнениями, включая собственные. Следует помнить, что любой предмет, тронутый вами в течение рабочего дня, может быть источником заразы. Всегда старайтесь по возможности не вдыхать пыль.

НИКОГДА не пренебрегайте предосторожностями в отношении малярии.

НИКОГДА не позволяйте себе быть в подавленном состоянии. Веселое настроение, положительные эмоции обязательны. Хорошее здоровье так же зависит от морального настроения, как и от профилактики. Физические упражнения поднимают моральный дух. В распоряжении нашего клуба в Кавайде имеются теннисные корты для европейского персонала.

ВСЕГДА помните, что хорошее здоровье – ваш долг перед самим собой и вашей семьей, а не только обязанность перед работодателем.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КУНДИ!»

Они бы могли еще добавить и «Чертовской удачи, Бедняга», но, видно, не захотели испортить ваше слишком веселое настроение и чересчур положительные эмоции.

Глава III

Мы приземлились в Форт-Гребанье вскоре после полудня.

Над аэродромом нависла громадная черная туча, похожая на гигантскую поганку, и как только самолет стал подруливать, она разразилась ливнем. Потоки воды залили полосу, видимость упала почти до нуля. Мы сидели в самолете и изнемогали от духоты, пока ливень не стал чуть стихать и видимость не улучшилась. Через некоторое время к дверям самолета подкатил грузовичок с брезентовым верхом и надписью «СММАК» на бортах.

Кинк говорил, что это короткая остановка – только для проверки паспортов – и что таможенного досмотра не будет. Мы оставили свой багаж в самолете, и грузовичок отвез нас к зданию аэропорта, представлявшему собой веранду с крышей из рифленого железа и большими незастекленными оконными проемами для вентиляции. Но, поскольку воздух был постоянно горячим, сырым, отдавая гнилым деревом, плесенью и тухлой мочой, в общем-то, не имело значения, циркулировал он сквозь окна или нет.

Кинк коротко переговорил с местным представителем СММАК, прибывшим встретить нас, а затем они направились к столу, за которым сидел грозного вида чернокожий. На нем была белая рубашка с короткими рукавами, темный галстук и полосатая тюбетейка. Рядом с ним стоял полицейский в тюрбане, тоже черный, с длинной, обтянутой кожей дубинкой, висевшей у него на запястье. Полицейский оглядел нас сердитыми, налитыми кровью глазами и качнул дубинку, как будто надеялся, что мы дадим ему предлог попробовать ее на нас.

Человек СММАК, не обращая внимания на полицейского, заговорил с паспортным чиновником на языке, который я еле-еле узнал как арабский. У него был очень странный акцент.

Он сказал:

– Это те самые лица, о которых с комиссаром договорились насчет виз.

Чиновник выглядел особенно грозно.

– Я понимаю, – ответил он, – но с каждого полагается пятьдесят франков сбора за марки для виз и по двадцать пять франков въездного налога.

У него было такое выражение лица, будто он ожидал, что его требование будут оспаривать. Когда представитель СММАК просто кивнул и начал отсчитывать деньги, чиновник за столом хмуро уставился на них. Совершенно очевидно: раз с ним не стали торговаться, можно было бы заполучить и больше. Это меня заинтересовало. Нас было восемь человек. Один центральноафриканский франк составляет пятидесятью долю нового

франка, так что вся его пожива выражалась в сумме, приблизительно равной двум долларам, то есть по двадцать пять центов с носа. Не везде сыщешь чиновника паспортного контроля, которого можно купить за четверть доллара. Да еще прямо на глазах у полицейского! Республика Махинди, подумал я, таит в себе немалые возможности. К тому времени, когда чиновник проделал свои манипуляции с тремя резиновыми штампами, чернильной подушкой и шариковой ручкой, я почти развеселился.

Грузовичок доставил нас обратно на самолет, который тут же двинулся сквозь грязь и слякоть и с грехом пополам поднялся в воздух. На этот раз наш путь лежал к посадочной полосе СММАК в Кавайде, где, как сказал Кинк, путешествие временно закончится. Он сделал ударение на слове «временно», но пока ничего не сказал о конечном пункте назначения. Мне было как-то все равно, единственное, чего мне хотелось, так это приземлиться целым и невредимым.

На пути в Кавайду самолет почти все время пробивался сквозь тучи, и пару раз нас крепко потрянуло, но над самой Кавайдой небо было более или менее чистое. Когда мы начали снижаться, я, скорчившись, выглянул в окно.

Поначалу местность внизу выглядела как скопление темно-зеленого мха, без каких-либо отличительных черт. Затем, когда мы снизились, стало видно, что этот мох на самом деле представлял собой заросшие деревьями холмы. Внезапно зелень внизу разорвали длинные красные разрезы, сходящиеся к неуклюже разбросанным большим строениям типа навесов, связанным между собой грунтовыми дорогами. Там работала землеройная техника и какая-то диковина, похожая на гигантский брандспойт. Длинная тугая струя грязной воды била из него в красный склон холма. Затем мы оказались над группой симметрично расположенных зданий поменьше, которые выглядели как жилые дома или казармы. Через десяток секунд самолет уже запрыгал по посадочной полосе.

Она была проложена бульдозерами сквозь джунгли, и тонкое асфальтовое покрытие избородили трещины и впадины. Наконец самолет, дернувшись, остановился у временного ангара, по сути дела навеса с крышей из рифленого железа, установленной на трубчатой конструкции без стен. Под навесом находился легкий самолет и громоздившиеся одна на другую бочки с горючим. Рядом стоял фирменный грузовик СММАК.

На этот раз все внимание было уделено грузу. Нам пришлось выбраться по шаткому трапу из самолета и стоять в сторонке, пока экипаж самолета и два человека, прибывшие с грузовиком, выгружали ящики.

Эти двое были белыми, и такая работа, видно, не входила в их обычные обязанности: с ящиками, что потяжелее, они обращались прямо-таки неуклюже. Но также было совершенно очевидно, что они заранее знали характер груза и их не удивляло прибытие минометов, пулеметов и боеприпасов. За разгрузкой наблюдал Кинк, время от времени приходя им на помощь. Все делалось без разговоров. Молчание оказалось заразительным. Никто из нашей группы не проронил ни слова. Мы просто стояли перед ангаром и отмахивались от полчищ мошкеры, вскоре обрушившихся на нас.

Когда нагрузили грузовичок, солнце начало садиться. Когда мы в него залезли, и вовсе стемнело. У Кинка был фонарик, и он осветил нам, чтобы мы расселись в кузове на ящиках и коробках. Команда заводила самолет в ангар. Когда мы отъезжали, появился «фольксваген», чтобы забрать ее.

Мы отъехали от полосы на низкой передаче, и грузовичок стал карабкаться по извилистой дороге. Борту кузова не были сплошными, и сквозь проемы между планками в свете фар были видны края дороги с зарослями деревьев, покрытых длинными лохматыми листьями. Уилленс сказал, что это дикие бананы. Стоял сильный запах гнили и плесени. Мошкара, атаковавшая нас ранее, отправилась в путь вместе с нами.

Через некоторое время ухабистая тропа перешла во что-то похожее на дорогу, и пару минут мы ехали по ровному месту. Затем водитель сбавил скорость, нажал на сигнал и помигал фарами. После невнятных переговоров машина опять прибавила скорость и проехала сквозь открытые ворота в высоком проволочном заборе с фонарями наверху.

Когда ворота остались позади, двое чернокожих в шортах, с винтовками через плечо, начали закрывать их.

– Территория СММАК, – сказал Кинк. – У нас собственный источник электроэнергии.

Теперь мы были среди небольших зданий, которые я видел с борта самолета: ряды беленых бунгало из шлакоблоков, стоявших прямо на земле на бетонных плитах.

– Это дома нашего европейского персонала, – продолжал Кинк. – Некоторые, как вы видите, оснащены кондиционерами. Для этой части страны они представляют собой верх комфорта. Но в них, конечно, проживают те, кто имеет долгосрочные контракты.

– Здесь наша база? – спросил Барьер.

– Нет, просто пункт сбора. Но о деле поговорим потом. Вы наверняка голодны. Я приношу извинения за срыв ленча в самолете. Аэропорт Джубы оказался несговорчивым. Ничего, мы компенсируем это вскоре в клубе.

Есть мне не очень хотелось, но я чертовски устал и хотел пить. Уилленс, казалось, угадал мои мысли.

– В клубе есть бар? – спросил он.

– О, да. И местное сорговое пиво вполне безопасно. Грузовик завернул за угол и остановился у бунгало, похожего на остальные, только вдвое больше.

– Это гостиница СММАК для транзитного персонала, – объяснил Кинк. – В настоящий момент здесь у нас химик и геолог, обследующие разработки. Так что остаются всего три комнаты. Кое-кому из вас придется наверняка тесновато, но это ненадолго. Парень из obsługi получил указания и покажет вам, куда идти. Кстати, он ничего у вас не стянет. Ваши вещи в полной безопасности, пока вы на нашей территории. Отсюда виден клуб. – Он показал на огоньки, видневшиеся метрах в трехстах. – Я предлагаю встретиться через час в баре.

Разумеется, две из оставшихся комнат были предоставлены женатым парам. Гутара, Рейса и меня запихали в третью. Душ был расположен в отдельном бетонном помещении за бунгало, однако кабинок было четыре и воды в баках на крыше хватало. Я ополоснулся и переменял рубашку, остальные тоже были готовы, и мы отправились вместе. Когда я спускался со ступенек гостиницы, что-то проскочило через тропинку у меня под ногами. Я отпрянул. Уилленс шел прямо за мной.

– Всего лишь крыса, – сказал он, а миссис Уилленс хихикнула.

Я пошел дальше, но с того момента смотрел очень внимательно, куда ступаю. Сама мысль о крысах наводит на меня ужас. Не могу взять в толк, как только такая смазливая дамочка, вроде миссис Уилленс, может при их виде хихикать.

Клуб был построен из тех же материалов, что и бунгало, и имел собственный участок с разрекламированными теннисными кортами. Кто-то постарался приукрасить помещение, повесив рекламные плакаты «Эр Франс» и «Сабены», но от этого оно стало лишь напоминать туристское бюро. Незастекленные окна были закрыты сеткой против мошкары, но она все же пробиралась через дверной проем. Вращающиеся под потолком вентиляторы не приносили прохлады. В баре стояли шезлонги с длинными подлокотниками, чтобы можно было перекинуть через них ноги и проветрить промежность. Некоторые из сидевших мужчин так и делали. Немногочисленные жены носили неряшливые хлопчатобумажные платья, так что у них было другое решение этой проблемы. Четверо в углу играли в бридж, а двое у самого бара – в кости. Разговаривали мало. Шум в основном исходил от генератора, мерно гудящего где-то на территории. Однако все подняли головы, когда Кинк встал, чтобы приветствовать нас. Большинство персонала в Кавайде было лет тридцати или около того; цвет лица и у мужчин, и у женщин носил такой же бледный, с желтизной,

оттенок, который я заметил у тех, кто разгружали наш самолет. Загар можно было увидеть только кое у кого на руках.

Несмотря на то, что на нас откровенно глазели, Кинк воздержался от представлений. Он только кивнул, улыбнулся и проводил всю группу в другую комнату, где тоже стояли шезлонги и стол для пинг-понга. Вошел официант. Кинк заказал восемь пива и доверительно склонился к нам.

– Пожалуй, я должен теперь вам объяснить, – сказал он, – что, будучи членами европейского персонала СММАК, вы автоматически получаете право пользоваться всеми благами, которыми располагает клуб. Завтра вам выдадут специальные удостоверения на случай, если их спросят. Но это вряд ли случится, потому что каждый европеец здесь – служащий СММАК. Хотя незнакомые лица, естественно, вызывают любопытство, да и при оформлении счетов необходимо бывает сверить имена. Тем не менее я рекомендую вам, учитывая ваше особое положение служащих безопасности, не заводить ни с кем знакомств. Как я уже говорил, мы здесь ненадолго. Ваша оперативная зона находится на некотором расстоянии отсюда, и чем меньше об этом будет разговоров с посторонними, тем лучше.

Барьер пожал плечами.

– Мы и сами ничего об этом не знаем, так что нам и между собой-то говорить не о чем.

Кинк дружески улыбнулся.

– Ситуация исправится к лучшему, когда нас не будут мучить жажда и голод и когда поблизости не окажется лишних ушей. – Он со значением посмотрел на официанта, принесшего пиво.

По вкусу оно не было похоже на пиво, но было холодным и поразительно крепким. Когда мы отправились ужинать в кафетерий для неженатого персонала, я чувствовал себя гораздо лучше. Кормили вполне сносно, конечно, все было из банок, но я не против консервов. Подали еще пива, а также кипяченой воды в завинчивающихся бутылках из-под бренди. Вина, с сожалением объяснил Кинк, в Кавайде нет. Импортировать его очень дорого, хранится оно очень недолго, да и медицинские советники СММАК утверждают, что в таком климате вино может даже принести вред. У французов от этой новости, естественно, вытянулись физиономии. Я тоже скорчил соответствующую рожу, хотя, по правде говоря, мне было наплевать. При наличии пива и бренди, размышлял я, будущее можно считать сносным и даже есть шансы выжить.

После ужина Кинк сказал, что мадам Барьер и миссис Уилленс наверняка очень устали с дороги и, видимо, захотят отправиться прямо в

гостиницу отдохнуть. Мужчин же он просит зайти ненадолго в его кабинет, чтобы обсудить план действий.

Женщины поняли намек.

Офис Кинка находился в административном блоке – четыре стандартных бунгало за еще одним проволочным забором. Среди других металлических дощечек на двери четвертого бунгало была одна с надписью: «Служба безопасности – майор Кинк».

Кинк открыл дверь своего кабинета, включил кондиционер и свет.

– Нам нужно еще два стула, – бросил он через плечо. – Принесите их из соседней комнаты.

Безо всяких «пожалуйста». Мсье Кинк теперь снова стал майор Кинк.

Мы с Рейсом прихватили пару стульев и присели вместе с остальными. На одной из стен кабинета на прибитых листах фанеры были прикреплены планы, фотографии аэросъемки и карты, которые обычно делают изыскатели и потом воспроизводят на синьке.

Кинк сел за свой стол и изучающе посмотрел на нас.

– Ну, джентльмены, – сказал он, – добро пожаловать в Кавайду. – Он одарил нас одной из своих самых милых улыбок. – Боюсь, настало время уведомить вас, что с настоящего момента и далее все вы обязаны считать себя находящимися, так сказать, под арестом.

Глава IV

Конечно, это была шутка, но она никому не показалась смешной; Рейсу вроде бы на какое-то мгновение стало дурно. Лично я посчитал подобную шутку безвкусной. Однако Кинк продолжал добивать ее до конца.

– Под полным арестом, несомненно, – сказал он, все еще улыбаясь, – и, надеюсь, без военного трибунала в перспективе, но с наличием определенных неудобств.

Никто не улыбнулся. Он оставил свою шутовскую манеру и взял деловой тон.

– Как люди, знакомые с делами безопасности, – продолжал он, – вы должны понимать, что, когда речь идет о важных и ценных секретах, такая вещь, как доверие, не существует. Так вот, поскольку теперь возникла необходимость поделиться с вами некоторыми секретами, я для начала хочу попросить вас согласиться с определенными временными ограничениями вашей личной свободы. Понятно?

Мы молча кивнули.

– Проще всего, если каждый из вас отныне и впредь будет считать себя кадровым офицером на действительной службе в боевой обстановке и обязанным посему строго соблюдать правила безопасности. Так, никто из вас отныне не имеет права переписки или других способов сношений с внешним миром без цензуры с моей стороны. Вам разрешается общаться с гражданским персоналом здесь или в районах операций, куда вы направитесь, только в присутствии своего коллеги-офицера или если на это есть специальное разрешение. Эти ограничения распространяются и на жен. Кроме того, в течение двухмесячного периода, начиная с сегодняшнего дня, никому из вас не позволено покидать провинцию Кунди, ни под каким предлогом. Понятно?

– Ну, а в случае болезни? – спросил Уилленс. – Вдруг моя жена заболит? В таком месте все может случиться.

– Здесь, в Кавайде, имеется медицинский пункт с квалифицированным европейским доктором. Есть еще вопросы?

Уилленс покачал головой, как мне показалось, довольно неохотно.

– Тогда наш уговор в силе? Барьер?

Он опросил каждого по очереди. Когда мы все сказали «да», он кивнул.

– Очень хорошо, приступим к работе. – Он наклонился, открыл один из ящичков стола и достал планшет и карандаш. – Я полагаю, вы все внимательно прочитали документы, розданные вам сегодня утром?

Мы сообща кивнули.

– Хорошо. – Он был совсем как школьный учитель. – Должен вам теперь сказать, что в описаниях допущена одна неточность. Там говорится, что западная граница провинции Кунди, граница, разделяющая ее с Республикой Угази, проходит по реке Ньюке. Это верно лишь частично. Слово «нюка» означает «змея», и если вы посмотрите на карту, то увидите, почему она так названа. Между Угази и Кунди она делает два вот таких крутых поворота.

Он нарисовал большую S и показал нам.

– Теперь вы знаете кое-что об истории этих двух стран, – продолжал он. – В свое время они были колониями Франции. Провинция Кунди и провинция Чанга, которая теперь принадлежит нашим соседям за рекой, управлялись когда-то одной администрацией. По какому-то бюрократическому капризу, который нас сейчас не интересует, демаркационная линия между двумя провинциями была проведена не по реке, а по меридиану. Когда Махинди и Угази получили независимость, эта произвольная линия автоматически стала государственной границей. В результате пограничная линия пересекает реку Ньюку в трех местах, вот так.

Он провел прямую линию через S, так что она стала выглядеть как \$.

Он слегка улыбнулся, показав нам свое творение.

– Напоминает знак доллара, верно?

Он снова взял карандаш и заштриховал две полусферы долларового знака – слева вверху и справа внизу. Верхний он обозначил «зона А», а нижний – «зона Б» и снова показал нам.

– Этот знак может означать большое количество долларов в провинции Кунди, – сказал он. – Сейчас я вам объясню, почему.

Он поставил планшет перед нами.

– Вскоре после получения независимости правительства Махинди и Угази обсудили возможности пограничного урегулирования. Поначалу переговоры проходили в дружественной обстановке. Обе стороны признавали старую колониальную линию неудобной и абсурдной. Коммерсанты, использующие реку в своих целях, жаловались на долгие задержки транспортировки вследствие бессмысленных пересечений границы. Получалось дублирование усилий в нескольких местах, в частности для работы по содержанию фарватера и таможенных постов. Часть этих проблем была решена путем соглашений. Упростились процедуры взимания пошлин, были достигнуты и другие договоренности. Было признано, что рано или поздно следует принять границу по реке – естественную границу – в качестве границы государственной. Территориальные потери и выигрыши, как вы видите, приблизительно одинаковы для обеих сторон. Прибрежные и юридические права суверенных государств, разделенных так называемыми «пограничными реками», четко определены в международном праве. Итак, переговоры продолжались. – Он ухмыльнулся. – Конечно, не очень быстро. В этой части мира, где можно затратить два часа на покупку цыпленка, переговоры никогда не продвигаются быстро. Но они продолжались, и, по всей видимости, вполне добросовестно, еще три месяца тому назад. Потом отношение правительства Угази внезапно изменилось.

Он сделал паузу, чтобы закурить сигарету, и, пустив дым в нашу сторону, скорчил такую мину, будто ему в рот попало что-то противное. Через минуту он продолжил:

– Сама Угази, насколько известно, не богата минеральными ресурсами. У них есть железная руда, но в труднодоступных районах, а также вроде бы немного марганца. Тем не менее год назад американо-западногерманский консорциум подписал с правительством Угази соглашение о разведке минеральных ресурсов. По условиям этого соглашения консорциум, называющийся «Угази майнинг энд девелопмент корпорейшн», получил право на разведку и, в случае находки, добычу всех нежелезистых металлических руд, так же как и неметаллических

минеральных ресурсов, исключая нефть. Это оставляет за ним марганец, если его достаточно, чтобы игра стоила свеч, и все остальное. Соглашение составлено на основе процентных отчислений. Как только оно было подписано и ратифицировано ассамблеей Угази, УМАД направил три изыскательские партии. Пять месяцев назад одна из партий пересекла Ньюку в районе города Амари, вот здесь, – он вновь повернулся к планшету и показал на верхний конец долларового знака, где черта пересекала S, – и двинулась к югу по участку, лежащему на нашем берегу реки, который я обозначил «зона А». Через месяц, – добавил он, медленно чеканя слова, – правительство Угази заявило, что оно недоволено отношением правительства Махинди к переговорам об изменении границы и прерывает их.

Он обернулся к нам, как бы ожидая нашей реакции. Кто-то проворчал что-то невнятное, и это, казалось, его удовлетворило.

– Очевидно, настоящее объяснение этого шага совершенно иное. Эмир, решительно настроенный вернуть себе «зону А» с населением, родственным населению Кунди, попросил у СММАК конфиденциального совета. В результате мы послали свою изыскательскую партию, само собой разумеется, тайно, в «зону А» и в конце концов обнаружили, что именно нашли изыскатели УМАД. Вместе с тем мы нашли и объяснение странному поведению правительства Угази. На нашем берегу реки, который по любым нормам – моральным, этническим, географическим – принадлежит провинции Кунди, находятся залежи редкоземельных минералов, стоимость которых, по оценкам экспертов, значительно превышает сто миллионов долларов. – Он подался вперед, вертя своим планшетом с изображением доллара перед нашими носами. – СММАК принадлежат права на добычу минералов в Кунди, – тихо произнес он. – Надеюсь, вы понимаете, джентльмены, почему необходимо стереть черту и сделать это быстро и навсегда.

Он с размаху положил планшет на стол, обошел его кругом и уселся на свое место.

– Каким способом мы можем стереть эту черту? – спросил Уилленс.

– Мы до этого дойдем, – Кинк, казалось, пришел в раздражение от того, что его прерывают. – Сначала стратегическое положение. Правительство Махинди и эмир действуют в соответствии с нашими рекомендациями, которые состоят в том, что правительство Угази ни при каких обстоятельствах не должно догадываться, что нам известна истинная причина изменения его позиции в переговорах о границе. Мы не хотим, чтобы оно послало войска в «зону А» или усилило находящуюся там полицию. Пока ничего такого не сделано. Очевидно, в настоящий момент оно, как и мы, не хочет привлекать внимание к «зоне А». Во-вторых, мы

посоветовали местному правительству попытаться сделать официальную заявку на данную территорию в ООН и потребовать слушания дела в Международном суде. Оно предложило также передать спор на международный арбитраж. Пока правительство Угази никак не откликнулось на такое проявление доброй воли, и его политика заключается в том, что оно вроде бы ничего не знает и не слышит. В-третьих, мы порекомендовали, чтобы эмир тайно подготовил войска для оккупации данной зоны и ее удержания против любых возможных контратак с другого берега реки. Вот здесь, джентльмены, вступаєте в дело вы.

Мне ужасно захотелось исчезнуть. Я выпалил вдруг вопрос, не сумев вовремя остановить себя:

– В качестве сотрудников безопасности? Он посмотрел на меня, как на шута.

– Прежде чем охранять район, его сначала нужно закрепить за собой.

Если он и ожидал смешка, такового не последовало. Вдруг со всех сторон посыпались вопросы:

– Каковы размеры «зоны А»?

– Каков характер местности?

– Есть там какие-нибудь дороги?

– Каковы силы, находящиеся там?

– Имеются у эмира обученные солдаты?

– Что случится с «зоной Б»? Он протестующе поднял руку.

– Все в свое время, джентльмены. Каждая деталь тщательно обдумана. Начнем с вопроса о «зоне Б». Как я сказал, мы намерены оккупировать «зону А», находящуюся на нашем берегу реки. Однако одновременно мы полностью выведем свои силы из «зоны Б», которая находится на берегу, принадлежащем Угази. Население «зоны Б» составляют банту, а не фулани. Их земли и деревни не представляют для нас никакого интереса. Как только мы выведем из «зоны Б» полицию, пограничников и таможенных чиновников, вся операция будет внешне выглядеть взаимным обменом территориями, как предусматривалось первоначальным планом, который был в принципе одобрен. Наша правовая позиция на международной арене будет значительно подкреплена таким маневром, который вряд ли удастся переиграть.

Он сделал паузу, чтобы удостовериться, что мы усвоили его рассуждения, и продолжал:

– Теперь насчет остальных ваших вопросов. Карты «зоны А» изготовлены и окажутся в вашем распоряжении, когда это станет необходимым. До этого в целях безопасности они не будут распространены. Один вид подобной карты может послужить причиной

слухов, а это опасно, даже в пределах данного объекта. Я уверен, что вы, джентльмены, будете особенно осторожны, поскольку неосторожность с вашей стороны, как вы понимаете, может затруднить поставленную задачу и даже сделать ее опасной. Чтобы это понять, не нужно знать правила безопасности.

Он сделал паузу, чтобы мы все как следует усвоили.

– Прекрасно. Вот что вам следует знать о «зоне А» в настоящий момент: на западе она ограничена отрезком реки длиной приблизительно в восемьдесят километров, а на востоке линией колониальной границы, проходящей между прибрежным городом Амари на севере и пограничным постом Матендо на юге. Ее длина пятьдесят пять километров. – Он показал начерченную им схему. – Форма ее почти точно такая, как я изобразил, – полукруг. Какова там местность? Равнинная вдоль реки, в остальных местах – холмистая и труднопроходимая. В окрестностях Амари имеются плантации какао. Сам Амари – довольно крупный населенный пункт, правительство Угази сделало его центром провинции. По главной дороге, в основном идущей вдоль изгиба реки, разбросаны деревеньки. Дороги поменьше ведут к пограничным постам в Матендо, как нашему, так и угазийскому. Они были проложены с целью помешать контрабанде со стороны индийских торговцев, пытающихся нелегально провозить некоторые промышленные товары, например запчасти для велосипедов, подлежащие таможенным налогам. Внутренняя часть зоны большей частью не населена.

– Где находятся редкоземельные залежи? – спросил Уилленс.

– В это мы вдаваться не будем, – твердо произнес Кинк. – Да и вообще на данном этапе лучше не упоминать сам предмет. Заняв «зону А», мы берем под контроль все, что там находится. Больше об этом ни слова. Давайте сосредоточим сейчас внимание на военном аспекте нашей задачи. Я упомянул войска эмира. Они состоят из батальона пехоты, вооруженного старыми винтовками «Манлихер-Бертье». До последнего времени батальон, разделенный на роты и взводы, выполнял главным образом полицейские функции. Сейчас его переводят в район операций – в пределах досягаемости от «зоны А». Войска обучены лишь наполовину. Они знают, как заряжать винтовку и стрелять из нее, хотя их стрелковые качества невысоки. Они умеют пользоваться штыками. Хорошо дисциплинированные, под командованием опытных европейских офицеров, они представляют из себя неплохих вояк. Ваши коллеги, уже находящиеся в зоне развертывания, отработали весьма обнадеживающую программу тактической подготовки, но они рады будут вашей помощи. Сами эмирские офицеры назначены на свои должности скорее за

благородное происхождение, чем за свои способности. – Он замолчал, нахмурясь, как будто потерял на минуту нить своих рассуждений.

– Силы противника? – ввязался Барьер.

– Ах, да, – кивнул одобрительно Кинк. – Оценка в классической форме. О противнике мало что можно сказать. Угазийские силы в «зоне А» оцениваются в две роты, расположенные главным образом в районе Амари. Большинство из солдат, однако, в обычное время находится на полицейской службе, и по меньшей мере половина из них вооружена лишь дубинками.

– Насколько сильно они будут сопротивляться? – спросил Гутар.

– Все зависит от того, кто у них офицеры. Я слышал о заменах в последнее время. Я рассчитываю получить информацию на этот счет в течение недели. Но если вы будете действовать быстро, четко и хорошо скоординированно, есть вероятность, что, застигнутые полностью врасплох, они не окажут никакого сопротивления. Мы на это надеемся. Чем меньше кровопролития, тем лучше. Следует считаться с мировым общественным мнением. В идеале захват должен закончиться в тот же день капитуляцией угазийского гарнизона, его разоружением и репатриацией под флагом перемирия на территорию Угази через реку.

– Пока мы будем готовиться к отражению контратаки, – заметил Барьер.

– Если она последует. Ширина реки в районе Амари два километра.

– Но ведь они не обязательно станут контратаковать в Амари, майор. Они могут выбрать любой из восьмидесяти километров берега реки. Правда, мы будем на внутренней территории, однако восемьдесят километров – фронт, который трудно удерживать одному батальону полуобученных солдат. Как насчет транспорта? Насколько мы будем мобильны?

– По крайней мере две роты плюс разведывательные силы будут обеспечены грузовиками. Остальной транспорт реквизируем. Не забывайте, что мы предполагаем иметь дело с дружески настроенным населением.

– Там должны быть речные патрули, – сказал Рейс, – лодки со станковыми пулеметами для пресечения попыток переправиться.

– Это тоже предусмотрено планом. Ожидается, что после эвакуации «зоны Б» в наше распоряжение поступят моторные лодки и паромы. Окончательное решение, однако, еще не принято. Следует считаться с возможными ответными мерами против нашего речного транспорта к югу от Матендо. Наша защитная тактика должна оставаться гибкой.

Было почти облегчением услышать, что сценарий такого очаровательного налетика еще не окончательно дописан. Это делало его

не столь уж беспардонным. Я, помилуй господи, не отличался особой щепетильностью и сам, бывало, обдeldывал делишки, прямо скажем, не по Святому писанию, но то, что наговорил этот Кинк, ей-богу, меня просто шокировало. Я вот что имею в виду. Если отбросить всю трепотню Кинка о моральных правах, доброй воле и международных законах, его разглагольствования звучали прямо-таки как реклама туристского агента, предлагающего компании идиотов с туристского лайнера купить путевки на тур по стране; он излагал все так, будто задуманная им война – что-то вроде церемонии с разрезанием ленточки при открытии важного сельскохозяйственного объекта. А мои «братьяофицеры», как видно, воспринимали все, как и он. Они слушали затаив дыхание, с горящими глазами, упиваясь деталями; им действительно хотелось ринуться в бой, они явно предвкушали намеченное мероприятие. Они не думали о том, что их могут убить или ранить, они не прикидывали, как бы убраться оттуда ко всем чертям; но, похоже, среди всех них не спятил только я один. Я услышал свое имя и встrepенулcя.

Он спрашивал каждого по очереди, есть ли вопросы. У меня один нашелся.

– Самый очевидный, майор, – сказал я. – Когда начинаем?

– Мне казалось, я уже говорил, – ответил он раздраженно. – Как я объяснил Барьеру, мы ожидаем, что силы эмира будут в боевой готовности в течение двух недель. Тогда будет принято решение о дате операции. Рейс?

– Мне не знакомы эти восьмидесятидвухмиллиметровые минометы. Какова их дальнoбойность?

Ответа я не слышал. Другие мысли теснились у меня в голове.

Глава V

А ведь именно Рейс выразил мои мысли словами!

Мы снова оказались в нашей гостиничной конуре.

Гутар излагал основы тактики уличного боя, таким путем обеспечивая мне еще более жуткие сновидения, чем обычно. Он только начал разливатьcя в похвалах по поводу гранат, когда Рейс прервал его.

– Если то, что говорил майор Кинк, правда, – сказал он в своей рассудительной манере, – такого рода бои вряд ли окажутся необходимыми.

– Я не раз убеждался, что лучше быть готовым к неожиданностям. – Типичное для Гутара заявление, обычно прекращающее споры.

Мы молча разделись. Затем Рейс, прежде чем залезть в кровать, задумчиво посмотрел на нас.

– Если говорить о плате, – произнес он, – хотел бы я знать, сколько дал бы этот американо-западногерманский консорциум, чтобы знать то, что знаем мы.

Гутар притворился испуганным.

– Осторожно, осторожно! – игриво предупредил он. – Разговоры такого рода могут довести до беды.

Рейс пожал плечами.

– Кинк не дурак. Он знает, что мы об этом подумаем. Он должен быть абсолютно уверен, что держит нас за глотку.

Он снова пожал плечами и забрался в кровать. Вскоре он уже тихо похрапывал.

Я долго не мог заснуть. Сначала Гутар довел меня до мурашек, потом этот Рейс добавил беспокойства. В одном он, конечно, был прав: каждый из нас наверняка задумывался о ценности полученной информации для консорциума УМАД в Угази. Меня, однако, удивило, что Рейс высказал подобные мысли вслух. Я имею в виду, что мне не часто приходилось иметь дело с людьми, откровенно высказывающимися по поводу подобных щекотливых вещей. Уж не глуповат ли он, раздумывал я.

Другим объяснением могло быть то, что он пустил пробный шар на предмет поиска сообщника.

В конце концов я решил, что это глупость. Как ни говори, Кинк действительно держал нас за глотку, а что касается контактов с угазийцами, то, насколько я мог судить, они имели бы место лишь с его разрешения. Запродаться боссам из УМАД, конечно, было бы нехудо: есть шанс сорвать гигантский куш, если играть с умом, и тут не нужно никакого партнера. Все, что нужно, – это безопасный путь отхода и выдержка, чтобы им воспользоваться.

Я слишком хорошо понимал, что у меня нет ни того, ни другого.

Глава VI

На следующее утро нас препроводили в склад СММАК и выдали форму.

Она состояла из брюк хаки и полевых гимнастерок с большими карманами, какую носил Кинк. Каждому выдали по три комплекта. На гимнастерках не было ни нашивок, ни знаков. Шляпы были с широкими свисающими полями. Все обмундирование выглядело, на мой взгляд, не ахти как по-солдатски, но обладало достаточными удобствами при такой

жаре. Выдали также ботинки с верхом из толстого брезента и резиновыми подошвами и спальные мешки с противомоскитными сетками в пластиковых чехлах, стойких, как было написано, против сырости и плесени. За все барахло мы расписались.

Брюки пришлось почти всем подгонять по росту. Кладовщик-индиец, обладатель старой ножной швейной машинки, обмерял нас и пообещал доставить одежду в гостиницу к концу дня. Затем мы снова направились в административный блок, где нас сфотографировали в кабинках вроде как в полиции, где поперек груди пишут ваше имя заглавными буквами. Фотографии предназначались для удостоверения СММАК, которые Кинк выдал нам тем же вечером. Он вручил каждому также по круглому металлическому эмалированному значку. На нем был изображен национальный флаг республики Махинди, развевающийся над скрещенными колосьями. По краю проходила надпись «Единая страна, единый народ» на арабском и французском.

– Этот значок, прикрепленный на правой стороне груди, – сообщил Кинк, – означает, что вы офицер вооруженных сил Махинди и рангом выше любого полицейского или местного чиновника. Ни при каких обстоятельствах не следует носить или показывать его здесь, в Кавайде. Он предназначен исключительно для района дислокации боевых действий.

Барьер взял свой значок и критически осмотрел его.

– А еще у вас есть такие, майор? – осведомился он.

– Зачем вам?

– Моей жене он подошел бы вместо брошки. Кинк надулся.

– Надеюсь, вы шутите, Барьер. Фулани очень чувствительны. Они сочтут оскорблением для себя, если увидят значок армейского офицера на женщине. И если продолжать эту тему, мне хотелось бы посоветовать вам и Уилленсу, чтобы ваши жены в районе дислокации лучше не расхаживали в брюках.

Барьер лишь пожал плечами, но Уилленс, похоже, разозлился.

– Я скажу своей жене, – проворчал он, – но вряд ли ей это понравится. Мы досыта нагляделись на Африку и ее заросли. Никогда раньше ей не указывали, что носить, а что нет.

– Я не указываю, только советую.

– Вас это может удивить, майор, но моя жена способна отлично за себя постоять. Любой черный, которому вздумается выказать теплые чувства по отношению к ней, рискует разлететься на мелкие кусочки. – Рад это слышать.

Больше разговоров о женщинах в брюках не велось, но ясно чувствовалось, что майор Кинк действует Уилленсу на нервы. Мне он уже давно действовал.

На следующее утро мы направились в район развертывания, опять сидя в кузове грузовика на ящиках с оружием и боеприпасами, на сей раз в форме.

На протяжении нескольких километров от базы СММАК дорога была терпимой. Она шла на небольшом расстоянии параллельно узкоколейке, по которой перевозили руду от разработок в холмах до Матендо. По дороге попала деревушка, первая, что я видел в Кунди. Она состояла из хижин, расположенных на значительном расстоянии от дороги, с коническими крышами, покрытыми листьями, и стенами из красноватой глины. Вокруг возвышались деревья с плоскими кронами. Мужчины были одеты в распашонки с короткими рукавами, шорты и цветные кепки. Женщины носили халаты, напоминающие большие белые мешки. Детей они таскали голышом на бедрах. Кругом было полно коз.

Сразу за деревней дорога раздваивалась. Мы взяли левей, по направлению к узкоколейке и почти сразу же пересекли ее. Дальше дорога пошла все хуже и хуже. Ее, похоже, недавно проложили бульдозером, но дожди наделали на ней массу довольно глубоких вымоин, так что грузовик еле полз. Сидеть сделалось невозможно. Ящики поменьше начали болтаться по полу с каждым ухабом. Оставалось только стоять, держась за борта, и отпихивать ящики ногами. Такое мученье продолжалось с полчаса. Кинку было хоть бы хны: он сидел в кабине с шофером.

Все это время мы двигались вниз по склону, но затем дорога выровнялась и стало чуточку легче. Я говорю «дорога», но скорее она напоминала темный тоннель в джунглях. Ветви деревьев стегали по бортам и брезентовому верху кузова, закрывая солнечный свет над головой. Гнетущие вонючие сумерки преследовали нас добрый час. Затем мы выбрались из этой чащобы и немедленно остановились.

Перед нами была обширная поляна в конце долины, а на ней та же железнодорожная ветка. В основном она была проложена в одну колею, а здесь находился разъезд, где пустые вагонетки из Матендо разъезжались с наполненными рудой из Кавайды. Кроме отрезка второй колеи тут еще были платформа, ремонтная мастерская, бетонный домик и несколько хижин, крытых пальмовыми листьями. Из-под навеса мастерской доносилось постукивание молотка. Около дома стоял джип и маленький «ситроен», выглядевший так, будто какой-то любитель смастерил его из металлолома. Рядом с джипом стоял солдат-фулани, первый, какого мне привелось увидеть.

На нем был засаленный синий тюрбан, шорты цвета хаки, болтающийся патронташ и ножны от штыка. Стоял он босиком, направив на нас ствол винтовки. Каждую его щеку пересекало три вертикальных шрама, и выглядел он чрезвычайно свирепым.

Из дома вышел белый человек в форме с офицерским значком на рубашке и заорал на солдата. На мгновение тот, казалось, растерялся и, выслушав очередную порцию брани, неохотно опустил винтовку.

Офицер был высок и тощ, с курчавой темной бородкой и масляными пятнами на брюках. Он небрежно отдал честь Кинку, что больше напоминало простой приветственный жест, и забрался в джип. Когда тот тронулся, грузовик последовал за ним.

Мы двинулись по крутому спуску, ведущему от узкоколейки. Метров через четыреста находилась еще одна поляна и еще один оскалившийся солдат со шрамами на щеках, стоявший на посту. Мы остановились в конце поляны под одним из деревьев с плоской кроной. Под деревьями, в тени, стояло несколько хижин и пара-другая складских навесов.

Гутар вынул свой офицерский значок и нацепил его на рубашку. Другие сделали то же самое.

Вынул свой значок и я. Через мгновение я стал офицером армии Республики Махинди.

Величайшее мгновение в истории! Однако никакого воодушевления я не испытывал. Мне вспомнилось одно из высказываний моего отца: «Большинство офицеров – вонючее дерьмо, пока ты не узнаешь их получше. А тогда ты убеждаешься, что одни воняют больше, чем другие».

Впервые отцовская премудрость не принесла мне утешения.

НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ

Глава I

В течение следующих нескольких дней я узнал многое.

Во-первых, я узнал, что означает «Узи».

«Узи» – автомат, сконструированный и изготовленный в Израиле. Со сложным металлическим прикладом его длина 45 см. С полным магазином – 25 патронов – он весит четыре килограмма. Он выпаливает 9-миллиметровые пули со скоростью 650 в минуту, если бы, конечно, удавалось менять магазины с такой быстротой. Конечно, это невозможно, но зато, если подобная забава вам по душе, он разбирается для чистки – всего двенадцать частей – и собирается ровно за три минуты. Вид у этой

твари курносый, чуть сгорбленный и надменный. Мне не нравилось брать его в руки, даже когда он не был заряжен. «У солдата четыре лучших друга, – говаривал, бывало, мой отец. – Две ноги, винтовка и, если умело разыграть свои карты, ротный писарь». Сдается, я не слишком долго общался со своим «Узи», чтобы считать его за лучшего друга.

Тем не менее я сначала испытывал к нему некоторую благодарность, Он позволил мне скрыть свое полное невежество по части автоматов. Дело в том, что «Узи» – оружие послевоенного поколения. Кроме капитана Тропмена – офицера с бородкой, заместителя майора Кинка, – самого Кинка и Гутара, никто из нас до этого не видел «Узи», так что пришлось объяснять, как он действует.

Ни у кого не было пистолета или револьвера. Меня это удивило. Я вспоминал, как отец, когда ему присвоили звание офицера, всегда носил на поясе большой тяжелый револьвер в блестящей кожаной кобуре. Я сначала подумывал спросить об этом, чтобы показать, насколько я знаю армейские порядки. К счастью, первым вылез с вопросом Рейс, за что капитан Тропмен его здорово отчитал. Тропмен, как и Кинк, был родом из Эльзаса и обладал очень резкими, насмешливыми манерами. Для профессионального солдата, сказал он, пистолеты и револьверы и раньше были мало полезны, а сейчас и подавно устарели. Имея «Узи», не обязательно быть хорошим стрелком; ты убьешь противника на расстоянии до двухсот метров; если есть время прицелиться и не забудешь откинуть рамку прицела – убьешь не задумываясь. Потом он совсем разгорячился. Пистолеты и револьверы, заявил он, не для солдат, а для полицейских и воров, для киноактеров и психопатов, сомневающих, осознанно или неосознанно, в своих мужских качествах. Все это звучало весьма поучительно.

Я узнал также, что такое хижины из магунгу.

Вот как их строят в Кунди. Мужчины нарубают ворох молодых стволов и сооружают остов с округлой крышей, вроде клетки для попугая. Потом появляются женщины – за армией эмира тянется целый обоз – и начинают покрывать остов длинными, мясистыми листьями дерева магунгу. Они укладывают листья рядами, один на другой, как черепицу, пока сооружение не примет вид улья старого образца. Есть дверь, но окон нет. По теории, листья предохраняют от дождя и в то же время не мешают хижине проветриваться. На самом же деле листья магунгу лишь частично предохраняют от дождя, а вместе с ветерком (преимущественно со стороны уборных) на хижину налетали полчища насекомых. Древесные крысы и змеи тоже уважают магунгу. Однажды на крыше уборной для европейских женщин заметили удобно расположившуюся черную мамбу. Солдат убил змею раньше, чем она успела убить кого-либо из нас, а

Тропмен превратил все дело в шуточку, заявив, что подобные происшествия очень помогают против дизентерии. Лично я не нашел в этом ничего смешного. В уборной для мужчин-европейцев – отвратительном сооружении с дырами над ямой, которое я ненавидел от всей души, – крыша тоже была из листьев магунгу, и стоило большого труда постоянно смотреть вверх, пока там торчишь.

С нами теперь находились пять европейских женщин, если считать жену капитана Тропмена, которая на самом деле была еврозиаткой. Она выглядела довольно привлекательно и хорошо говорила по-французски, но любила командовать. Многие из еврозиатских женщин, каких мне довелось встречать, обладали подобным свойством. Барбара Уилленс совсем с ней не ладила. Женщины, естественно, в такой обстановке временно подрядились готовить для европейских офицеров, и мадам Тропмен, очевидно, в качестве жены старшего офицера, раздавала приказы другим женам. Еще одним источником трений служил тот факт, что Кинк и Тропмены жили не в хижинах, как все остальные, а в домике при узкоколейке. Это вызывало постоянные разговоры.

Я не принимал ничьей стороны. Супруги Барьер и Уилленс могли, конечно, утешать друг друга рассуждениями о том, что положение это временное, на неделю-другую, а потом все изменится. Я не хотел, чтобы все изменилось. То есть я не возражал бы против некоторых изменений, а именно убраться из этого вонючего лагеря, но мне совсем не хотелось того, что предстояло далее.

Я узнал также, какая роль отводилась мне.

Гутар и другие вскоре обнаружили, что «батальон» эмира состоял менее чем из четырехсот человек, чье искусство в стрельбе не шло далее умения заряжать и нажимать курок. У них совсем или почти совсем не было навыков прицельной стрельбы. И в то же время у всех их до крайней степени чесались руки открыть пальбу. Как заметил с издевкой Уилленс, они представляли смертельную опасность для всех, кроме противника.

Кинк отмахивался от критики.

– Большинство из них лучше действует штыком, – признавал он, – но если показать им неприятеля, они будут с ним драться. Что же касается необходимой огневой мощи, то она, джентльмены, в ваших руках.

Мы все сидели вокруг запачканного едой стола на козлах в палатке столовой утром на следующий день после прибытия. Кинк продолжал объяснять, что собой представляет наша экспедиция.

– Официальная причина нашего присутствия здесь – охрана узкоколейки от диверсий. Нет нужды говорить, – тут он улыбнулся, – что никаких попыток диверсий не было, но наши тактические занятия проходили как отработка двойного прикрытия железной дороги,

служащей осью. Позднее такой осью, конечно, станет дорога вдоль реки на Амари.

Он сделал знак Тропмену, который принялся раздавать копии секретной карты «зоны А», окутанной в Кавайде такой завесой тайны.

– Мы пересечем границу к северу от Матендо, – провозгласил Кинк. – Там находится пограничный пост угазийцев и таможня. Их охрана настолько незначительна, что никаких трудностей у вас не возникнет. Оттуда вы поведете быстрое наступление вдоль дороги. Пункты, где встретится сопротивление, для преодоления которого группы разведки будет недостаточно, следует обходить, предоставив их подавление головной группе. Быстрота – важнейший фактор. Мы должны использовать преимущество внезапности. Мы не можем себе позволить, чтобы в Амари были переброшены подкрепления с другого берега реки. Если мы не сможем захватить город в первый же день, нужно будет правильно построить осаду. Разведывательные группы должны быть готовы продвигаться вперед быстро и безжалостно.

Он вытянул ладонь и рубанул ее ребром по столу, чтобы показать, что он имеет в виду под безжалостностью. Он говорил и вел себя так, будто в его распоряжении бронетанковая дивизия.

– Некоторые из вас уже имеют представление о своих обязанностях в ходе операции. Те, кто прибыл раньше, успели установить хороший контакт с местными офицерами и сержантским составом, и подготовка подвигается удовлетворительно. К следующей неделе роты будут укомплектованы полностью. У меня на данный счет твердое слово эмира. Однако остается вопрос о передовых разведывательных группах. Они должны начать самостоятельную подготовку. Таких групп будет две, для них из рот выделяется по тридцать человек. И пожалуйста, проследите, чтоб это были сообразительные люди, а не кретины, от которых вы сами захотите избавиться.

За столом заулыбались.

– В каждой группе должно быть по два сержанта. Их выберет капитан Тропмен после консультаций с командирами рот. Вот командиры групп: первая группа – Барьер, заместитель – Рейс; вторая группа – Гутар, заместитель – Уилленс. Обеими ударными группами в целом, этим острием копья, будет командовать капитан Тропмен. Под его началом находится Симпсон, ответственный за связь и координацию.

Глава II

Сначала я не очень беспокоился. Связь и координация казались не таким уж опасным делом. Я представлял, как сижу у полевого телефона, передаю приказание и втыкаю булавки в карту.

Затем Кинк перешел к деталям.

Каждая группа, сказал он, будет иметь по два грузовика, три пулемета и два миномета. У офицеров в дополнение будет по «Узи». Отбор и тренировка солдат, обучение их обращению с пулеметами и минометами должны были начаться немедленно. Для тактических упражнений и практики выделялась специальная зона, прилегающая к проселочной дороге.

– А люди, которых мы получим, – спросил Барьер, – в их число войдут водители грузовиков?

Ему ответил Тропмен:

– Могут найтись один-другой, которые скажут, что умеют водить, но я настоятельно рекомендую, чтобы вели вы сами. Нам не нужно, чтобы грузовики выходили из строя.

Он посмотрел на меня.

– Надеюсь, вы хороший водитель. – Да.

– Он профессионал, – сказал Гутар – по-моему, совершенно напрасно.

– Отлично! – ухмыльнулся Тропмен. – Наконечник копья не должен погнуться, не так ли?

Я самоуверенно улыбнулся. Смысл сказанного еще не дошел до меня.

Снова заговорил Кинк:

– Теперь насчет связи. Каждая группа будет располагать коротковолновой транзисторной рацией с фиксированной частотой. Радиус действия – до семи километров. Поскольку дорога в основном пролегает по равнине, у вас не будет затруднений при связи друг с другом.

– Как мы будем держать связь с основными силами? – спросил Уилленс.

– Через Симпсона. Передовой грузовик «Наконечника» оснащен необходимым оборудованием. Нам, пожалуй, следует уже сейчас начать пользоваться кодовыми радиоименами, чтобы привыкнуть к ним. – Он посмотрел в свои заметки. – Капитан Тропмен и Симпсон будут «Наконечник», первая группа – «Молот», вторая группа – «Наковальня». Как командующий силами и глава основной группы я буду «Оружейник».

Он взглянул на Тропмена.

– Вопросы есть?

Тропмен потряс головой и поднялся.

– Нет, это все. Давайте приниматься за дело.

Мы набились в его джип и отправились к транспортной стоянке, находившейся у дороги ниже лагеря. Стоянку строго охраняли, и после обычных криков на часовых и ответной брани нас пропустили. Охраной командовал сержант Муса, гигант, черный как сажа, с нарукавной повязкой, удостоверяющей его звание, вооруженный дубинкой, обтянутой шкурой носорога. Ему представили каждого из нас и сказали, какие грузовики передаются в наше распоряжение. Мы осмотрели машины. Четыре грузовика для ударных групп представляли собой хорошо мне уже знакомые трехтонки с решетчатыми болтами. Буквы «СММАК» на бортах были покрашены, но слегка проступали сквозь краску. «Командным» грузовичком была полуторка – из тех, что британская армия использовала в Египте во время второй мировой войны. У него был брезентовый верх с откидными бортами, а прямо за кабиной находился большой ящик. В нем, пояснил Тропмен, располагались рация среднего радиуса действия и генератор питания. С пассажирской стороны кабины торчал массивный металлический кронштейн, приделанный, как видно, недавно. Тропмен явно удивился, когда я спросил, для чего он.

– Ну конечно, для установки МАГ. «Узи» – полезная маленькая штука, но ведь нужно иметь и что-то дальнобойное.

Мы возвратились в лагерь в главную столовую. Там нам показали радиоснаряжение – большей частью портативные радиации, а также радиостанцию среднего радиуса действия, для которой предназначался ящик в командном грузовичке.

Тропмен объяснял мне ее устройство, когда Уилленс, присоединившийся к нам, стал о ней расспрашивать. Сколько она имеет частот? Какие они? Какую мы будем использовать?

Зная, что раньше он был военным летчиком, я подумал, что его интерес вызван воспоминаниями о прошлом. Тропмен, похоже, был такого же мнения и отвечал на вопросы Уилленса достаточно учтиво. Но позже, когда стали открывать ящики с надписями МАГ, он отозвал меня в сторонку.

– Я хочу, Симпсон, чтобы вы хорошенько усвоили одну вещь, – сказал он. – Когда начнется операция, никто, абсолютно никто, не должен иметь доступа к этой станции, кроме майора Кинка, меня и вас. Это приказ. Понятно?

– Конечно. Но в безопасности ли она на стоянке?

– В настоящий момент – да. Кристаллические генераторы колебаний изъяты, но вскоре нам придется их использовать в ходе тренировки. Тогда понадобятся дополнительные меры безопасности. Вам о них скажут. Это просто предварительное предостережение.

– Понятно.

Мне действительно все было понятно. Любой, кто умеет обращаться с рацией, обвел бы вокруг пальца Кинка с его безопасностью – если бы захотел и знал, с кем установить контакт. Но всерьез я об этом не задумался. Слишком много всего было у меня на уме в тот момент, включая пулемет, который Гутар любовно извлекал из ящика.

МАГ – пулемет бельгийского производства, использующий стандартные патроны НАТО калибра 7,62 мм. При помощи газового регулятора можно довести его скорострельность до тысячи выстрелов в минуту. Патроны подаются лентой. Этой штукой можно убивать без особых хлопот и ранить людей на расстоянии тысячи метров.

Гутар и Барьер, как дети, радостно щелкали затвором, показывая друг другу, как быстро они умеют менять стволы. Я сделал вид, что занят изучением инструкций по пользованию радиостанцией. Все эти наставления были для меня китайской грамотой, да мне было наплевать. Единственное, о чем я думал, так это о том, в какую чертовщину я влип. Когда Уилленс проявил интерес к моей рации, я было решил поменяться с ним местами на том основании, что у него больше опыта обращения с радио. Но я сообразил, что тогда я попаду в еще большую заваруху. Поменять «Наконечник» на «Наковальню» значило просто-напросто поменять Тропмена на Гутара, а командный грузовичок на трехтонку с минометами и шайкой кровожадных макак. Я не хотел бы произвести неверное впечатление. Я не жалкий трус. Я могу быть смелым, когда в этом есть необходимость. Я имею в виду, что, если бы англичане послали меня водить штабной автомобиль в Западную пустыню, думаю, я бы согласился. Естественно, попытавшись для начала отвертеться: у англичан и без меня хватало людей; но ведь кто-то должен был задержать немецкий африканский корпус перед Каиром. Это мне ясно: я тогда находился в Каире и чувствовал, как это необходимо, всей своей душой.

Так или иначе, предстоящая атака на «зону А» выглядела совершенно по-иному. Агрессорами были мы. Если бы угазийцы собирались напасть на нас, я, наверное, обрадовался бы, что у нас есть пулемет для защиты. Они бы нарвались на неприятности. Но вместо этого на неприятности толкают меня. Тут уж хорошего мало. И к тому же это неэтично.

Я пытался придумать, как бы представить всю проблему Гутару, но ничего не получалось. Этика его не интересовала. Кроме того, он начал звать меня «Наконечником», а такая, с позволения сказать, шутливость меня раздражала, хотя я старался не подавать вида. Конечно, он хотел на мне отыграться. Ему не давала покоя мысль, что в качестве командира второй группы ему придется в какой-то момент получать приказы

Тропмена через меня, а ведь Пятница не может отдавать приказания Робинзону.

В то же время он профессиональный солдат и должен понимать ситуацию. Ночью в нашей хижине я попытался выяснить, как он оценивает наши шансы. Если, полагаясь на весь свой опыт, он действительно верит, что мы сможем нахрапом проскочить через границу и, пропилев восемьдесят километров до Амари без потерь, не предпринимать там ничего более напряженного, чем принять капитуляцию, у меня бы отлегло от сердца.

Ему нравится, когда с ним советуются. Прежде чем ответить, он подумал, обратив свой взор на мошкарю, кружащуюся в самоубийственном танце вокруг керосиновой лампы.

– Ну, Наконечник, – сказал он наконец, – ведь ты сам из разведки. Лучше ты мне скажи кое-что. Насколько достоверна информация Кинка насчет угазийских сил в Амари?

– Раз на ней основывается весь план, наверное, майор полагает, что она достаточно точна.

– А насколько она свежа?

– Уж этого я не знаю.

– Вот видишь. Его план, основан на том, что численность гарнизона в Амари не изменилась. Если так, то дело нетрудное. Можно справиться с задачей, даже имея вчетверо меньше людей, чем мы располагаем. Что мне не нравится – ожидание. За две недели этих остолопов ничему не научишь. За два года можно кое-чего добиться. Заметил, у скольких из них ножи? Они любят ножи. Года за два их можно было бы натаскать, как мы натаскали в свое время гумеров в Алжире. А сейчас от них никакого толка. Макаки играют в солдатиков. Если мы не собираемся встретить сопротивление, лучше было бы плюнуть на основные силы, погрузиться на грузовики прямо завтра, нажать на стартеры и покончить с работой. Ожидая, пока дойдут до уровня основные силы, мы просто даем противнику возможность и время узнать о нас хотя бы случайно, даем ему время подумать и усилить гарнизон в Амари. С каждым днем ожидания возрастают шансы столкнуться с повышенным сопротивлением без увеличения наших шансов должным образом с ним справиться.

– Кинк должен это понимать.

– Может быть, и понимает. Я думаю, он просто ничего не может поделать. Ему приходится ждать, пока наша численность не дойдет до запланированного уровня.

– Но почему?

– СММАК, может быть, платит и ему, и нам, но командует тут эмир. Это его операция, а не наша, и так все должно выглядеть для внешнего мира.

СММАК не захочет марать себе руки. Готов побиться об заклад, Наконечник.

– Правда?

– Мы, белые, можем захватить Амари с любой практической целью, но оккупируют ее черные во главе со своими офицерами.

– Мне ясно, что ты имеешь в виду.

– И я тебе еще кое-что скажу. Когда мы ее возьмем – если возьмем, – нам нужно крепко держаться за свои автоматы. Попади они в руки черных, наши платежные книжки не будут стоить и гроша.

– Думаю, ты прав.

– Я знаю, что я прав.

Его постель скрипнула, когда он повернулся на бок.

– Не забудь погасить лампу.

Он и сам мог это сделать, но нет, теперь мне пришлось вылезать из-под моей москитной сетки.

Я долго лежал в темноте, не засыпая. Это как в школе, когда не сделал домашнее задание и не можешь придумать никаких оправданий. Притвориться больным или получить линейкой по рукам? Не знаю, что хуже, когда страшишься будущего: знать слишком мало или слишком много.

Глава III

Я научился заряжать «Узи» и стрелять из него.

Я научился заряжать МАГ и стрелять из него.

Я научился не слишком дергаться, когда поблизости раздавался минометный выстрел.

Я научился кричать на сержанта Мусу и двух макак, которые были приданы мне для охраны командного грузовичка. Я вспомнил, как мой отец, бывало, так выкрикивал приказ, что его было слышно от одного конца плаца до другого. Я старался усвоить его стиль. Может быть, я выглядел не таким уж бравым солдатом, но, во всяком случае, орал браво. Тропмен, который и сам много орал, был, видно, доволен тем, как я усвоил данный предмет.

Обращение с рацией я усвоил намного хуже. Это была такая штукавина с переключателем «передача – прием». Ею нельзя пользоваться как телефоном. Каждый раз после того, как закончишь говорить, нужно переключать ее на «прием», и наоборот. Может быть, это и просто, но для человека, привыкшего к телефону, такая процедура выглядела довольно путано. Я частенько забывал переключать рацию. В

подобном случае человек на другом конце линии мог и взбелениться, но все же я считаю, что Кинк уж слишком перебарщивал, когда случались ляпы с моей стороны. В конце концов, я и не притворялся опытным радиооператором.

Были выработаны меры предосторожности в обращении с радиоаппаратурой. Во время тренировок на близком расстоянии рации работали без антенн, а переговоры велись только на гражданские темы. После тренировок рацию в командном грузовичке запирали в ящик на замок и приставляли охрану, которая от нее не отходила ни на шаг. Такой же порядок соблюдался и в отношении рации Кинка. Портативные рации, имевшие ограниченный радиус действия, охранялись не так строго, но здесь установили жесткое правило не болтать лишнего.

Тактическая подготовка по схеме Тропмена не отличалась сложностью. Первым следовал «Наконечник», за ним «Молот» (первая группа), а потом «Наковальня» (вторая группа). При сопротивлении «Наконечнику» следовало остановиться и вызвать на подкрепление «Молот» и «Наковальню». «Молот» предпринимал обход слева, «Наковальня» – справа. В случае незначительного, легко подавляемого сопротивления это считалось достаточным. Если же сопротивление оказывалось слишком упорным, «Наконечник» присоединялся либо к «Молоту», либо к «Наковальне», чтобы обойти неприятеля; в то же время надо было известить основную группу с целью подготовить ее к предстоящему столкновению. Затем «Наконечник» должен был двигаться дальше.

Мы пробыли в лагере неделю, когда Тропмен объявил, что нам предстоит осмотреть наше первое препятствие – угазийский пограничный пост с заграждением на дороге, идущей вдоль реки, к северу от Матендо. С нами в командном грузовичке отправились Барьер, Рейс, Гутар и Уилленс. Машину по приказанию Тропмена вел я. Мы впервые проехали по ухабистой колее, соединявшей лагерь с дорогой на Матендо, и тех, кто сидел в кузове, наверное, здорово растрясло. Сама же дорога была не так уж плоха, и мне удалось держать приличную скорость на протяжении шести километров.

Конечно, до самого пограничного поста мы не доехали. Грузовичок, набитый белыми в форме офицеров Махинди, появившийся для рекогносцировки на глазах у угазийских пограничников, вызвал бы, мягко говоря, некоторые толки. Вместо этого мы остановились на пересечении дороги на Матендо с прибрежной дорогой на территории Махинди. Там мы взобрались на холм.

На крутом склоне не было ни дорожки, ни тропинки. В основном нам приходилось карабкаться на четвереньках по папоротнику и хворосту

между деревьями. К счастью, путь оказался не очень длинным. Приблизительно через десять минут карабканья склон немного выровнялся, и нам представилась возможность выпрямиться. Мои спутники добрались на вершину раньше меня и обзоредали окрестности. Минуту-другую я не мог перевести дух, к тому же пот заливал мне пренеприятным образом глаза, так что все это мне было не очень интересно. Немного очухавшись, я повернулся и впервые увидел реку Ньюку.

На расстоянии она скорее выглядела как широкое зеленое озеро. Даже с нашего холма не было видно противоположного берега. Ближайший к нам берег, уходивший, насколько было видно, вправо, имел темно-зеленый бордю, представлявший собой, как я узнал позже, болото. Влево бордю постепенно сужался и терялся в пригородах Матендо. Волна, поднятая паромом, легла белой ленточкой на зеленой поверхности воды.

В поле нашего зрения попадал лишь небольшой отрезок прибрежной дороги, быстро терявшейя среди деревьев, но пограничные и таможенные посты были именно на этом участке. Пост Махинди с дорожными заграждениями находился в километре от нас, угазийский располагался метрах в трехстах ниже. Выглядели они практически близнецами, за исключением окраски шлагбаумов.

У Тропмена был с собой бинокль, который он пустил по кругу, чтобы каждый имел возможность взглядеться получше.

Угазийское дорожное заграждение представляло собой ряд набитых землей бочек из-под бензина, выкрашенных в белый цвет и расположенных так, что проезжающей машине пришлось бы снизить скорость и сделать два крутых поворота, чтобы проехать мимо. Посередине заграждения находился шлагбаум в белую и красную полосу, поднимавшийся вручную. Повороты делали невозможным сбить шлагбаум на скорости ни с той, ни с другой стороны. Если «Наконечник» предполагал очутиться на противоположной стороне целым и невредимым, нужно было сначала овладеть постом.

Он представлял из себя строение из шлакоблоков с крышей, покрытой магунгу. На углу торчал кронштейн с двумя изоляторами для телефонных проводов. В тени от стоящего рядом дерева сидел на корточках угазийский солдат в хаки. Винтовка его была прислонена к стволу дерева.

– Телефонная линия соединяет этот пост с двумя другими к северу отсюда, – сказал Тропмен. – Они нам помешать, конечно, не могут, но второй пост имеет связь с Амари. Так что важно перерезать линию до взятия поста.

– Для этого достаточно одной очереди из «Узи», – сказал Гутар. – Просто сбить изоляторы.

– Возможно, – ответил Тропмен. – Но я бы предпочел сделать это без стрельбы. Когда мы начнем стрелять, они тоже начнут стрелять. Хорошо бы обойтись без потерь с обеих сторон. Мы с майором Кинком выработали план, о котором хотели бы услышать ваше мнение.

Мы все обратились в слух. Я почувствовал себя лучше. Война без потерь меня вполне устраивала.

– План таков, – начал Тропмен. – В ночь перед операцией таможенные чиновники и пограничники Махинди покинут пост, а мы займем их место. Ночью граница закрыта. На рассвете «Наконечник» и «Молот» подъедут на своих машинах с вооруженными солдатами вплотную к заграждению, как бы собираясь пересечь границу обычным путем. Угазийцы, увидев солдат, естественно, откажутся пропустить грузовики. Здесь начнутся споры, протесты, наступит всеобщее замешательство, которое затронет, нужно надеяться, весь персонал угазийского поста. Под шумок создавшейся неразберихи «Наковальня», тихо двигаясь пешим ходом, окружит пост, перережет телефонную линию и займет боевые позиции. Затем посту предложат сдаться. Я бы удивился, если они откажутся.

Один лишь Барьер отнесся к плану критически.

– Разве они не оставляют часового на ночь? – спросил он.

– Он наверняка будет спать.

– Расстояние между двумя постами – всего сотня метров. Наличие трех грузовиков, необычная активность, болтовня наших черномазых может его разбудить, и он поднимет на ноги своих пограничников.

– Что же вы предлагаете?

– Только одна из групп займет пост Махинди – безразлично, будет ли это «Молот» или «Наковальня»; а «Наконечник» и другая группа придут на рассвете, чтобы отвлечь внимание угазийцев. Тогда шум не будет иметь никакого значения.

– Пожалуй, это разумно. Есть еще вопросы?

– Что нам делать с пленными, когда они сдадутся? – спросил Рейс.

– Оставим их на попечение основной колонны. Помните, она будет вначале близко за нами.

Пара пустяков, да и только!

Глава IV

В течение следующих двух дней Кинка в лагере не было. По официальной версии, он отправился в Кавайду.

Ходили, однако, слухи, что он посетит также Форт-Гребанье, чтобы увидеться с эмиром, поскольку обещание последнего довести численность войск до нужного уровня все еще не было выполнено. Возвратился он в среду с запасами снарядов для минометов, ящиком бренди и новыми инструкциями.

Похоже, они были сочинены, исключительно чтобы порадовать Гутара, и заключались в том, что мы не станем ожидать пополнений для основной колонны, а выступим немедленно. «Немедленно» означало пятницу. Эмир избрал мусульманский святой день, давая понять, что операция получила его благословение.

Бренди пришлось очень кстати. В лагере из питья, не считая кипяченой воды, имелось только пиво. Вечером в среду после ужина из консервированной тушенки все в столовой стали налегать на бренди. К десяти вечера все развеселились, за исключением Адриана Уилленса. Он притворился пьяным.

Я не думаю, что кто-нибудь еще заметил притворство. Я ведь видел, как он умеет пить, раньше – в Джибути, в Джубе, в Кавайде. Конечно, другие тоже видели, но я-то деловой человек и привык внимательно следить и запоминать такие вещи. Жизнь меня научила: знание того, как человек может пить, и умение оценить воздействие алкоголя на его настроение и суждения могут иметь решающее значение в бизнесе. Как говаривал мой отец: «Если захочешь застать кого-либо со спущенными штанами, прежде всего загляни в сортир».

Ну так вот, я наблюдал за Уилленсом, и он никогда не напивался пьяным, во всяком случае, раньше этого за ним не водилось. Когда он много выпивал, у него несколько вытягивалось лицо, а интонации становились чуть резче и хитрее, только и всего. Он был высок и худощав, очень спокоен и небрежен, но с отличными рефлексамии. Я бы сказал, что он мог легко перепить любого из присутствовавших, исключая, пожалуй, Гутара и Кинка. И все же в тот вечер на его лице застыла бессмысленная ухмылка, и он по-идиотски кивал головой, слушая длиннющий и скучнейший рассказ одного из офицеров о жизни в Конго. Я уже тогда больше чем наполовину был уверен, что он притворяется. А когда, немного позже, он встал, покачнулся и вышел из палатки, пробормотав извинение, у меня не осталось на этот счет никаких сомнений.

Я увидел, как Кинк поджал губы. В то же время я поймал взгляд Барбары Уилленс. Она слегка пожала плечами.

– Мой муж давно не упражнялся, – сказала она по-английски.

– Может быть, его немного лихорадит?

Если он не притворялся, это оказалось бы наиболее подходящим объяснением.

Она улыбнулась.

– Кого, Адриана? Он прошел через все на свете, кроме разве чумы. У него полный иммунитет, даже от moskitov, которые это чувствуют. Все, что ему нужно, – глоток свежего воздуха.

В тот момент она не пошла вслед за ним. На другом конце стола мадам Тропмен распространялась по поводу глупости африканской прислуги – ее любимая тема. Миссис Уилленс закатила глаза к небу.

– Эта женщина прямо-таки несносна, – сказала она, снова по-английски. – Все черно-белые помеси одинаковы. Они только и знают, что твердить о глупости черных, потому что от этого им становится легче.

– Я думал, она евроазиатка.

– Афро-евроазиатка из Гвинеи. Не знаю уж, какой крови на сколько процентов. Но я знаю одно – она наводит жуткую тоску. Жить в том домике – наверняка будет сущий ад.

Она имела в виду, что в пятницу, в день начала операции, все пять женщин должны переселиться в домик у железной дороги. Я не пытался защищать мадам Тропмен. Когда люди помешаны на цвете кожи, тут ничего нельзя поделать. Я был уверен, что и меня мадам Уилленс причисляла к черномазым и выносила только потому, что я говорил по-английски. Вот почему следующая ее ремарка так ошарашила меня.

– По-моему, глупо называть вас мистер Симпсон. Ведь ваше имя Артур, не правда ли?

– Да, миссис Уилленс.

– Меня зовут Барбара. – Она вздохнула. – Я полагаю, надо бы посмотреть, как там мой муженек. Вы ничего не имеете против того, чтобы проводить меня до нашей хижины, Артур?

– Конечно, нет.

Их хижина располагалась на другой стороне нашего сектора лагеря, и бродить здесь после наступления темноты было занятием, требующим крепких нервов: кругом царили джунгли, и время от времени из них доносились звуки, от которых мурашки по спине бегали. И все равно я был удивлен. В конце концов, мы находились в европейской части лагеря, которая охранялась черными часовыми, чтобы другие черные не поворовали наши пожитки. К тому же эта женщина носила брюки и могла постоять за себя. Я был озадачен. Не такой уж я дурак, чтобы предположить, что она хотела пофлиртовать, пока ее муж несколько вырубился. Для этого она бы выбрала Гутара. Единственное объяснение, приходившее мне на ум, так это то, что ей надоело все время говорить по-французски и хотелось немного поболтать на родном языке.

В одном отношении я оказался прав, но только в одном: мы действительно провели нашу беседу на английском.

Когда мы вышли из палатки, я достал свой фонарь и включил его.

– О, в этом нет необходимости, – сказала она.

– Пожалуй, так. – Ночь не была уж такой кромешно-темной. Сквозь деревья просвечивали костры в войсковом лагере, да светила четвертушка луны.

– Кроме того, в темноте легче разговаривать.

– Да? Это для меня что-то новенькое.

– Когда не видно лица собеседника, значение имеют только сами слова. Оба слушают более внимательно. Меньше шансов неправильно понять друг друга.

Тут я уж совсем сбился с толку. Взглянув на нее, шагающую рядом со мной, я мог различить только ее профиль. Она смотрела прямо перед собой.

– Знаете, Адриан не был пьян, – сказала она.

– Я так и знал. Мне показалось, что он притворяется.

– Правильно показалось. Адриан говорил, что вы догадливы.

– Не настолько, чтобы догадаться, зачем ему это понадобилось.

– Он притворился для того, чтобы мы имели возможность поговорить наедине и чтобы никому не пришло в голову, что происходит. Они там думают, что вы играете роль услужливого человечка.

– А это не так?

– Может быть, и так. И, между прочим, не без пользы для себя. У Адриана есть для вас деловое предложение.

– Это звучит очень интересно, миссис Уилленс, и я слушаю со всем вниманием, но если у вашего мужа есть деловое предложение, почему он сам не выскажет его мне?

– Мера предосторожности, Артур. Для начала я собираюсь рассказать, как все задумано, чтобы вы могли точно определить свою позицию.

– Я всегда рад это сделать, миссис Уилленс. – Мы уже дошли до их хижины, и я притормозил.

– Все в порядке, – сказала она. – Адриан не появится, пока не увидит, что вы вернулись в палатку. Мы можем расположиться поудобней.

У них была пара шезлонгов, и мы уселись перед входом в хижину. Она закурила сигарету. Неожиданная вспышка зажигалки ослепила меня.

– Итак, Артур. – Она погасила зажигалку. – Я расскажу вам один секрет, а вы сохраните его в тайне. Если же он вас шокирует и вы броситесь к Кинку, чтобы донести ему про ужасы, которые от меня услышали, вы окажетесь абсолютным болваном.

– Правда?

– Правда. Потому что я буду отрицать, что говорила подобные вещи. Я скажу, что вы придумали всю историю назло мне и чтобы обелить себя.

– В связи с чем?

– Мой муж напился и куда-то пропал. Вы предложили мне помочь разыскать его. Вместо этого вы стали ко мне приставать. Я от вас отбилась и пригрозила пожаловаться майору Кинку. Я этого не сделала. Я решила простить и забыть. Однако вы задумали подстраховаться и убить двух зайцев сразу, отомстив мне за свою оскорбленную мужскую гордость. Вот поэтому мы здесь вдвоем, Артур. Если вам придет в голову бежать к начальству, у вас не окажется свидетелей.

– Понятно.

– Кому из нас, вы думаете, больше поверят?

– Вы высказались достаточно убедительно, миссис Уилленс. Я считаю, будет лучше, если вы не станете делиться со мной этим вашим секретом. – Я поднялся на ноги – Думаю, так для меня будет спокойней.

Она не двинулась.

– Кому нужно спокойствие? То, что я собираюсь вам рассказать, сделает вас богаче.

Теперь я не мог придумать, на что решиться. Я просто стоял. В темноте блеснули ее зубы – она улыбалась.

– Разве вы не любопытны, Артур?

С минуту я колебался, потом снова сел.

– Ладно, миссис Уилленс. Что это за великая тайна? Хотя мы продолжали говорить по-английски, она понизила голос, прежде чем ответила.

– У Адриана есть старый друг в Амари.

– Ого!

– Этот друг служит в УМАД.

– Любопытно.

– Вот именно. Мы наткнулись на него полтора месяца назад в Энтеббе. Он из Южной Африки, геолог. Я буду называть его Билл. Они с Адрианом знакомы с войны. Вместе служили в авиации. Билл приехал в Энтеббе за каким-то научным оборудованием, которое должно было прибыть из Западной Германии. Мы ожидали пересадки на самолет в Джибути. Мы провели вечер с Биллом и немного выпили. Он много говорил. Пару раз он упомянул слово «редкоземельные». И оставил Адриану свой адрес в Амари.

– А после этого ваш муж поддерживал с ним контакт?

– Да. Об этом я и собираюсь рассказать. Мы прилетели в Джибути, чтобы встретиться с одним американцем, отправлявшимся в Эфиопию с

экспедицией по отлову диких животных. Адриана ему порекомендовали в качестве организатора экспедиции. Мы обо всем уже договорились и собирались отправляться, когда американец заболел – сердце. Все отменили, и мы с Адрианом оказались на полной мели. Мы уже начали тревожиться, но тут появился Кинк со своим предложением. В Джибути оно звучало не так уж плохо, а?

– Да, не так плохо.

– Адриан, однако, не был в этом уверен. Он из осторожных. Он дал телеграмму Биллу в Амари, обрисовал ситуацию и попросил совета. Ответ пришел за день до нашего отбытия из Джибути. Очень интересный ответ. Конечно, Билл знал все о СММАК. Это большой концерн, действующий в целом ряде этих молодых стран, и Билл писал, что тут можно заработать. Но что особенно хотел знать Билл, где именно предлагается работа. Он утверждал, что это чрезвычайно важно. И если работа предполагается в Махинди, то Адриан должен обязательно с ним связаться. Понимаете, что это значит?

– Понимаю. Он почуял, что дело нечисто. Удалось вашему мужу вновь связаться с ним?

– Глупый вопрос. Как бы он смог? Вот тут-то вы и вступаете в роль. – Она сделала драматическую паузу. – Скажите, Артур, вас очень трогает, кому будет принадлежать этот клочок земли с редкими рудами?

– Мне платит СММАК.

– УМАД заплатит больше.

– СММАК здесь, а УМАД там.

– Разве вы не поняли, что Адриан и Билл служили вместе в ВВС?

– Полагаю, вы ведете речь о рации.

– Билл сказал, что УМАД использует в полевых работах частоту в двадцать два мегагерца. Адриан говорит, что у вас есть доступ к этой частоте.

– В рации может быть такая частота, но я не имею свободного доступа к ней. Ее тщательно охраняют.

– Но вы будете иметь к ней доступ.

– Когда начнется операция – да.

– Я это и имею в виду. Так вот, у Адриана есть кодовый сигнал, который он должен передать. Если он обратится к вам с предложением, выслушаете ли вы его?

– Выслушать-то выслушаю, но не вижу... Она внезапно остановила меня:

– Артур, пока вы не выслушали, вам нечего и видеть. Запомните только две вещи. Если выиграет СММАК, через три месяца контракт

истечет, с вами расплатятся, и привет. Еще один белый наемник в поисках работы, и только. Если выиграет УМАД, а вы будете в числе тех, кто ему оказал содействие, ваши дела могут здорово поправиться. Подумайте об этом.

– Хорошо, я подумаю, миссис Уилленс. – По крайней мере такое обещание нетрудно выполнить.

– Теперь вам лучше возвратиться. Спокойной ночи, Артур.

– Спокойной ночи, миссис Уилленс.

Когда я вернулся, Гутар посмотрел на меня с любопытством. Как только я налил себе крайне необходимый в тот момент стаканчик бренди, он подошел ко мне.

– Тебя долго не было. Уилленс появился?

– Нет. Мы говорили об Австралии.

– И только-то? Ты теряешь хватку, Наконечник.

Я устал, в голове моей роилась масса мыслей, и мне не давало покоя упоминание о «белых наемниках». Я раньше не видел себя в подобном свете. На мгновение я потерял свой страх перед Гутаром.

– Перестань звать меня «Наконечник»! – огрызнулся я.

Если бы я чувствовал себя не таким задерганным и сбитым с толку, может быть, я и получил бы удовольствие от удивления, выразившегося на его лице. Впрочем, это выражение сохранялось недолго. Оно уступило место его жесткому, опасному оскалу.

– Уже нервничаешь, дружок? – Его глаза злобно шарили по моему лицу. – Работа, ты знаешь, начнется еще не завтра. У тебя впереди целый день, чтобы молиться.

– Да дело не в этом, – машинально сказал я.

– Не в этом? Значит, дело в чем-то другом. В том, чего я не знаю. Так?

– Так.

Он продолжал, как будто не слышал меня:

– Ты на себя не похож, Артур. Думаю, тебе не стоит больше пить бренди. – Он протянул руку и взял у меня стакан. – Тебе нужно иметь ясную голову. Пойдем.

Я позволил ему забрать стакан и взять меня за плечо. Мы оказались снаружи и двинулись по направлению к нашей хижине. Его пальцы сжимали мое плечо как клещи. Он не отпускал меня, пока мы не вошли в хижину.

– Зажги лампу.

Я повиновался. Он уселся на кровать, разглядывая меня. Когда лампа разгорелась, он кивнул.

– Хорошо. О чем ты в действительности говорил с Уилленсом?

– Не с ним, а с миссис Уилленс. Его там не было. Я же сказал.

– Давай выкладывай. У нас же нет секретов. Я тебе и раньше это говорил.

Вот так я и выложил ему великую тайну. В какой-то степени я почувствовал облегчение. Пока он слушал, его обычная ухмылка заиграла на лице.

– И ты не собирался рассказать это мне? – спросил он, когда я закончил.

– Покуда я не знаю, что действительно у Уилленса на уме, рассказывать особенно нечего.

– И ты называешь это «ничего»?

Его поведение казалось странным. Я ожидал, что он с воплем «Измена!» тотчас кинется к Кинку. Я пожал плечами.

– В данный момент не вижу во всем этом особого смысла. Ты собираешься пойти к Кинку? Она просто скажет, что я все выдумал. Я же говорил тебе.

– Чего ради я пойду к Кинку? Уилленс не дурак. Мне-то видней. Ведь он мой заместитель. Если он придумал способ запродаться этому УМАД, не очень рискуя своей шкурой, мне бы хотелось об этом услышать. Если его уловка сработает, мы смогли бы поделить прибыль.

Для человека в общем хитрого он часто городил глупости, что очень меня раздражало.

– Какие прибыли? – сердито спросил я. – Как она может сработать? Если он предупредит своего угазийского дружка, они приготовятся встретить нас. Войска в Амари немедленно получают подкрепление. Если мы начнем нашу глупую игру, нас остановят. Могут быть потери, но мы ничего не добьемся. Итак, УМАД выиграет, а СММАК проиграет. Что случится потом? Уилленс получит расчет вместе со всеми остальными и отправится в Амари к своему приятелю. Что скажет его приятель? Могу себе представить. «Большое спасибо, старина. Я тебе весьма благодарен. УМАД тоже очень благодарен. Босс приказал мне угостить тебя. Что ты будешь пить?» Вот и конец. Информацию нельзя продать после того, как ее выдашь, когда она становится всеобщим достоянием. Сделка такого рода должна быть заключена заранее, и нужно доподлинно знать, с кем имеешь дело.

Он обмозговал мои доводы, потом кивнул.

– Похоже, ты прав. Тогда что же он задумал?

– Я буду лучше представлять это себе после того, как он расскажет мне о сигнале, который хочет передать, но я скажу тебе, что я думаю.

– Что?

– Я думаю, что миссис Уилленс сказала мне часть правды, но мне сдается, что это по большей части полуправда. Возьмем, к примеру, историю с этим старым приятелем Уилленса из ВВС. В ее изложении он выглядит как-то неестественно. Может быть, он и геолог, но я никак не думаю, что он сидел в Энтеббе, ожидая прибытия научного оборудования. Она это сказала, чтобы представить его мелкой сошкой. Держу пари, он наверняка из верхнего эшелона в УМАД.

– Почему ты так думаешь?

– Миссис Уилленс утверждает, что ее муж заключил сделку со своим приятелем, послав телеграмму из Джибути. Мог ли он это сделать через геолога, которого, когда он не в поле, используют как мальчика на побегушках? Бессмыслица. Существует только одно объяснение. У Уилленса контракт с УМАД, и этот контракт действует в течение уже немалого срока.

– Значит, он шпион?

– Можешь называть его как угодно: специальный исследователь, консультант, советник по безопасности. УМАД есть что терять. Если СММАК нанимает Кинка, почему бы УМАД не нанять Уилленса?

– Но ведь он коллекционер, охотник. – До него никак не доходило.

– Да ведь это он говорит. – Я чуть было не добавил, что, если я говорю о своей службе в английской армии, мои утверждения еще не делают их истиной, но вовремя сдержался.

Гутар вздохнул.

– Пожалуй, лучше рассказать Кинку.

– Зачем?

– Ну, если от помощи Уилленсу дивидендов ждать нечего...

И тут-то мне пришла в голову идея.

– Если и нет дивидендов, то может быть страховка. Он уставился на меня.

– Уилленс попал в переplet. Иначе он не стал бы просить меня подать свой сигнал. Меры безопасности, принятые Кинком, оказались для него непробиваемыми. Он в тупике. Время не терпит. Ему приходится идти на риск. Значит, он должен мне довериться. У него нет другого выхода. Он вручает мне для передачи предупреждающий сигнал. Я его передаю.

– Ты что, ошалел? Они же подготовятся встретить нас! Я усмехнулся.

– Если они получают сигнал вовремя. А вдруг произойдет задержка? От нас это не зависит. Я сделал все возможное – с твоей помощью. Понял?

– Нет.

– Несколько дней назад ты говорил, что чем дольше мы тянем с выступлением, тем больше шансов нарваться на сопротивление. От их

человека Уилленса ни слуху ни духу. Допустим, они уже сделали то, что, по твоим словам, они могли бы сделать. Допустим, они в конце концов действительно усилили свой гарнизон в Амари. Допустим, они только того и ждут, когда мы попадем в западню. Так разве худо было бы иметь возможность выпутаться, если одна нога у нас будет в одном лагере, а другая – в другом. В случае выигрыша СММАК мы на их стороне, а если выиграет УМАД – это мы им помогли.

Неожиданно он громко расхохотался и запустил руку в свою сумку.

– Я полагаю, ты заслужил еще стаканчик бренди, Артур, – весело сказал он. И вытащил бутылку.

Глава V

Четверг принес много хлопот, Тропмен целый день меня дергал. Только под самый вечер Уилленсу удалось поймать меня одного. Он припер меня в уборной.

– Как насчет прогуляться по дороге? – мимоходом спросил он.

И вышел. Он ожидал меня на дороге неподалеку от транспортной стоянки. Уилленс обратился ко мне по-английски.

– Там пониже есть несколько колдобин, – сказал он. – Не хотелось бы, чтобы какой-нибудь из грузовиков застрял в грязи. Я подумал, стоит посмотреть, не нужно ли послать солдат нарубить веток и замостить некоторые места.

Мы шли молча, пока стоянка не исчезла из вида.

– Барбара уже объяснила, что дело пустячное, – заметил он на ходу.

– Риск немалый.

– Ничего страшного, если действовать с умом. Мои тамошние друзья контролируют эту частоту в течение десяти минут каждого часа. Вы получите их позывные. Как только последует ответ, на что уйдет всего несколько секунд, переключитесь и передайте условный сигнал. Процедура займет не более пары минут. Все на блюдечке.

– Что за сигнал?

– Он закодирован. Очень простые английские слова. Для вас не составит никакого труда.

– Но что даст сигнал?

– По нему будут вызваны разведывательные самолеты, которые появятся рано утром над «зоной А». Гарнизон в Амари приведут в боевую готовность.

– Так что они смогут нас перешлепать?

– Не волнуйся. «Наконечник» так далеко не зайдет. Когда Кинк увидит самолеты, он поймет, что опоздал. Ему придется дать отбой. У СММАК не больше охоты ввязываться в серьезную заваруху, чем у нас.

– «Мы» значит УМАД?

– Точно так. Обе стороны просто сделают вид, что ничего не произошло. Как цивилизованные люди.

– Почему же вы отложили все это на последнюю минуту? Что не сработало?

– Я рассчитывал, что моя жена останется свободным агентом, хотя бы частично. У нас свой человек в Форт-Гребанье. Я был уверен, что туда-то она сможет добраться. Кинк ввел такие ограничения, которые связали меня по рукам и ногам. Теперь дело за вами.

– Что я с этого буду иметь?

– При желании работу у нас в Амари. Такое же жалование, только контракт на год плюс аванс в пять тысяч западно-германских марок.

– А когда аванс?

– Ну, с собой у меня денег нет.

Он попытался подсластить пилюлю улыбкой, но она не очень у него получилась. Ничего странного. За такой риск он предлагал мне всего-навсего свое слово, что мне заплатят. Когда я говорил, что Уилленс попал в переplet, я значительно приукрасил истинную ситуацию. Он был просто в отчаянии. Если бы я действительно собирался передать сигнал, как он просил, а не оттянуть его настолько, чтобы он оказался бесполезен, я бы расхохотался ему в лицо.

Вместо этого я скорчил разочарованную мину:

– Не густо.

– Я приготовил долговую расписку. – Он вынул бумажку из нагрудного кармана.

– На бланке УМАД?

– Да вы что, с ума сошли? Мне и в голову бы не пришло таскать такие штуки с собой. В Кавайде Кинк устроил проверку всего нашего багажа. Вы что, не знали? Обыск произвели, пока нам выписывали удостоверения. Кинк малый не промах. Держите. – Он протянул мне расписку и еще одну бумажку. – А это сигнал, который нужно передать, с подробными инструкциями. Тут нельзя ошибиться. Главное – выйти в эфир как можно раньше сегодня ночью, Артур. Ведь вы понимаете, конечно?

Я почувствовал, как он весь напрягся, когда я брал расписку и сигнал. Он отдавал их вопреки своей воле. Ему так хотелось быть уверенным сначала, что я у него на крючке.

– Я постараюсь сделать все возможное, – сказал я. – Мы не перейдем на походное положение, пока ваша группа не займет таможенный пост. Раньше десяти вы туда не попадете. Если Тропмен решит отправиться с вами, все будет просто. Если он останется здесь или Кинк будет околачиваться поблизости, мне придется переждать.

– Понятно. Постарайтесь сделать все возможное.

– Ну конечно. Хотя не все так просто. Я думаю, Гутар подозревает меня.

– С чего бы?

– Такая уж у него натура – всех подозревать. Он видел, как я разговаривал с вашей женой. Кроме того, мы с ним давнишние друзья. У нас общая хижина. Он чувствует, когда мне не по себе. Все время пристает с расспросами.

– А нельзя от него отделаться?

– Вы же его знаете. Это непросто. Вот если попробовать втянуть его в игру...

– А он пойдет на это?

– На тех же условиях?

– Если необходимо.

– Кто его знает. Все может быть. Он не очень-то доволен обстановкой. Я могу закинуть удочку.

– Ради бога, будьте осторожны.

– Я буду осторожен – ради самого себя.

– Надеюсь. Но скажу вам еще кое-что. Самый трудный момент наступит тогда, когда Кинк решит дать отбой и убраться восвояси. У многих тогда от позора будут чесаться руки. Нам надо сделать вид, что все это нам осточертело, что мы тревожимся за будущее и чертовски злы на Кинка. Когда с нами расплатятся, мы потребуем билеты на самолет до Энтеббе. Оттуда доберемся до Амари. Все ясно?

– Ясно.

– Тогда нам лучше вернуться.

Позже, в хижине, я доложил Гутару и продемонстрировал ему долговую расписку. Он с жадностью вертел ее в пальцах. Если бы на ней не стояло мое имя, он, думаю, тут же бы ее прикарманил.

– Он готов сделать то же самое для тебя.

– Пусть попробует не сделать, – его физиономия расплылась в ухмылке. – Вот ему и занятие, пока мы будем пересидживать сегодняшнюю ночь на таможене.

У меня засосало под ложечкой. Я совсем забыл, что через несколько часов вместо слов придется перейти к делу. Я заставил себя сосредоточиться.

– Теперь только остается решить, – сказал я, – когда следует передать сигнал. Ясно – не сегодня ночью, но насколько оттянуть его завтра?

На минуту он задумался, потом вытащил свою карту.

– При условии, что мы не встретим серьезного сопротивления у дорожного заграждения, к семи мы будем в этом местечке Сикафу. Если нам удастся перерезать телефонную линию раньше, чем они смогут ею воспользоваться, – это я возьму на себя, – до семи сигнал тревоги не поступит. Сикафу – местечко маленькое, но там может быть рация. По моему, следует исходить из того, что после семи вести начнут поступать в Амари. Отрывочные, конечно, потому что черномазые будут ошарашены. В Амари закрутится карусель, пока они попытаются разобраться, что же происходит. К тому времени мы достигнем местечка Матата, а это, грубо говоря, на полпути. На этом этапе разведывательные самолеты не заставят уже Кинка повернуть вспять. Если они начнут расстреливать его колонну на дороге, ситуация может измениться, но нам придется пойти на такой риск. По моим расчетам, им понадобится не менее четырех часов, чтобы как-то отреагировать. Так что можешь передавать сигнал в любой момент после того, как мы пройдем Сикафу. Но не очень-то торопись.

– Не беспокойся, не буду.

Я произнес эту фразу с чувством, и он ухмыльнулся.

– Я и не беспокоюсь. Но вот что я имею в виду, Артур. Это послание для нас – всего лишь страховка на случай, если нас постигнет неудача. Если же все пойдет гладко, лучше совсем не передавать сигнала. Это на твое усмотрение. Только не действуй опрометчиво. Решай как профессионал. Ты знаешь, о чем я говорю.

Я кивнул. Что мне оставалось делать? Как обычно, он принимал решения, а я оставался на побегушках.

– Да, – ответил я. – Знаю.

Глава VI

Операция началась в девять вечера. Что касается «Наконечника», это означало, что сержант Муса установил МАГ на командном грузовичке, а мы с Тропменом в последний раз проверили походные рации. После этого Тропмен отпер большую рацию и подсоединил ее к длинному хлысту антенны. Он опробовал установку и вручил ключ мне.

Должен добавить, что это не было каким-то жестом доверия с его стороны. Генератор, питающий станцию, работал от аккумулятора

грузовичка и издавал громкий завывающий звук. Если бы даже я действительно собирался передать сигнал той ночью, мне пришлось бы втирать очки сержанту Мусе, чтобы как-то его одурачить. Конечно, он был полной дубиной, но все равно втолковать ему, почему я запускаю рацию, когда мне положено спать, было бы нелегкой задачей. Я испытывал облегчение от того, что такой задачи не возникало.

Вскоре после девяти Гутар и Уилленс завершили погрузку. Затем появился Кинк и провел последнюю проверку, как усвоены инструкции.

Группе Гутара в ту ночь нужно было занять таможенный пост Махинди, который для них освободили ранее вечером. Все как на блюде, как сказал Уилленс. Так или иначе, я чувствовал нарастающее напряжение – не только в себе самом, но и в других. Барбара Уилленс пришла, чтобы поцеловать мужа на прощание. Они оба тщательно меня избегали.

По сигналу Кинка два грузовика двинулись по запасной дороге. Они шли с зажженными фарами, а мы стояли, глядя им вслед, пока они не скрылись за деревьями. Затем я вместе с Кинком и Тропменом вернулся к командному грузовичку и включил походную рацию. Минут через десять из динамика проскрипел голос Гутара:

- «Наковальня» – «Наконечнику».
- Докладывайте, «Наковальня».
- Сворачиваем на дорогу к Матендо.
- О'кей.

Прошло минут двадцать.

– «Наковальня» – «Наконечнику». – Голос Гутара звучал на этот раз слабее.

- Докладывайте, «Наковальня».
- Приближаемся к объекту. Фары погашены.
- О'кей.
- Без дальнейших донесений. До встречи. Конец связи. Я выключил рацию.

Мы вступили в войну.

ДЕНЬ БИТВЫ

Глава I

Наиболее сносное время в Кунди – пара часов перед рассветом. Они самые прохладные. Ночные летучие кровососы либо уже нажрались, либо устали, а их дневные разновидности еще толком не проснулись. Иногда

дует ветерок, и тогда даже запахи немного ослабевают. Чувствуешь, что дышать безопасно.

Так было, когда мы наутро собирались выступать. Если бы мое сердце не колотилось так мерзко, я бы чувствовал себя почти человеком.

Все, за исключением офицерских постелей и походных сумок, было упаковано накануне, так что, несмотря на темноту, машины были скоро полностью загружены и готовы к отправке. Кроме оружия погрузили боеприпасы, банки с кипяченой водой, суточный запас продовольствия и походную аптечку.

Во время завтрака в столовой мы обнаружили, что к нам присоединился врач из Кавайды. Ему предстояло двигаться вместе с основной колонной. Он был моложав, с тонкими губами и насмешливым голосом. Сказав, что ему вменено в обязанность собирать рассыпающиеся части, он шутовски умолял нас не перегружать его работой. То, что его явно забавляла ситуация, действовало мне на нервы.

К тому же была проблема – Барбара Уилленс. Я намеренно постарался усесться подальше от нее, ибо был уверен, что она сгорала от нетерпения узнать, передал ли я сигнал. Как бы там ни было, она так и норовила поймать мой взгляд. В конце концов я улыбнулся ни к чему не обязывающей улыбкой. Если бы ей захотелось принять мою улыбку как знак подтверждения – ее дело. Я не собирался сообщать ей словами, что я передал сигнал. Глупо врать напрапалую, если можно оттянуть время до того, пока тебя не загонят в угол.

Позавтракав, я отправился на транспортную стоянку и заставил сержанта Мусу проверить еще раз, все ли погружено. Придумав себе такое занятие, я пытался отогнать гнетущие мысли. В результате командный грузовичок вырулил на дорогу и был готов отправиться в путь раньше всех остальных. Тропмен казался довольным, но теперь предстояло ожидание.

Мы двигались следующим порядком. Впереди Тропмен в своем джипе, затем я за рулем командного грузовичка с сержантом Мусой у пулемета и двумя черномазыми в кузове. За мной следовали грузовики «Молота» во главе с Барьером. Через пять минут за нами тронулась основная колонна. Такой интервал сохранялся до тех пор, пока мы не достигли прибрежной дороги. А потом «Наконечнику» и разведывательным группам надлежало рвануться вперед.

В наше намерение входило достичь пограничного дорожного заграждения перед самым рассветом. Ровно в пять тридцать Кинк дал сигнал, и мы тронулись.

Походная рация лежала рядом со мной на сиденье, и я включил ее, как только свернул на дорогу к Матендо. Несколько минут спустя я начал вызов.

- «Наконечник» – «Наковальне». Послышался голос Гутара:
 - Продолжайте, «Наконечник».
 - На дороге к Матендо и приближаемся. С вами минут через десять.
- Вклинился голос Тропмена:
- Все о'кей, «Наковальня»?
 - О'кей, готовы к атаке. Пока на той стороне никаких признаков жизни.
 - Хорошо. Вы включили огни?
 - Нет.
 - Скоро увидите наши.
- Тропмен впереди меня прибавил скорость.

Через несколько минут я узнал место, где мы останавливались для рекогносцировки, и понял, что недалеко и заграждение.

Дорога слегка повернула, и я увидел перед собой перекресток. Тропмен резко повернул вправо, я за ним. Барьер и Рейс сократили дистанцию и шли за мной по пятам.

Этот участок прибрежной дороги был прям как стрела, и я увидел заграждение на стороне Махинди в свете фар Тропмена за двести метров до того, как подъехал к нему. Грузовики Гутара стояли вправо от дороги под деревьями. Когда мы приблизились, шлагбаум посередине поднялся. Я не видел, кто его поднял. Джип Тропмена без труда проделал зигзагообразный путь между крашеными бочками. Мне приходилось двигаться помедленней, а большим грузовикам сзади меня – еще тише. Мы предвидели такую ситуацию, и джип Тропмена остановился, ожидая нас, на дальнем конце заграждения. Идея заключалась в том, что мы появляемся у угазийского поста одновременно, всюю сигналим и вообще производим как можно больше шума.

По части шума все шло согласно сценарию.

Как только грузовик Рейса проехал сквозь заграждение, Тропмен дал газ и нажал на сигнал. Вслед за ним мы с ревом подкатили к угазийскому посту, остановились с диким скрежетом тормозов и засигналили одновременно изо всех сил.

Если бы я был внутри домика угазийского поста, то подумал, что пришел конец света, и ни за что бы не вылез. Если я стоял бы на посту снаружи и меня разбудил такой тарарам, я бы бросился бежать в укрытие.

Но я ведь не угазиец.

Вот что сделал часовой: схватил свою винтовку, выскочил на дорогу и открыл огонь по ближайшему грузовику.

Так как Тропмен на своем джипе проскочил сквозь заграждение к шлагбауму, ближайший грузовик на дороге оказался моим.

Часовой сделал один выстрел, разбивший зеркальце сбоку кабины, и передергивал затвор для второго выстрела, когда сержант Муса застрочил из пулемета.

Мне никогда раньше не приходилось видеть убийство человека таким образом. Его как будто ударило гигантским кулаком, подбросившим его вверх и швырнувшим назад вдоль дороги.

В этот момент из домика стали выскакивать пограничники.

Сержант Муса направил ствол пулемета на них, но я заорал, чтобы он не стрелял. Удивительно, что он послушался, но зато выстрелил кто-то другой. Раздалась очередь «Узи», и человек, появившийся в дверях домика, опустился на колени.

Внезапно все было окончено. Клаксоны прекратили свое дьявольское блеяние, и я смог расслышать голос, кричавший что-то на непонятном мне языке внутри домика. Здесь появился Уилленс, заоравший в ответ, и Гутар, державший свой «Узи» под правым локтем, зашагал вдоль по дороге к джипу Тропмена.

Казалось, что и мне можно без опаски вылезти из кабины. Уилленс и двое из его макак выводили пленных из домика. Я подошел к Тропмену и Гутару.

– Линия перерезана, – докладывал Гутар. – Аппарат тоже сломать?

– Не нужно, он может нам позже пригодиться. – Тропмен заметил меня. – Это вы открыли огонь, Симпсон?

– Сержант Муса. Часовой стал в нас стрелять.

– Что-нибудь повреждено?

– Ничего особенного.

– Доложите Кинку, что произошло. Двое убитых, остальные взяты в плен. С нашей стороны потерь нет. Его головной грузовик должен подойти с минуты на минуту. Тогда двинемся дальше.

На самом деле головная машина основной колонны уже приближалась к дорожному заграждению со стороны Махинди.

Я старался не смотреть в сторону окровавленной массы на дороге. Но избежать этого зрелища по возвращении к командному грузовичку было невозможно, и неожиданно наступила реакция. Сержант Муса, стоя рядом, бил себя в грудь и похвалялся, какой он прекрасный стрелок. Мне хотелось наорать на него, но я не смог. Все, что мне удалось сделать, так это вскарабкаться на свое сиденье в кабине.

К тому времени, когда я закончил доклад, сзади нас появилась в небе розовато-серебристая полоска, а вскоре вошло солнце. Я был рад наступлению дня. Казалось, новый день сотрет из памяти все, что

случилось в темноте и свете автомобильных фар. Мне к тому же очень хотелось, чтобы колени перестали дрожать.

Подняли шлагбаум, и мы въехали через дорожное ограждение на территорию Республики Угази.

Глава II

Мы прибыли в Сикафу после семи. По пути никаких происшествий не произошло. Мы проехали через пару деревенок, не обозначенных на карте. Их жители, завидев нас, бросали свои занятия и принимались тарашиться в нашу сторону. На вид они были совершенно такие же, как и люди по ту сторону границы, в Махинди. Кинк говорил, что они отнесутся к нам дружелюбно. Лично я не заметил ни дружелюбия, ни враждебности: они просто выглядели слегка удивленными. Что касается коз, то они полностью нас игнорировали.

Сикафу расположен на берегу небольшого залива, разделяющего болотистые топи. Рыбаки выгружают здесь свой улов. Тут есть рынок и полицейский участок. А Сикафу имеет свой специфический запах: к ядовитым испарениям окружающих болот добавляется удушливая вонь гниющей рыбы.

Прошел уже почти час после восхода солнца, и на рынке царило оживление. Там было всего два или три прилавка. Большая часть товара, предназначенного для продажи, – овощи, фрукты и, конечно, вяленая рыба – была разложена на циновках, расстеленных на пыльной земле, около них на корточках примостились продавцы. Посредине находился небольшой дощатый помост, на котором стоял босоногий угазийский полицейский в шортах и с белым шлемом на голове, увенчанным медной пикой. В руке у него была деревянная дубинка.

Никто на нас не обращал внимания, пока Тропмен не остановил свой джип, а я не подрулил вслед за ним. Грузовик с командой Барьера только въезжал на рыночную площадь, когда нас заметил полицейский.

Он вытаращил от изумления глаза. Это был крупный, черный лоснящийся мужчина из племени банту. Его взор метался от меня к Тропмену, к сержанту Мусе с пулеметом, к подкатившему грузовику, полному солдат. Тут у него отвалилась челюсть, и он замер. Сержант Муса захихикал.

В этот момент прозвучал выстрел. Наверное, кто-то из черномазой шайки Барьера решил, что нам оказано недостаточное внимание, и поспешил исправить положение. А может быть, кто-нибудь выстрелил случайно. Не знаю, куда попала пуля. Не думаю, что она кого-то задела, но эффект от выстрела был чрезвычайен.

Люди заоборачивались, кто-то завизжал, и началась паника. В секунду все принялись визжать, орать и пытаться удрать с рынка. Некоторые из торговцев упали плашмя и стали ползком убираться прочь, другие корчились в пыли, пытаясь спасти свое добро и уволочь его с собой. Один из прилавков опрокинули. Вместе с ним в пыль покатила старушка.

Только полицейский оставался недвижим, взирая на нас с помоста, словно не замечая царившего вокруг бедлама.

Тропмен подозвал его жестом.

Полицейский спустился с помоста, споткнулся о рассыпанные овощи и подошел.

Тропмену пришлось орать во все горло, чтобы его было слышно. Он сказал полицейскому что-то, прозвучавшее вроде: «Полиси ико вари?»

Полицейский обалдело показал на другой конец рынка. Тропмен махнул, чтобы он шел впереди.

Полицейский двинулся в указанном им направлении, Тропмен включил сцепление и двинулся вслед. Мы тронулись за ним. За рыночной площадью находилась пристань, около которой ютилось несколько дощатых хижин, крытых листьями. В бухте стояла на якоре большая драга с буксиром под бортом.

Полицейский участок представлял собой домик из необожженных глиняных кирпичей, крытый рифленным железом. Оконные проемы были загорожены металлическими решетками. Когда мы приблизились, оттуда вышел еще один полицейский, в кепке, окруженный толпой кричащих, размахивающих руками людей, бросившихся при виде нас врассыпную. Кепка тоже явно хотела пуститься наутек, но заколебалась, подняла руки вверх и стала ждать своей участи.

Тропмен захватил свой «Узи», вылез из джипа и махнул, чтобы я следовал за ним. Когда я к нему подошел, он уже препровождал обоих полицейских вовнутрь.

Весь участок состоял из одной большой комнаты, часть которой была отгорожена железной решеткой, представляя собой камеру. На другой стороне стояли выдавший виды стол, три стула, старый шкаф и велосипед.

Тропмен задал вопрос резким голосом. Второй полицейский отпер шкаф и вытащил заржавленное охотничье ружье и армейскую винтовку. Ему приказали положить все это на стол. Последовала серия вопросов и ответов, которые я не понимал, за исключением слова «телефони», которое повторялось несколько раз. Наконец Тропмен вытащил затвор из винтовки, и мы отправились назад.

– Они говорят, что здесь нет телефона, – сказал он по пути к нашим машинам. – Когда им нужно связаться с Амари, они отправляют на велосипеде посыльного в Матати.

Он остановился и задумчиво посмотрел на драгу.

– Интересно, есть ли на этой штуке какое-нибудь радио. На палубе буксира было развешано для просушки белье.

– Если команда буксира живет на борту, у них должно быть какое-то средство общения с берегом, – сказал я.

– У нас сейчас нет времени для выяснения. Придется рискнуть. Доложите обстановку Кинку и давайте трогаться.

В первый раз за тот день мне пришлось воспользоваться большой рацией.

– «Наконечник» – «Оружейнику». Первый объект закреплен. Готовы двигаться дальше. Прием.

– «Оружейник» – «Наконечнику». Потери есть? Прием.

– Потерь нет. Полиция вроде готова сотрудничать. Прием.

– Очень хорошо. Двигайтесь дальше. Прием.

– Двигаемся. Конец связи.

На этот раз у меня не было возможности передать сигнал Уилленса, даже если бы я захотел. Тропмен стоял рядом с грузовичком, вслушиваясь в каждое мое слово. После короткого обмена радиопосланиями мы двинулись дальше.

Стало очень жарко и душно. По левую сторону дороги расстилалось сплошное болото, по правую – стеной стояли джунгли. Джип Тропмена поднимал за собой пыльный шлейф. Пыль плотным слоем въедалась в потную кожу. Если бы я и мог чем-то быть довольным в тот момент, так это тем, что не сижу в одном из грузовиков, следующих за мной. Нам повстречался автобус, идущий в противоположном направлении; чтобы пропустить нас, ему пришлось съехать на обочину; да еще попало несколько велосипедистов, вот и все.

Матата расположена на прибрежной дороге, которая пересекается с другой, идущей в глубинку. Дорога эта вспомогательная, проложенная к плантациям какао, но для страны, столь бедной дорогами, городок на перепутье имеет тенденцию к росту. Как рассказывал Тропмен, в колониальные времена в Матате размещались уездные власти, а на прилегающих плантациях у подножья сопок проживало до трех десятков европейцев.

Джунгли стали редеть, за ними можно было различить вдалеке горы. Попалась небольшая деревушка. Потом дорога стала слегка подниматься в гору. Одолев подъем, мы увидели крыши Мататы и изгиб реки, указанный на карте.

Последовал короткий спуск, а затем мы выехали на ровную дорогу, окаймленную навесами для обработки какао. Впереди был виден поворот и дорожный знак со словами «Нья запитана». Не знаю, что это значит.

Я впервые почувствовал неладное, когда Тропмен, только начавший поворот, неожиданно нажал на тормоза, резко свернул джип с дороги и дал задний ход. В то же мгновение послышалась стрельба.

Я свернул с дороги, остановился и включил рацию. Через секунду прозвучал голос Тропмена:

– «Наконечник» – «Молоту» и «Наковальне». Остановитесь и ждите приказаний. Впереди баррикада. Нужно провести разведку и решить, как действовать. Поняли?

Барьер и Гутар подтвердили получение приказа, а Тропмен махнул, чтобы я присоединился к нему. Я взял свой «Узи» и вылез из кабины. Ноги не очень меня слушались, были как чужие, но я все же добрался по обочине до джипа, из которого выпрыгнул Тропмен.

– Кто-то их предупредил, – сказал он. – Тут ничего не поделаешь. Осталось не так уж далеко.

– Что там за баррикада?

– Сейчас увидишь.

Он начал пробираться сквозь кусты вдоль дороги. Я следовал за ним. Метров через пятьдесят он слегка подался влево, то есть к середине поворота. Приближаясь к нему, Тропмен пригнулся к земле. Я сделал то же.

Когда мы оказались у самой дороги, он остановился и стал вглядываться сквозь листву. Я приблизился и посмотрел через его плечо.

Теперь мне был виден участок дороги. Баррикада была метрах в двухстах и состояла из поставленного поперек автобуса, наподобие того, что повстречался нам раньше. Он стоял в таком месте, где деревья подходили к дороге вплотную с обеих сторон. Объехать автобус было невозможно: мешали деревья. Чтобы продвигаться дальше, нужно было обязательно убрать автобус.

Тропмен пригнулся немного ниже, снял с плеча свой «Узи» и оттянул затвор, поставив переводчик на «автоматический».

– Посмотрим, что там у них есть, – сказал он. – Следи за левым флангом.

Он прижал автомат к плечу и дал три короткие очереди – одну вправо от автобуса, одну – влево, еще одну – по самому автобусу.

Хотя грохот выстрелов заставил меня вздрогнуть, я все же не зажмурился. Было видно, как пули подняли пыль с земли и сбили листья с

кустов. Я заметил также мельком, как человеческая фигура быстро укрылась за стволом дерева.

У меня еще звенело в ушах, когда последовал ответ – разрозненные винтовочные выстрелы. Не похоже было, что стреляли в нас, но шум поднялся изрядный. Когда выстрелы прекратились, я заметил движение за одним из кустов.

Тропмен подался назад и присел на корточки.

– Что видно?

– Слева за кустами несколько человек. Один за большим деревом.

– Было с дюжину выстрелов. Очевидно, столько и людей. Тут дело скорое и легкое.

Мы вернулись тем же путем. Лично я никак не мог себе представить дело легким и скорым. Если грузовики пойдут по дороге, они получат пули в радиаторы, а водители – в голову. Если двинуться пешим ходом, то противник перестреляет всех по одному, как только мы окажемся у него на виду. Если обходить с флангов, как предполагалось на учениях, то и за день не управишься.

Как только мы добрались до джипа, Тропмен принялся отдавать приказания.

Мне он сказал: «Свяжись с Кинком. Обрисуй ситуацию. Скажи, что нам потребуется несколько минут, чтобы разделаться с ними. Пришли ко мне сержанта Мусу».

Затем он взял свою рацию и вызвал Барьера. Я не надеялся услышать его ответ. Пришло время, решил я, послать сигнал Уилленса, тем более что представлялась такая возможность.

Я забрался в кузов и приказал двоим черномазым вылезти и стоять на страже.

Сначала я связался с Кинком и передал ему точно то, что приказал мне Тропмен, за исключением моих глубоких сомнений относительно исхода данной ситуации. Похоже, у Кинка сомнений на этот счет не было. Он спокойно сказал, что основная колонна собирается покинуть Сикафу, и приказал доложить ему, когда баррикада будет устранена.

На моих часах было ровно три минуты одиннадцатого.

Как только он произнес «прием окончен», я настроился на частоту двадцать два мегагерца. Никто не обращал на меня никакого внимания. Мои двое макак глазели, как люди Барьера выгружали что-то из грузовика, стоявшего неподалеку. Я достал из кармана сигнал Уилленса.

Мне нужно было сказать: «Дженсон-два, прием» – и тут же переключиться на прием. Я проделал это трижды, прежде чем получил ответ. Он прозвучал очень чисто и громко.

– Дженсон-два слушает. Продолжайте. Прием. – Голос говорил по-английски с акцентом, похожим на выговор Уилленса.

Я переключился и зачитал сигнал. Он начинался так: «Срочно, Исполнителю от Полевого». Дальше шли кодовые слова, не имевшие для меня никакого смысла.

Когда я закончил, голос повторил текст сигнала.

– Правильно? – спросил он.

– Правильно. Прием.

– Немножко поздновато, Полевой, а? Прием.

– Я не Полевой. Вы получили свой богом проклятый сигнал. Остальное за вами.

– Кто это говорит?

Я предложил ему наложить в его собственные штаны и отключился. Я весь обливался потом, и меня так трясло, что переключатель выскальзывал из пальцев. С какой-то стороны это пошло мне на пользу, потому что я вспомнил, что надо переключиться на частоту, на которой я связывался с Кинком.

Я еще не выпустил из рук рацию, когда раздался оглушительный выстрел, от которого я подпрыгнул и ободрал себе пальцы. Прямо за моей спиной открыл огонь миномет. Им заправлял Барьер. Рядом с ним скорчился солдат с рацией. Я оглянулся и увидел, что Рейс устанавливает сзади еще один миномет. Взрыв мины, разорвавшейся вдали на дороге, сотряс воздух.

Я забрался в свою кабину и включил походную рацию. Тропмен вернулся на то место, откуда мы проводили рекогносцировку, и корректировал оттуда по рации огонь минометов.

Барьер и Рейс выпустили по десятку мин каждый, а потом со стороны баррикады прозвучала длинная очередь из «Узи» и донесся голос Тропмена: «Хорош, «Молот», прекратите огонь». Потом он как-то хихикнул: ««Наконечник», подгоняйте машину».

Я подъехал за поворот. Тропмен стоял у автобуса и наблюдал за сержантом Мусой, сидевшим на месте водителя и пытавшимся сообразить, как его завести. Сбоку лежал труп человека в военной форме с наполовину снесенным черепом. Его руки все еще сжимали винтовку.

Тропмен заменил магазин своего «Узи». Пустой он бросил в кузов грузовичка.

– Что произошло? – тупо спросил я.

– А что, по-твоему, могло произойти? – Он довольно ухмыльнулся. – Минометный огонь пришелся им не по вкусу. Оставшиеся в живых пытались удрать. Мы их всех заарканили. Послушай, отведи-ка автобус в

сторону. А то Муса до ночи прокопается. Затем доложи Кинку. Мы сможем двинуться через пять минут.

Он зашагал по дороге назад к своему джипу.

Я сделал все, как он приказал. С высоты водительского сиденья в автобусе было видно значительно больше, что могут натворить мины. Я старался не смотреть на их работу. Мины не оставляют больших воронок в земле, но зато делают ужасные вещи с человеческим телом.

Глава III

Мы въехали в Матату в половине одиннадцатого.

Прибрежная дорога превратилась в главную улицу городка. Она была пустынна. Из хижин и окон домов выглядывали испуганные лица.

Сержант Муса был оскорблен.

– Ведь это же наши люди, – ворчал он. – Им говорили, что мы прибудем. Они должны нас приветствовать.

Краем глаза я видел, как он поглаживает пулемет. Лично я считал, что отсутствие энтузиазма со стороны жителей Мататы полностью оправданно. На их месте я не только не поглядывал бы на сержанта Мусу, а вообще забрался бы под кровать.

В центре Мататы находилась площадь с мэрией на одной стороне, наподобие тех, что встречаются в маленьких провинциальных городках во Франции. Я предполагал, что Тропмен там остановится, но он этого не сделал. По всей видимости, он пришел к заключению, что уничтожение защитников баррикады вывело из действия местную жандармерию, а поскольку вести о вторжении уже распространились, не было никакого смысла перерезывать связь.

К одиннадцати мы были в восемнадцати километрах от Амари, неподалеку от местечка, называемого Домо. Вот тут-то мы попали в первую серьезную переделку.

Домо – рыбацкая деревушка, расположенная у мелкого залива, похожего на тот, что в Сикафу, только уже и длиннее. Он врезается в сушу примерно на километр, и прибрежная дорога пересекает его по бетонному мосту.

Наличие наскоро устроенной баррикады из автобуса у Мататы означало, что сообщение о нашем вторжении было передано из Сикафу. Таким образом, в распоряжении властей в Амари было менее двух часов, в течение которых они могли принять меры. С момента передачи мной предупреждающего сигнала не прошло и часа. Если верить Гутару, они должны еще были крутиться, как на карусели, решая, что предпринять и

предпринимать ли что-то вообще. Может быть, большинство из них и пребывало в таком состоянии. Но, к несчастью для нас, там все же нашелся кто-то, решивший послать войска к мосту, прежде чем мы туда прибыли.

Перед мостом дорога на протяжении километра идет совершенно прямо. По ее краям тянутся заброшенные плантации какао, заросшие кустарником, так что не видно, что за ним находится. Для засады место идеальное. Если бы они чуть помедлили открывать огонь, от нас ничего бы не осталось.

К счастью, их макаки были так же охочи до стрельбы, как и наши.

Первому досталось Тропмену. Прозвучали две короткие автоматные очереди. Я увидел, как его джип резко вильнул, а затем, потеряв скорость, скатился в заросли по правую сторону дороги.

Я изо всех сил затормозил, включил задний ход и дал газ. Грузовик Гутара был в нескольких десятках метров сзади меня, и если бы он тоже быстро не затормозил, я бы в него врезался. И у него хватило ума съехать с дороги. Мне понадобилось лишних пять секунд и одна автоматная очередь, чтобы сообразить, что находиться вне дороги в данных обстоятельствах значительно лучше, чем на ней. Но когда рядом с тобой сержант Муса лупит из пулемета как сумасшедший, неизвестно по кому и по чему, соображать не так-то просто.

Как только я остановил машину, я выскочил из кабины и спрятался за кузов. Облако пара над дорогой показывало, где находился джип. Затем я увидел и Тропмена, скорчившегося за ним в кустах. Он держал в руках свой «Узи» и, похоже, был цел и невредим.

Сзади меня появился Гутар.

– Прикрой его огнем, – рявкнул он. – Они там на дальней стороне, метрах в трехстах отсюда.

– Они могут быть по обеим сторонам.

– Это мы скоро узнаем. Сначала давай его выручим. Командный грузовичок скатился под таким углом, что было невозможно нацелить МАГ вдоль дороги. Его нужно было снять с кронштейна. Я только собрался это сделать, как Гутар отпихнул меня и снял пулемет сам. Потом он отпихнул в сторону сержанта Мусу и подхватил пулемет. Через несколько секунд Гутар уже строчил вовсю, и мне было видно, как летят под его пулями листья и ветки. С заднего грузовика застрекотали еще два МАГа.

Тропмен начал пробираться по направлению к нам, то ползком, то перебегая между кустами на нашей стороне дороги. Стоял такой грохот, что нельзя было понять, стреляет по нему неприятель или нет. Во всяком случае, его не задели. Он добрался весь исцарапанный, потный, запыхавшийся.

Когда Гутар спустился с грузовичка, подошли Барьер и Уилленс.

– Они на обеих сторонах? – осведомился Барьер.

– Да, но большей частью на левой. – Тропмен сплюнул, вытер кровь, сочившуюся из царапин на лице, и принялся крыть на чем свет стоит потерю своего джипа.

Тут Уилленс возбужденно забормотал мне на ухо:

– Ты подал мой сигнал? – Да.

– Когда?

– Рано утром. – Мне не хотелось уточнять, когда именно, поэтому я быстро продолжал: – Где же ваши разведывательные самолеты?

Он не успел ответить. Тропмен раздавал приказания.

– Когда начнете с ними разделяться, действуйте быстро. Они засели не очень глубоко. Подберитесь поближе к мосту, прежде чем начать прочесывание. Мы будем прикрывать дорогу отсюда, пока вы их не обойдете хорошенько. Затем мы рванем вперед.

Некоторое время стояла относительная тишина, пока «Молот» и «Наковальня», спешившись, не скрылись между деревьями какао и не начали операцию по окружению. Затем противник почуял, что же происходит, и начал действовать. Послышались отдаленные крики, затем последовали автоматные очереди, винтовочная пальба. Я был в кузове своего грузовика, докладывая обстановку Кинку, когда Тропмен, взявшийся за МАГ, открыл огонь по чему-то там на дороге. Грохот был настолько силен, что полностью заглушал мой голос. Я проорал, что выйду на связь позже, и выключил рацию.

Высунувшись слегка из-за ящика, в котором находилась рация, я мог видеть происходящее.

Прямо перед мостом противник выкатил на дорогу небольшой грузовичок, пытаясь под его прикрытием перебраться на правую сторону. Грузовичок был маловат, и двое из тех, кто пытался перебежать, лежали неподвижно на дороге, срезанные огнем МАГа. На них была темно-зеленая форма и каски. Одна из касок слетела и откатилась, когда ее владельца срезала пулеметная очередь. Пока я наблюдал, грузовичок начал медленно двигаться – очевидно, они хотели перекатить его с дальней от нас стороны, – и Тропмен вновь открыл огонь.

Пули поднимали фонтаны пыли под колесами грузовичка, который вдруг остановился и откатился назад. Тропмен прекратил огонь. В тот же момент заговорила рация.

– «Наковальня» – «Наконечнику». Мы заняли позицию и держим на прицеле мост. – Это был голос Гутара.

Тропмен не сводил глаз с дороги.

– Свяжись с «Молотом», – сказал он мне. Но Барьер уже услышал донесение Гутара.

– «Молот» – «Наконечнику», – сказал он. – Я еще не могу перекрыть мост с моей стороны. Дайте мне пару минут.

Тропмен кивнул.

– Скажи ему о'кей. Но мы должны быть готовы двигаться.

Сержант Муса и двое наших макак усиливали общий шум, паля из винтовок из-за кустов. Я заорал, чтобы они залезли в кузов, а сам взобрался с рацией на свое водительское место.

– Когда мы двинемся, нужно выжимать полную скорость, – сказал Тропмен. – Я не хочу попасть под перекрестный огонь. – Он чуть поколебался, затем принял решение. – Не будем дожидаться «Молота». Двинемся сразу.

– Сразу? Нужно предупредить остальных? – Все что угодно, лишь бы отсрочить пагубную неизбежность.

– Я это сделаю сам. Кончай болтать и двигай. Двигай до тех пор, пока не будешь на мосту. – Потеря джипа очень испортила ему настроение.

– Но...

Он резко повернулся ко мне:

– Двигай или выметайся!

Мне не хотелось ни того, ни другого. Мне вообще ничего не хотелось. Но Тропмен наводил на меня такой же ужас, как и Гутар. Я нажал на стартер.

В этот момент послышался голос Барьера:

– «Молот» – «Наконечнику». Я занял позицию. Тропмен ответил:

– «Наконечник» – «Молоту» и «Наковальне». Начинайте. Перестроимся у моста.

Я тронулся вперед.

До моста было меньше километра. На той скорости, с которой я ехал, весь путь занял не более минуты. Но это была очень долгая минута. Я мгновенно проскочил мимо подбитого джипа и мимо грузовичка с убитыми. Но второе мгновение длилось вечность, потому что я старался не глядеть на трупы и в результате чуть на них не наехал. Меня обступали деревья какао. Из-за них, сквозь гул мотора и грохот разрывов ручных гранат, доносилось стрекотание автоматных очередей. У меня было такое ощущение, как будто все без исключения стреляли по мне, и только по мне. И если это звучит эгоистично, то тут уж я ничего не могу поделать. У меня внутри все обмякло. Если бы я что-нибудь съел после завтрака, меня наверняка бы вырвало. Целились ли в меня персонально или нет, но то, что я добрался до моста целым, было само по себе на грани чуда.

Как только я остановил машину, Тропмен выпрыгнул и оглядел оставшуюся позади дорогу.

Там и здесь еще продолжалась разрозненная стрельба, и, хотя перила на мосту были невысоки, сидеть в кабине было опаснее, чем стоять на мосту. Я вылез и присоединился к Тропмену.

– Посмотрим, что там творится, – сказал он и зашагал назад по дороге. Я последовал за ним через силу. Я мог себе представить, что там творилось, а я и без того насмотрелся досыта.

На берегу залива мы встретились с Гутаром и Барьером. Они стояли там, спокойно болтая с белым субъектом в темно-зеленой неприятельской форме. Сзади них, присев на корточки, были четверо пленных под охраной солдат Барьера.

Когда мы подошли, белый незнакомец обернулся, увидел Тропмена и с горечью усмехнулся.

– А, это вы, – сказал он. – Я мог бы догадаться. Тропмен рассмеялся.

– Что с вами, Жан-Пьер? Уж не становится ли вам игра не по силам?

– Какая может быть игра с этими безмозглыми болванами? – Никому не приходило в голову отобрать у него автомат. Он сплюнул с отвращением и поправил его на плече. – Мы из вас должны были сделать фарш.

– Вам не повезло, – снисходительно сказал Тропмен. – Наша орава ничуть не лучше вашей. Вы, парни, уже познакомились? Это капитан Веле, который на сей раз оказался по другую сторону баррикады.

Веле мрачно кивал нам, пока нас представляли. Он был крепко сложен, широкоплеч, розоволиц и остронос. На левой руке у него не хватало двух пальцев.

– Не знаю, что это вы решили затеять, – продолжал он, – вряд ли вашему СММАК придется по вкусу, когда мы задержим баржи с рудой ниже Матендо. Вы же знаете, что именно так и получится. Нам это ничего не стоит сделать. Можем и потопить их, если понадобится. УМАД шутить не станет.

– И мы тоже, Жан-Пьер.

В этот момент появился Уилленс и нехотя доложил, что наши потери – трое раненых и один убитый. Убитый подорвался на собственной гранате.

Уилленс не смотрел в сторону Веле, а Веле как будто не замечал Уилленса. В общем, было очевидно, что они знают друг друга. Тропмен, однако, вроде бы этого не заметил.

– Как много вы потеряли? – спросил он Веле.

– Пять или шесть убитых, один или два раненых, я полагаю. Что вы собираетесь делать с пленными?

– А что они сделают, если мы отпустим их безоружными?

– Я думаю, прикончат ваших раненых и вернутся в Амари.

– наших раненых мы возьмем с собой. Вы бы лучше предупредили своих людей, чтобы они не высовывались и дали пройти основной колонне, прежде чем отправятся в Амари.

Веле пожал плечами.

– О'кей. А что мне делать?

– Боюсь, мне понадобится ваш грузовичок, Жан-Пьер. Вы покалечили мой джип. Составите мне компанию?

– Нет, если вы рассчитываете въехать напрямиком в город. Из этого ничего не выйдет. Уж лучше я пойду пешком.

– А где они попробуют остановить нас?

– У пивоварни. И они могут остановить вас, поверьте мне. Я все устроил сам. У нас есть станковые пулеметы.

– А у нас минометы и МАГи.

– Она из железобетона.

– Тогда мы ее обойдем.

– Попробуйте. – Веле на мгновение задумался. – Тогда на вашем месте я бы наплевал на главную дорогу и двинулся бы, срезая расстояние, к дороге Черного дерева.

– На какой предмет?

– У вас есть карта?

Тропмен достал карту, и Веле показал на короткую вспомогательную дорогу от восточной части города к холмам.

– Отсюда, – объяснил он, – можно войти в город мимо экспериментальной станции министерства сельского хозяйства и продвинуться вот до сих пор.

Он указал стволом автомата на точку на карте.

– А что там меня остановит? – спросил Тропмен.

– Армейские казармы.

– Большое спасибо, старый дружище. Опять станковые пулеметы?

– Естественно. Но там вы в городе. Ваша миссия закончена. Предоставьте остальное Кинку. Он еще и палец о палец не ударил.

– У меня приказ обложить Амари. И это называется осадой?

– Послушайте, мой друг. – Веле говорил сдержанно и терпеливо. – Ни вы не хотите потерь, ни мы. Несомненно, вы сможете оккупировать Амари на несколько дней. Но затем столь же несомненно вас заставят отступить. Будет оказано давление, восторжествует здравый смысл. Почему бы нам сейчас не поступить разумно?

Я испытывал самые теплые и искренние чувства к Веле. Именно такие речи мне хотелось бы слышать. Я верил, что он говорил искренне.

К моему изумлению, Тропмен расхохотался.

– Морочите голову старому приятелю, а, Жан-Пьер? Веле скорчил обиженную мину.

– Воля ваша, – сказал он с раздражением. – Вы же просили моего совета.

– Может быть, я и последую ему позже, но сначала я хочу поглядеть на эту вашу пивоварню.

Веле пожал плечами, как бы умывая руки.

Мои симпатии были на его стороне. Мой интерес к пивоварням ограничивался тем, что мне хотелось выпить.

Тропмен снова принялся отдавать приказания. Меня, конечно, отправили в командный грузовичок доложить обстановку Кинку. По пути я взглянул на часы.

Мне показалось, что они остановились. Было всего без двадцати двенадцать.

Глава IV

Пивоварня около Амари – первое подобие настоящего здания на окраине города с большой надписью на стене крупными синими буквами: «Пивоварня Тембо». Оно расположено на развилке. Одна дорога направляется к реке, где грузят на баржи бревна черного дерева, из лесов на холмах, другая ведет к центру города. В таких местах, как Амари, переход от сельской местности к городу бывает совершенно внезапным. Прямо перед развилкой на левой стороне стояла деревушка с магунговыми хижинами, а сразу за ней пивоварня со своей вывеской на правой стороне. В таком окружении она выглядела нелепо.

Тропмен остановил грузовичок Веле, который он теперь вел, недалеко от пивоварни, там, где разветвлялась дорога. Бывший хозяин грузовичка сидел рядом с ним. Если там действительно были станковые пулеметы, как сказал Веле, мы были в пределах радиуса их действия. Тропмен раньше забрал свою неповрежденную рацию из искалеченного джипа, и я услышал, как он вызывал Барьера:

– «Наконечник» – «Молоту». Пошлите вперед группу, чтобы вызвать огонь противника.

– О'кей. Кто меня прикроет?

– Мы. Командная машина, следуйте за мной.

Сержант Муса причмокнул губами и принялся заправлять новую пулеметную ленту. У меня засосало под ложечкой.

Слева от нас на краю деревеньки была узкая полоска деревьев, и Тропмен съехал с дороги к ним. Я двинулся вслед. Мы находились теперь практически в деревеньке, из-под колес, когда мы подкатили, стали выскакивать цыплята. По неровной почве пришлось двигаться медленно, и один из моих макак воспользовался этим обстоятельством, чтобы выпрыгнуть из машины и поймать одного из цыплят. Он не оторвал ему голову, а просто связал лапы ползучим побегом и бросил в кузов. Цыпленок громко пищал. Интересно, доживет ли черномазый до того момента, когда ему удастся слопать цыпленка, подумал я.

Несмотря на стоящие кругом деревья, я чувствовал себя как будто голым. Тропмен почти поравнялся с дорожным перекрестком на расстоянии менее четырехсот метров от пивоварни, стоявшей прямо против нас. Если мы не будем очень осторожны, думал я, мы сами вызовем на себя огонь.

Тропмен остановился. Я развернул грузовичок так, чтобы сержант Муса мог взять пивоварню на мушку, потом тоже остановился и тут же выбрался из кабины. Очень скоро за кузовом будет куда безопасней, прикинул я.

Теперь сквозь деревья мне было видно, как Барьер с полдюжиной своих солдат пробираются вдоль противоположной стороны дороги к пивоварне. У развилки дорог был треугольный участок, покрытый кустами. Это было единственное укрытие у пересечения. Неожиданно Барьер с парой солдат выскочили на дорогу и бросились к кустам.

Из пивоварни последовала очередь, пули подняли пыль с дороги, но Барьеру удалось добраться до кустов. Пригнувшись, он подал рукой знак остальным следовать за ним. Те так и сделали, и вновь пивоварня ответила огнем. На этот раз я заметил вспышки. Заметил их и сержант Муса. Он завопил и принялся строчить.

Территория пивоварни была окружена высокой металлической изгородью, стреляли с двух точек слева от главных ворот сквозь дыры в заборе.

Тут меня осенила идея. Я вспомнил, что сказал Веле, когда Тропмен упомянул минометы, – здание пивоварни было железобетонным. В тот момент казалось, что вопрос ясен. Но не тут-то было, сообразил я. Бетон служит защитой, если можно за него спрятаться. Глядя на глухую стену пивоварни, я понял, что сделать ее крепостью можно было только в том случае, если проделать бойницы в стенах. Для этого бы потребовалось время, а у них его не было.

Я вернулся к кабине, взял рацию и высказал свои соображения Тропмену.

– Изумительно, – сказал он. – И вы только что об этом подумали? – Он по-дурацки хихикнул. – Придется рассказать Веле.

Конечно, он пытался сделать вид, как будто эта идея была у него в голове с самого начала, но меня он не одурачил. На самом деле он стал действовать на основе моих предложений. Через десять минут мины уже разносили противника на территории пивоварни в пух и прах.

Естественно, мне их было жалко, но на войне не до сантиментов и полумер. Как, бывало, говорил мой отец: «Солдатская работа – сражаться с врагом, а не пердеть в его сторону».

Группа Барьера осталась, чтобы довести дело до конца на пивоварне, а остальные двинулись в город.

Когда я докладывал об этом Кинку, он сообщил мне новости. Три самолета атаковали основную колонну на выходе из Мататы. Самолеты появились со стороны реки. Потерь не было, но произошла «некоторая дезорганизация колонны», в результате чего она сможет догнать нас только через два часа, может быть, позже, если воздушные атаки повторятся.

У Тропмена вытянулось лицо, когда я доложил ему.

И было отчего.

После окончания операции в пивоварне группе Барьера предстояло двинуться в район порта и завладеть им или по крайней мере попытаться. Ему было приказано захватить причалы, склады горючего и все суда, которые в данный момент там находились, а также блокировать вход и выход из порта. В случае отсутствия серьезного сопротивления они, возможно, и могли бы выполнить приказ, но лишних людей у него бы не оказалось. Тогда для того, чтобы справиться с гарнизоном в казармах, оставалась только группа Гутара. Все могло быть в порядке, если гарнизон ограничится защитой казарм и их территории. Но если они увидят, что мы не собираемся на них нападать, они решат выйти из казарм и контратаковать нас до прибытия основной колонны, мы попадем в беду.

Мы остановились прямо перед главной площадью на окаймленной деревьями улице с замызганными двухэтажными домами. Некоторые из них были жилыми, но большинство представляло собой магазинчики, открытые кафе и бары. Перед кафе стояла и глазела на нас группа африканцев в европейской одежде. Похоже, они не были испуганы: некоторые смеялись и шутили, многие были явно навеселе.

Здесь не было такого ощущения, как в Сикафу или Матате, что мы на высоте положения. Наоборот, мне представлялось, как будто мы откусили больше, чем могли проглотить, что каждое мгновение может случиться

что-нибудь очень противное. Кажется глупым, но, пока я там стоял, ожидая, какое решение примет Тропмен, я ничуть не удивился бы, если бы вдруг появились полицейские и арестовали всю нашу шайку.

Группа Гутара уже отправилась вперед, чтобы оценить обстановку у казарм, и Тропмен принял решение присоединиться к нему.

Мы повернули от площади и поднялись на небольшое расстояние по идущей вверх улице мимо стен кладбища колониальных времен. Грузовики Гутара стояли на обочине невдалеке от него.

Мы стали позади них. Когда я выбирался из кабины, низко над головой проревел самолет. Я сумел мельком разглядеть на его крыльях опознавательные знаки Угази, а через мгновение он исчез. С него не посыпались бомбы. Может, летчику просто хотелось посмотреть, развеивается ли еще флаг Угази над казармами.

Он развеивался.

Гутар разместил свою группу внутри кладбища за разваливающейся стеной, стоящей перед казармами. Он предупредил нас, что высовываться небезопасно. Гарнизон, как оказалось, был наготове и в нервном напряжении. У них на крыше была установлена пара пулеметов, которые немедленно извергали огонь в сторону любого замеченного пулеметчиками движения. Стрельба не отличалась точностью, но мог произойти и несчастный случай. Уилленс устанавливал пулеметы, чтобы держать под прицелом главные ворота и открытое пространство перед ними. Он предложил их использовать, чтобы охладить энтузиазм сидящих на крыше. Он же проделал наблюдательную амбразуру в кладбищенской стене, через которую мы по очереди глядели наружу.

Перед нами был пустырь, а на дальнем его конце, примерно в двухстах метрах от нас, тянулась длинная высокая каменная стена с аркой ворот посередине. Здание за стеной более всего походило на тюрьму. Были видны каски пулеметчиков на крыше. На флагштоке за ними обвис бело-зеленый флаг Угази. Впечатление крепости-тюрьмы несколько скрашивала россыпь красных цветов какого-то вьющегося растения на арке ворот и части стены.

Тропмен взглянул на капитана Веле.

– Кто командует гарнизоном? – спросил он.

– Полковник Нгози.

– Белые офицеры есть?

– Нет.

– Что он будет делать, Жан-Пьер? Предпримет ли он вылазку?

– Сомневаюсь. Он постарается продержаться, пока не придет подмога из-за реки.

– Нельзя ли его подкупить?

– Может быть. – Веле хитро улыбнулся. – Если угодно, я могу у него спросить?

– Благодарю за предложение, Жан-Пьер, но в настоящий момент мне не хотелось бы, чтобы он знал нашу численность. А то ему может взбрести в голову прорваться. Вы сможете спросить его позже, когда подойдет основная колонна.

Веле вздохнул:

– Мое единственное желание – быть полезным.

– Ну естественно.

Со стороны реки донеслись выстрелы. Через минуту-другую вновь послышалась стрельба. Тропмен повернулся ко мне.

– Идите и спросите у Барьера, какое положение.

Пока я, согнувшись в три погибели, пробирался назад, стрельбы не было. Но ее звуки, похоже, весьма взбудоражили пулеметчиков на крыше. Последовал оглушительный грохот очереди, на меня со стоящих у стены деревьев посыпался дождь сбитых веток. У меня здорово полегчало на душе, когда я выбрался с кладбища и очутился у своего грузовичка.

Вместо Барьера я попал на Рейса. Он очень тяжело дышал.

– Небольшое осложнение, – сказал он. – В здании на западном углу площади, прямо у района порта – думаю, это префектура, – засели какие-то люди. У них винтовки. Нас здесь более или менее зажали. Мы пытались их обойти, но негде. К тому же Рене ранен. Рене – имя Барьера.

– Тяжело?

– Нет, но он ранен в ногу и не может передвигаться. На данный момент мы здесь вне опасности, но не можем отсюда перекрыть паромный причал. Сначала кто-то должен взять здание на прицел со стороны площади.

– Я доложу Тропмену.

С великой неохотой я вернулся назад и доложил обстановку Тропмену. Гутар и Веле слушали.

– Это наши люди, – быстро сказал Веле. – Служащие УМАД. Гражданские.

– Что, черт возьми, они делают в префектуре? – раздраженно спросил Тропмен.

– То, что должны были делать префект и его служащие, если бы они не удрали на другой берег реки, как только прозвучала тревога.

– Они европейцы?

– Двое – да, с ними трое «эволю».

Этим он хотел сказать – «цивилизованные» люди. Выражение относится к любому африканцу – от клерка, который может лишь печатать на машинке, до адвоката с университетским дипломом. В общем, не обыкновенные макаки.

– Так не можете ли вы им сказать, чтобы они не валяли дурака?

Однако Веле утратил желание быть полезным, которое он симулировал.

– Они ничуть не валяют дурака, – сказал он. – Вы застряли здесь, вы застряли там. Если Кинк не появится до ночи, к утру вам придется улепетывать. Мы с вами друзья, да, но в настоящий момент не коллеги. Неужели вы всерьез думаете, что я собираюсь облегчить вам жизнь?

Последнее замечание, по всей видимости, привело в ярость Гутара. Он издал горловой клекочущий звук, как тогда, когда он бросился на капитана Ван Буннена.

– Я их лучше оттуда вышибу, – резанул он. На секунду Тропмен уставился на него.

– Я не могу позволить взять отсюда ни единого человека.

– Мне они не нужны. На командной машине есть три человека плюс Артур. Если те вооружены только винтовками и ружьями, этого вполне достаточно, чтобы с ними справиться.

Оба посмотрели на меня. На лице у Гутара появился знакомый оскал. Мне хотелось взвизгнуть от страха, но никакие слова не шли на ум. Я пожал плечами.

Тропмен все еще смотрел на меня с сомнением, потом все-таки кивнул.

– Ладно. Не убивайте их без необходимости. Я передам Рейсу, что вы отправились.

Было, пожалуй, даже к лучшему, что приходилось сгибаться в три погибели, чтобы в безопасности выбраться с кладбища. Все равно я вряд ли смог бы идти во весь рост.

Глава V

Главная площадь в Амари окружена зданиями только с трех сторон. С четвертой стороны расположен речной порт, где причаливают наиболее крупные пассажирские суда и паром. На одной из сторон церковь – часть католической миссии – и отель с большой верандой. Все остальные здания – государственные или коммерческие учреждения. На лужайке в центре несколько акаций, каменный монумент, окруженный запущенной клумбой с лилиями.

По указанию Гутара, сидевшего рядом со мной, я медленно въехал на площадь и остановился, чтобы он смог хорошо осмотреться.

Там было довольно много народа, толпившегося большей частью, за исключением нескольких пьяных у монумента, у церкви по правую сторону. Здание префектуры находилось в самом конце по левую сторону. Площадь перед ней пустовала. Если и предстояло какое-нибудь забавное зрелище, публика предпочитала наблюдать за ним с почтительного расстояния.

Гутар приказал двигаться дальше, держась левой стороны, затем приказал остановиться перед главным входом в префектуру. Мне пришлось ехать медленно, как было приказано. Я был слишком напуган, чтобы послушаться.

При нашем приближении даже пьяные у памятника решили, что разумней держаться немного подальше. А когда Гутар угрожающе навел в их сторону МАГ, некоторые пустились наутек.

Двухэтажное здание префектуры нависало над портом. Теперь мне было ясно, что кучка решительных людей, вооруженных винтовками, засев на втором этаже, может полностью держать под контролем территорию порта. Там не было никаких укрытий. Чтобы обойти префектуру, Барьеру потребовалась бы по меньшей мере пара броневиков.

У меня сложилось впечатление, что для того, чтобы ворваться в префектуру, нужен танк. Все окна на первом этаже были забаррикадированы. Тяжелые двойные двери главного входа выглядели непробиваемыми.

Впрочем, на Гутара, казалось, все это не произвело впечатления. Как только я остановил машину, он взял рацию и вызвал Рейса.

– Мы на площади и готовим вторжение.

– Хорошо.

– Я начну с гранат. Когда ты услышишь их разрывы, постарайся, чтобы у этих типов наверху хватало забот. Я не хочу, чтобы они перебрались на другую сторону и принялись за нас. Чем больше шума, тем лучше. Пали из всего, что у вас есть. О'кей?

– О'кей, – ответил Рейс. – Только дай мне время все организовать.

– Двух минут хватит?

– Хватит. Мы будем наготове. Гутар повернулся ко мне.

– Одного нужно оставить охранять машину. Пусть это будет Муса. Мы действуем обычным путем. Впереди граната, ты за ней. – Он хмыкнул. – Уж не Рейс ли говорил, что такого больше не случится?

– Да. Но нам ведь нужно быть осторожными, не правда ли?

– Осторожными?

– У меня долговая расписка Уилленса. Разве он тебе не дал такую же, а? Хорошо бы сохранить возможность получить по ним, не так ли?

Он поколебался, но недолго.

– Сейчас либо мы, либо они.

– Я передал сигнал Уилленса.

– Это было не обязательно. Да какая теперь разница? Это была только подстраховка, ты сам так говорил. Теперь она нам больше не нужна.

– Не нужна? – Я не верил своим ушам.

– А зачем она? Мы выигрываем. Хватит болтать. Давай двигать.

Когда мы вышли из машины, он стал набивать свою сумку гранатами. В каждый карман брюк он засунул по запасному магазину для «Узи». Я автоматически делал все, как он. У меня как будто не было собственного ума. Что произошло в течение следующих нескольких минут, я хорошенько не помню. Я знаю, что мне ужасно захотелось в уборную, так что думать о чем-либо другом было невозможно. Я слышал, как Гутар отдавал приказания сержанту Мусе, и видел, как он посмотрел на часы. Потом я шагал за ним вдоль стены под забаррикадированными окнами префектуры. Мы были почти у самого входа, когда он остановился. Я чуть не налетел на него. Он перекинул свой «Узи» через плечо, в каждой руке у него было по гранате. Он зубами вытягивал кольца.

Я видел, как он швырнул обе гранаты в портик перед входом и плотно прижался к стене. Двойной взрыв ударил по голове, как молот. Сквозь жуткий звон в своих ушах я слышал очереди МАГа со стороны порта. Неожиданно этот звук перекрыла очередь из «Узи». Гутар бросился в портик, стреляя на ходу.

Я кинулся за ним. Казалось безопасней следовать за ним, чем оставаться на улице.

Сквозь облако пыли я увидел, что одна половина дверей открыта. Я слышал, что Гутар кричит, чтобы я следовал за ним. Никто в нас не стрелял. Я заорал на двоих макак позади себя, чтобы они следовали за мной, и бросился в дверь.

Это была приемная со столом и стулом посередине, из нее наверх вела лестница. Больше я ничего не видел. Гутар уже был на середине лестницы, прыгая через ступеньки и воя как демон. Макаки тоже взвыли. Они бежали у меня за спиной со штыками наперевес. Мне ничего не оставалось, как бежать вверх по лестнице впереди них.

Наверху был длинный коридор, тянувшийся вправо и влево вдоль фасада здания. Гутар повернул направо, к стороне, выходящей к порту. Когда я бросился за ним, к грохоту МАГа снаружи прибавился звук выстрелов изнутри, совсем близко. В тот же момент Гутар выхватил еще

одну гранату и швырнул ее в дальний конец коридора, нырнув тут же в боковую дверь.

Граната упала у загороженного окна. Когда она взорвалась, ставни разлетелись в стороны.

Я еще стоял там, ошарашенный взрывом, когда из окна появился человек в белой рубашке с короткими рукавами, с винтовкой в руках.

Увидев меня, он бросил винтовку и поднял руки. Тут он закашлялся от пыли, поднятой взрывом.

– О'кей, о'кей, – проскрипел он сквозь кашель. – Камрад, приятель, камрад. *Guerre finis.*^[2] Мы не хотим беды.

Я узнал его голос. Это был радиооператор, принявший сигнал Уилленса.

Гутар ринулся мимо него в последнюю комнату. Минуту спустя оттуда вышло еще несколько человек в белых рубашках с короткими рукавами. Увидев меня, они заколебались. Я оцепенел от страха, а поэтому, наверное, держал свой «Узи» так, как будто собирался тут же пустить его в ход.

Из-за них вышел Гутар.

– Вот так, Артур, – сказал он. – Командуй здесь. Проверь все остальные комнаты. Если кто-нибудь вздумает дурачиться, сдери с него шкуру. Я собираюсь подсобить Барьеру и Рейсу.

Он ушел. Я остался.

Глава VI

Меня во многом обвиняли в разные времена, и некоторые из обвинений были справедливы. Я краснеть не собираюсь – никогда не притворялся святым. Но обвинение в том, что я занимался грабежом в префектуре в Амари, абсолютно лживо. Не может быть вины, когда нет преступного намерения. Худшее, в чем меня можно обвинить, так это в забывчивости.

Гутар приказал мне взять на себя команду и «проверить все остальные комнаты». Именно это я и сделал. Я выполнял приказание.

Прежде всего я приказал двоим макакам собрать винтовки и ружья в угловой комнате. Затем я отправил туда пленных и приказал макакам сторожить их.

После этого я получил свободу действий для проверки других комнат.

Первой из них, к счастью, оказалась уборная. Она была мне как нельзя кстати. Затем я отправился дальше. Остальные комнаты на этаже были

служебными кабинетами и, за исключением одной, довольно маленькими и грязными.

Исключение составлял кабинет префекта, находившийся посередине коридора напротив лестницы. Он был достаточно большим, с неровным начищенным полом и потрепанным ковром под столом посередине. В нем было две двери: одна вела в коридор, другая в кабинет адъютанта.

Вот в этом кабинете я и обнаружил сейф.

В нем не было ничего особенного или внушительного. Обыкновенный кабинетный сейф, довольно старый, из тех, что грабители якобы открывают загнутой скрепкой для бумаг.

Естественно, я попробовал, заперт ли он. К моему изумлению, он был открыт. Видать, адъютант так спешил, что забыл запереть его.

Естественно также, я заглянул, чтобы ознакомиться с содержимым.

Верхняя часть представляла собой полку для отчетов. Ниже находились небольшие полочки и выдвижной ящик.

Сначала я открыл выдвижной ящик и увидел как будто приличную пачку денег. Я говорю «как будто», конечно, потому, что не потрудился пересчитать их. Затем мое внимание привлекла одна из полочек. Там лежала пачка паспортов.

Их было шестнадцать, стянутых эластичной лентой. Под ленту над верхним паспортом, западногерманским, была подсунута бумажка с надписью красными буквами «УМАД». Рядом с паспортами лежала пачка карточек, тоже стянутых лентой. Они оказались удостоверениями личности, выдаваемыми префектом от имени Республики Угази иностранцам, проживающим здесь. Было ясно, что произошло. УМАД сделал заявку на все необходимые документы для шестнадцати своих служащих. Удостоверения и паспорта теперь ожидали получателей.

Никто, кроме меня, лучше не знает, что за ценный документ паспорт. Оставлять шестнадцать паспортов там, где их могут украсть или затерять, было бы настоящим преступлением.

Я поступил так, как считал правильным.

Прежде всего я тщательно обыскал кабинет, чтобы узнать, не оставил ли адъютант в такой спешке ключи от сейфа. Если бы он их оставил, я бы запер сейф и вручил ключи представителю законной власти, когда она начала бы вновь функционировать.

Но ключей не оказалось.

При таких обстоятельствах казалось очевидным, что наиболее безопасное место для паспортов и денег – моя походная сумка.

Туда они и попали.

А потом Я начисто забыл про них. И это, я полагаю, вполне понятно. Когда спасаешь свою жизнь – не до мелочей.

Глава VII

Кинк вошел с основной колонной в город в пятом часу.

Гарнизон официально капитулировал часом позже. У них забрали станковые пулеметы и приказали оставаться в казармах в ожидании перемирия с правительством Угази.

После этого дела пошли в основном так, как предсказывал Гутар.

Тем же вечером появился черномазый полковник, представитель эмира Кунди, вместе с бандой подонков из дворцовой стражи в Форт-Гребанье. Они заняли отель. Он также взял на себя командование войсками, и в его распоряжение поступил транспорт. Европейские офицеры быстренько убрались в префектуру, захватив свои минометы, МАГи и «Узи». Служащие УМАД, европейцы и эволю, сдавшиеся в плен, решили остаться с нами. Позже появились еще трое из них, выброшенные из отеля. Появились также раненый Барьер и доктор. Теперь, когда битва закончилась, в городе началось повальное пьянство, и находиться там стало еще опасней, чем раньше. Люди из УМАД поначалу были не ахти как дружелюбны: посыпались взаимные обвинения, упреки. Однако они не могли позволить себе роскошь долго оставаться недружелюбными, и, когда кто-то вспомнил, что в конторе УМАД напротив, через площадь, осталось несколько ящиков джина, для их освобождения была сформирована совместная вооруженная экспедиция. Джин послужил некоторой компенсацией за то, что нам пришлось есть свои консервы холодными, так как в префектуре не было кухни.

У меня, впрочем, не было аппетита. Наступила реакция. Нога подкашивались, внутри все дрожало. Мной овладело непреодолимое желание смеяться, но я знал, что, если его не побороть, дело кончится слезами. Ощущение было омерзительное, и джин пришелся как нельзя кстати.

Но даже и теперь я не мог по-настоящему расслабиться. Гутару, может быть, и не нужна была больше подстраховка, но ведь он и не рисковал так, как я. Я понимал, что мне нужно быть настороже. И, черт побери, я оказался прав.

Когда Уилленс, появившись в префектуре, холодновато посмотрел на меня, стало очевидно, что он и Веле сумели встретиться и обменяться информацией. Ясно, теперь Уилленс знал, когда именно я передал сигнал. Однако откуда ему было знать наверняка, что я задержал его нарочно. Хотя он мог быть и не очень довольным моими действиями – не такой уж

я дурак, чтобы поверить в оплату его расписки, – во всяком случае, пока он будет верить, что я делал все от меня зависящее, у меня была опора, пусть крошечная, во вражеском лагере. На какое-то время такая мысль служила утешением, хотя не успокаивала полностью.

И вдруг, внезапно, все утешительные мысли исчезли, остался один кошмар.

Все, что случилось, произошло целиком по вине Гутара, хотя проклятуший радиооператор подлил масла в огонь.

В ту ночь в Амари не было электричества, и большая часть префектуры была погружена в темноту. У нас было несколько керосиновых ламп, большинство которых находилось в зале заседаний на первом этаже. Джин был доставлен туда, и посему проявлялась всеобщая тенденция оставаться там.

Удар был нанесен около половины одиннадцатого.

На площади поблизости раздались выстрелы, и все немного приумолкли, чтобы послушать, что происходит. У входа на карауле стояли двое из офицеров, а Тропмен и Веле отправились изучать обстановку.

Одним из тех, кто не притих, был Гутар. Он затеял спор с радиооператором и орал во весь голос.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – вопил он. – Если тебе нужна удача в такой игре, лучше за нее не берись. Главное здесь – огневая мощь и скорость. Если тебе еще нужна удача, ты просишь господ бога поцеловать тебя в зад. В наше время об этом нечего и думать. Мы...

Он неожиданно смолк и развел руками. Он говорил по-французски на своем марсельском жаргоне, и пустое выражение на лице у оператора неожиданно просигнало ему, что его аргументы не доходят до слушателя.

– Скажи ему ты, Артур, – обратился он ко мне. – Скажи этому идиоту по-английски.

Я настолько привык повиноваться Гутару, что не мог остановиться, даже когда увидел, что совершаю ужасную ошибку. До этого мгновения я не представлял ничего особенного для оператора. Просто один из людей с автоматами, которому он сдался. А теперь он услышал мой голос по-английски. Когда он его узнал, сначала его глаза широко раскрылись, потом мстительно прищурились.

– Ага, – сказал он громко, – так это ты тот ублюдок, с которым я разговаривал сегодня утром по радио.

Кинк, Рейс и Уилленс сидели в пределах слышимости. Рейс даже прислушивался к спору. Я был почти уверен, что Кинк понимает английский. Я знал, что Рейс его знает.

Гутар дергал меня за рукав:

– Что он сказал? Что он сказал? Рейс странно смотрел на меня.

– Вопрос заключается в том, что он имел в виду? – сказал он по-английски.

Оператор был маленьким, узколобым человеком с ввалившимися щеками. Он был совершенно пьян. Если бы он не был настолько пьян, он, может быть, сообразил, что надо бы заткнуться, но его понесло.

Он воинственным жестом показал на меня:

– Он знает, что я имею в виду. Велел мне наложить в штаны. Грубый ублюдок. Спросите его, он скажет...

Я знал, что Уилленс прислушивается. Краем глаза я увидел, как он поднялся. Я надеялся, что он вмешается. Вместо этого он небрежно отошел, якобы затем, чтобы налить себе еще выпить.

Гутар, не понявший, конечно, ни слова, продолжал дергать меня за рукав, но я не обращал на него внимания. Теперь я больше всего боялся оператора.

– Не знаю, о чем вы говорите, – сказал я и попытался улыбнуться.

– Ты что, называешь меня лгуном? – взъярился он. – Я всегда узнаю голос, когда его слышал. – Неожиданно он сказал моим голосом: – «Вы получили свое чертово послание. Остальное за вами». Ублюдок!

Я знал, что не могу ничего ни сказать, ни сделать, чтобы остановить его. Он был из того сорта пьяных болванов, которые, уж если заведутся, несут свое, пока не расколуются до конца. Его босс, капитан Веле, мог бы его остановить, но он вышел из комнаты. Мне оставалось убраться оттуда, покуда дела не пошли еще хуже и Кинк не начал его расспрашивать. Я поднялся и улыбнулся ему.

– Каждый может ошибиться, – сказал я. – В данный момент мне бы хотелось несколько разгрузиться от этого джина. Поговорим, когда я вернусь.

Когда я выходил, он опять обозвал меня ублюдком, но я пропустил это мимо ушей. Я чувствовал на себе пристальный взгляд Кинка. Единственным моим желанием было добраться до погруженного в темноту вестибюля.

За мной никто не пошел. Погоня началась бы тогда, когда мое отсутствие затянулось бы, были заданы вопросы, получены ответы, а подозрение превратилось в уверенность. В моем распоряжении было всего несколько минут, чтобы сообразить, как выпутаться.

Моя походная постель и остальные вещи находились в одном из кабинетов на первом этаже. Чтобы туда добраться, мне пришлось прибегнуть к помощи своего фонарика. Я понятия не имел, что предпринять. Командный грузовичок находился во дворе за префектурой, ключ от зажигания лежал у меня в кармане. Если бы я смог добраться до

машины, то, возможно, получил бы шанс удрать. Но куда? Пулемет сняли, а при том бардаке, который творился на улицах, нужно быть счастливым, чтобы выбраться из Амари. Предположим, мне повезет, но что дальше? Назад по прибрежной дороге в Матата и Сикафу? А дальше куда? В Форт-Гребанье, где я, может быть, попал бы на самолет? Это заняло бы не один час, а за это время Кинк по радиации мог бы предупредить, чтобы меня перехватили, если бы ему это заблагорассудилось. А что потом? Если черномазые не разорвут меня на куски, я окажусь в каталажке за кражу грузовика СММАК. Такого рода наказание, наверное, удовлетворило бы Кинка. Мне не хотелось думать, что со мной случится, если я останусь. Тропмен без колебаний всадил бы мне пулю в лоб, так же как и Рейс. Но перед этим могли бы случиться еще более неприятные события.

Думать было ужасно тяжело. Я страшно устал. Я знал, что нужно что-то предпринимать, двигаться, а не сидеть в темноте на своей постели, но ничего не мог с собой поделать. Ужас охватил меня; я знал, что должен бежать, но все, что хотел, так это лечь и заснуть.

Дверь тихо скрипнула, и внезапно мне в глаза ударил ослепительный луч света.

Судорога свела мой желудок, и проглоченный мною джин горькой и вонючей волной хлынул мне в глотку.

Луч переместился, и я увидел Уилленса, стоящего в дверях. На одном его плече была походная сумка, на другом – «Узи».

– Собирай свои вещи, Артур, – сказал он. – Нам пора двигаться.

РАССТАВАНИЕ

Глава I

Я тупо уставился на него.

– Давай, – повторил он. – Ведь ты не собираешься здесь оставаться? И тебе, и мне может прийти туга в этой компании.

– Я знаю.

– Тогда нечего тянуть резину. Где твоя машина? – Во дворе.

– Рация еще на ней?

– Да, заперта на замок.

– Ключ у тебя? – Да.

– Тогда пошли.

Я поднял свою сумку и направился к двери.

– Не забудь свой автомат. Он может пригодиться.

Я вернулся за своим «Узи» и пошел вслед за ним по коридору.

Небольшой двор префектуры, огороженный стенами, находился позади здания. Часть его представляла собой садик, но со стороны речного порта были ворота, так что двор, очевидно, использовался прежде всего в качестве стоянки. Там были два навеса с железной крышей – один со стойкой для велосипедов, другой – на две машины.

Я помнил, что поставил свой грузовичок под навес. Что я теперь вспомнил, так это то, что четыре грузовика разведгруппы въехали во двор после меня.

Я догнал Уилленса, когда мы дошли до задней двери, ведущей во двор.

– Бесполезно, – сказал я. – Я не смогу вывести свой грузовичок. Помешают другие машины.

– Помолчи, – только и сказал он на это. Он даже не замедлил шаг.

Мы вышли во двор. Все, что можно было бы стащить, было предусмотрительно вынесено из грузовиков, так что во дворе не было охраны. На площади все еще раздавались вопли, но во дворе они звучали негромко.

– Где он? – спросил Уилленс.

– Налево. В самом углу.

Он стал пробираться между грузовиков, освещая дорогу перед собой фонариком.

– Меня интересует только рация, – сказал он через плечо. – Если повезет, нам грузовик не понадобится. Если нет, возьмем любой другой.

Мы добрались до грузовичка, и он запрыгнул в кузов.

– Где ключ?

Я протянул ему ключ, и он принялся за дело. Через несколько секунд завыл генератор. Казалось, звук разносился на всю округу.

– Господи, – пробормотал он, – что за бедлам. Такой шанс нельзя было упустить.

– Вот поэтому-то я и не мог передать твой сигнал раньше, – сказал я. – Все из-за шума.

– Ну, теперь это седая история. – Он начал крутить переключатели. Затем стал вызывать: – Дженсон-три, Полевой вызывает Дженсона-три, Полевой вызывает Дженсона-три. Прием.

«Дженсон-два» были позывные УМАД в Амари – тот самый гад радист, который сейчас там, в доме, выбалтывал всю нашу затею. Я не имел ни малейшего представления, где находился Дженсон-три. В тот момент меня

это не очень интересовало. Все, чего мне хотелось, – убраться поскорей оттуда, пока Дженсон-два не заложил меня со всеми потрохами.

Уилленсу пришлось вызывать дважды, прежде чем последовал ответ.

– Дженсон-три отвечает, Полевой. Рад слышать. Прием. Голос был слегка гортанный.

Это все, что я понял из передачи. Уилленс начал говорить на языке, который я никогда прежде не слышал, ответы следовали на том же языке. Он был немножко похож по звучанию на голландский, и я решил, что это, наверное, африкаанс. После первых коротких обменов фразами большей частью говорил Дженсон-три. Похоже, Уилленсу передавались какие-то инструкции. Они следовали одна за другой.

Потом я услышал, как Уилленс сказал «Прием окончен», и вой генератора внезапно смолк.

– Пошли, – сказал он. – Нам не понадобится машина, но придется порядочно пройтись.

Он уже пробирался между грузовиков к воротам двора, я двинулся вслед за ним. Чтобы пройти к воротам, нужно было миновать заднюю дверь префектуры. Как только Уилленс с ней поравнялся, кто-то ее открыл и вышел с фонариком.

Уилленс в то мгновение был на открытом месте, и луч фонаря упал на него. Он остановился.

Я тоже остановился, но в нескольких шагах позади, скрытый кузовом грузовика. Мне не было видно, кто светит фонариком, я мог только слышать.

Мгновение царила тишина, затем человек с фонарем сказал: «Ну-ну» – и фыркнул.

Это был Гутар.

Уилленс промолчал.

– Где он? Он здесь? – Луч света забегал по сторонам.

– О ком это ты говоришь? – спросил Уилленс.

– О маленьком Артуре, конечно. О ком еще? Кинк желает его видеть. Ваш радист раскололся. Теперь они хотят услышать, что будет болтать Артур.

– Если они его найдут.

– Они его найдут. Кто-нибудь из нас найдет этого жирного олуха. Небось он накладывает сейчас себе в штаны где-нибудь в уголке. Далеко он не уйдет.

– А это тебя не тревожит, Гутар?

– Меня? – Гутар опять фыркнул. – Что этот макака может обо мне сказать, кто ему поверит? Я сжег твою расписку давным-давно. Я даже и близко не подходил к рации. Вот тебе-то, по-моему, стоит тревожиться.

Он придвинулся ближе к Уилленсу, и я попятился назад за грузовик.

– Я не тревожусь, – сказал Уилленс. – Я отбываю.

– Сколько будет стоить, чтобы я позволил тебе отбыть?

– Как это ты собираешься меня остановить?

– Вернувшись назад и подняв тревогу. – Свет его фонарика презрительно скользнул по «Узи» в руках Уилленса. – Эту штучку ты в ход не пустишь. На звук выстрелов они прибегут быстрее, чем на мой зов. Сколько у тебя денег? Сколько наличных?

– Ничего, что бы тебя устроило. Я оставил почти все жене. Наступила небольшая пауза. Когда Гутар снова заговорил, его тон изменился. Он начал заводиться.

– Лучше подумай еще, Уилленс. Откровенно говоря, ты уже должен мне тысячу долларов. Я возьму половину во франках. Ты так влип, что это по-божески. По-божески, – повторил он.

Мысленно я мог себе представить, как на его физиономии появился оскал.

– Умерь свой пыл, – отвечал Уилленс. – У меня нет с собой таких денег.

– Аааа! – тот же клекочущий звук. Я знал, что в любой момент он может потерять контроль над собой, и тут мне будет крышка.

Я только что обогнул грузовик и стоял совсем близко у него за спиной.

– Брось пичкать меня дерьмом! – рявкнул он. – Выкладывай монету!

Теперь мне было видно их обоих, Уилленс стоял лицом ко мне, перед грузовиком, а Гутар – спиной, он светил фонарем в лицо Уилленсу.

– Выкладывай! – ревел он. – Выкладывай!

Я был в полном отчаянии. Можно было сделать только одно, чтобы заткнуть ему глотку. Я скинул с плеча «Узи», сделал три быстрых шага вперед и со всей силы трахнул его автоматом по голове.

Гутар услышал меня раньше, чем я его настиг, и рывком повернулся. Но, хотя он меня и увидел, он не успел остановить. «Узи» весит четыре кило, и я вложил в удар всю силу.

Он упал на колени. Тут Уилленс поддал его ногой, и он свалился совсем.

Я стоял разинув рот; мне никак не верилось, что все это действительно случилось.

– Быстро! – цыкнул Уилленс. – Помоги мне оттащить его за грузовик.

Мы схватили его за руки и отволокли в промежуток между двумя грузовиками, где его никто, при поверхностном осмотре, не увидел бы. Затем бросились к воротам.

Ворота были закрыты изнутри на засов, но не заперты на замок. Через несколько секунд мы уже очутились на территории речного порта и зашагали поспешно на юг, в сторону от площади. Впереди пылал огонь пожара.

– Куда мы идем? – спросил я.

– На другой берег, если получится. За нами пришлют моторку из Чанги.

– Это там Дженсон-три?

– Да. Нас подберут где-нибудь за городской чертой. Главное теперь – туда добраться. Перед тем как снять с себя командование, Кинк перевел всю нашу группу к речному порту. Если мы наткнемся на патруль, придется блефовать, чтобы проскочить. Впрочем, если повезет, они будут слишком пьяны, чтобы остановить нас.

Большинство из них действительно надрались вдрызг, но нам пришлось пережить пару поганых моментов.

Самый худший случился на пожаре. Горел портовый склад, который патрули, по всей видимости, ранее разграбили. Огонь освещал всю округу, и хотя мы старались держаться подальше, прикрытия не было, а обойти никак не удавалось. Солдаты скакали по дороге перед огнем, как психи, и палили в пылающее строение из своих винтовок. Тут один из них заметил нас и заорал другим.

Некоторые немедленно повернулись и открыли по нам стрельбу. Это были те самые солдаты, которыми мы командовали несколько часов назад. Не знаю, узнали они нас или нет. Возможно, нет. Они были готовы стрелять во все, что движется.

Уилленс дал по ним очередь из своего «Узи», и мы рванули вперед. Он никого не задел. Очередь он дал для того, чтобы они услышали звук автоматического оружия. Он был теперь им хорошо знаком, и никто за нами не погнался.

Следующей шайкой, на которую мы нарвались, командовал офицер из черномазых, и в отличие от других они не были пьяны. Они перегородили дорогу бензиновыми бочками и готовили пищу на костре, разведенном на берегу реки. Это было недалеко от того места, где бревна, привозимые с холмов, перегружали на баржи. Поодаль справа находился бетонный причал с большим краном.

Офицер уставился на нас мутными глазами, а двое его солдат угрожающе наставили свои штыки.

Уилленс не обращал на них внимания. Его взор был прикован к офицеру.

– Все в порядке? – спросил он на своем ломаном французском.

Офицер помялся. Уилленс продолжал шагать.

– Хорошо, – сказал он. – Скоро прибудет комендант, чтобы проверить ваш пост.

Когда мы проходили мимо, офицер вроде даже ответил на небрежное приветствие Уилленса.

Мы очутились за пределами города Амари.

Мы прошли еще с полкилометра. Дорога теперь пошла в гору, а затем начинала уходить в сторону от реки. По ней к порту спускались лесовозы, и если бы мы продолжали двигаться вдоль нее дальше, то дошли бы до пересечения с главной дорогой у пивоварни.

Уилленс остановился и достал свой фонарь.

Справа от дороги вниз к берегу реки вел крутой откос, покрытый скользкой на вид растительностью.

– Спуск не из приятных, – сказал Уилленс, – но другого пути нет.

Он начал спускаться, я двинулся за ним, скользя на спине, натываясь в темноте ногами на кусты, вслепую хватаясь за всякие ветки, обдиравшие мне руки. Веткой сшибло мою шляпу, но я и не попытался поднять ее. Было слышно, как Уилленс где-то впереди меня отборно сквернословит. Потом он окликнул меня.

– Придержись! Не так быстро, а то очутишься в трясине!

Я судорожно хватался за ветки. Ремень от сумки закрутился вокруг шеи. И тут я оказался в трясине, во всяком случае, по колена. Что сверху казалось берегом реки, было на самом деле полосой болота. Оно чертовски воняло.

Уилленс тоже увяз в нем. Он опять достал свой фонарь, и я увидел, как он вскарабкался на гниющий ствол дерева. Когда я до него добрался, он начал подавать фонарем сигналы на другой берег.

Глава II

Наконец подошла моторка. Человек за рулем сбавил ход и попытался подвести ее к берегу. На носу сидел еще один человек с автоматом. Уилленс окликнул его:

– Это ты, Джен?

– Да. Все в порядке?

– О'кей. Не подходите ближе. Тут густые водоросли. Мы будем пробираться к вам.

У меня хватило ума держать свою сумку сухой над головой, пока мы брели по грудь в воде к лодке, но у меня не было сил в нее забраться. Уилленсу и этому Джону пришлось меня в нее втаскивать.

Думается, я на некоторое время потерял сознание.

Я помню, как лодка развернулась, громче заработал мотор, а больше ничего, пока Уилленс не начал тыкать меня в плечо.

– Давай, Артур, – говорил он, – подержись еще немного. Подожди спать. Мы уже почти на месте.

Я открыл глаза.

Лодка шла полным ходом, подпрыгивая на струях быстрого течения посредине реки, по направлению к ленточке огоньков на далеком берегу.

– Чанга? – спросил я.

– Чанга. – Он поднял руку и отстегнул со своей рубашки значок офицера Республики Махинди. – Мы теперь в Угази, – сказал он. – Лучше избавиться от этих побрякушек. Они нам больше не понадобятся.

Он швырнул значок за борт.

Я свой тоже снял, но не выбросил, а положил в карман. Никогда нельзя угадать, когда та или иная вещь может пригодиться. А потом все-таки это был офицерский значок.

Огни приблизились, и моторка слегка изменила курс.

– А что с этими? – я показал на «Узи».

– Лучше оставить их в лодке. – Я видел, как он ухмыльнулся. – К счастью, я напомнил тебе его прихватить. Он пришелся как нельзя кстати.

Вот и вся благодарность за то, что я спас его от Гутара.

Я не очень-то переживал. Как говаривал мой отец, «когда человек говорит, что он тебе благодарен, держи ухо остро. Значит, подлюга намерен опять объявиться».

Действительно имело значение лишь то, что белый макака, «жирный дурачок», не «накладывал себе в штаны где-нибудь в уголке», а, когда настал решительный момент, встретил его с оружием в руках и набрался духу пустить оружие в ход.

Теперь у Робинзона была шишка на голове, а Пятница обрел свободу.

Глава III

Я провел неделю в отеле в Чанге.

Город был забит угазийскими войсками, и они все прибывали и прибывали. Некоторые были вооружены автоматами, появилось даже несколько бронетранспортеров. Но ничего не случилось, что могло бы изменить ситуацию. Не было ни перемирия, ни отправки пленных, как

предсказывал Кинк. Гарнизон Амари оставался в казармах, а другие угазийские войска – на своем берегу реки. Как предугадал Веле, Угази перекрыла движение барж СММАК из Матендо. Две баржи потопили орудийным огнем, один буксир был поврежден. После этого баржи оставались в Матендо, а вагонетки с рудой из Кавайды перестали циркулировать. И Угази, и Махинди обратились в Совет Безопасности. Дело, похоже, зашло в тупик.

Уилленс устроил так, что УМАД оплачивал мое проживание в отеле, но его долговая расписка оставалась у меня. Когда я ему об этом напомнил, он с легкостью сказал, что, пока не прояснится вся ситуация, ничего нельзя уладить.

Я расценил это так, что, если УМАД выиграет, мне могут и заплатить, а если СММАК удержит захваченный кусок, мне наверняка ничего не обломится.

Поначалу ему вообще было не до меня. Он был слишком занят проблемой заполучить обратно свою жену. Не знаю точно, как ему этого удалось добиться, но кой-какие догадки у меня есть. В Чанге объявились один или два корреспондента информационных агентств, и я полагаю, он сумел передать Кинку, что, если его жену не переправят к нему немедленно, он расскажет всю историю с подробностями. Для СММАК, которая в данный момент была легко уязвима перед лицом мирового общественного мнения и старалась приукрасить дело так, чтобы от нее несло на версту розами, такая угроза кое-что да значила.

Какие бы каналы ни были пущены в ход, дело выгорело. Барбара Уилленс появилась через три дня. Ее переправили через зону «Б», эвакуация которой еще не была завершена.

Именно от нее я получил в конце недели урок этики большого бизнеса, который, возможно, перевернул всю мою жизнь.

Ее муж отправился на совещание в столицу, а мы сидели с легкой выпивкой на веранде отеля. Я был впервые наедине с ней с той ночи в подготовительном лагере.

– Жаль, что не все получилось так, как планировалось, Артур, – сказала она.

– Я старался, как мог, миссис Уилленс.

– Адриан мне так и сказал. Жалко, вышло не так уж хорошо.

Мне ее тон показался слишком прохладным. В конце концов, именно она говорила, что мои дела могут здорово поправиться.

– Очень жалко, – сухо сказал я. – Если бы я сделал меньше или совсем ничего, я бы сейчас был на стороне, которая выиграла.

– По их условиям – да. – Она приятно улыбнулась. – Вы не часто выигрывали, Артур, не так ли?

Что за вопрос мужчине!

– Я выжил.

Ответ, казалось, ее позабавил.

– Что же, можно полагать, это тоже своего рода выигрыш. Но если это вам принесет утешение, знайте: вы и сейчас не потеряли ничего.

– Не считая моей работы на СММАК.

– Ну, в любом случае ее хватило бы ненадолго. Вы ведь, наверное, знаете, что будет дальше?

– Скорее всего, Угази и Махинди вступят в войну. Она покачала головой.

– Ничего подобного. Воевать уже не за что. Игра закончена. УМАД и СММАК пришли к соглашению.

– К соглашению! – Мне подумалось, что она шутит.

– Для согласования деталей на переговорах в Женеве может понадобиться некоторое время, но в принципе дело решенное. Этот кусочек земли с редкими рудами компании будут разрабатывать совместно. Угази и Махинди получают каждая свою долю отчислений. В качестве компенсации УМАД примет участие в операциях СММАК по перевозке руды.

– А как же правительство Угази?

– Кого интересует правительство Угази? Оно потеряло маленький клочок земли и приобрело такой же. Кто может изменить ситуацию? Вооруженные силы Угази? Они бессильны. Организация Объединенных Наций? Про нее и вспоминать нечего. Международный суд в Гааге? Между Венесуэлой и бывшей Британской Гвианой вот уже больше полсотни лет продолжается пограничный спор из-за залежей полезных ископаемых. Международный суд не смог его решить. А этот спор не продолжится и пятидесяти дней. И все очень просто. Так решили УМАД и СММАК.

– Да какое право они имеют решать? – После всего, что я пережил, от одной мысли, что эти паразиты спокойно сидят в Женеве и решают, как поделить награбленное, у меня все закипело внутри.

– А кому еще решать?

– Этот клочок земли с редкой рудой принадлежит Угази. Его у нее украли.

Она терпеливо вздохнула.

– Мы говорим о бизнесменах, Артур, а не о бойскаутах. УМАД принадлежало кое-что, приглянувшееся СММАК. Эта компания сделала нечто вроде заявки, которая выгорела. Она загребла свой клочок земли и теперь имеет все основания быть довольной. Поначалу угазийцы могут

поворчат, но когда они начнут получать свою долю отчислений, то тоже останутся довольны. Что здесь плохого?

– Ничего, миссис Уилленс, – сказал я сухо. – Этак можно оправдать любой грабеж среди бела дня.

Она рассмеялась.

– Оказывается, вы моралист, Артур, – сказала она. – Не заказать ли еще по стаканчику?

Меня в свое время называли по-разному, но только не моралистом. Я не был уверен, нравится ли мне такое прозвище. Я почувствовал себя несколько глуповато.

Глава IV

Со мной иногда случаются странные вещи. Когда меня заставляет чувствовать себя глуповато женщина, особенно смазливая, я начинаю задумываться всерьез и составлять планы. Не в том смысле, чтобы отыграться на ней, а в том, чтобы отыграться на окружающем мире и поправить свои делишки.

Любопытно, что на деловую мысль меня навела пачка паспортов в моей походной сумке.

Я начал задавать сам себе кой-какие вопросы.

Например: если я стяну бумажник в умывальнике, это воровство, меня тут же схватят за шиворот. Но если СММАК и УМАД сперли кусочек земли с рудой на пару сотен миллионов долларов, это называется «приобретением участка», и все помалкивают. Почему?

Как это сходит им с рук?

И как бы мне сошло с рук что-либо подобное?

Конечно, мне не приходило в голову орудовать в подобных масштабах – миллионы мне не нужны, – но какое-нибудь дельце для человека, умеющего крутиться, вроде меня, и вроде меня мечтающего, чтобы полиция не сидела у него на хвосте, оказалось бы весьма кстати.

Сначала я рассматривал паспорта как просто потенциальный источник некоторого дохода. Естественно, я обдумывал возможность возвращения их в Амари, но не видел никакого пути для воплощения такой идеи в жизнь. Кроме того, я знал, что люди из УМАД имеют возможность запросить новые паспорта у своих консулов. Я никого не ставил под удар.

Само ощущение паспортов в руках, всех шестнадцати, их внешний вид навели меня на мысль рассматривать их не просто как источник некоторого дохода, а как капитал.

В основе своей они были одинаковы – книжечки в цветных обложках с вытисненными или напечатанными геральдическими знаками. У некоторых внутри были замысловатые изображения и страницы с водяными знаками, но в основном они были сделаны довольно просто. На внутренней стороне задней обложки двух из них было напечатано мелким шрифтом название типографии. Это была фирма во Франкфурте, Западная Германия, хотя паспорта не были западногерманскими.

Идея о подделке, конечно, мне и в голову не приходила. Люди, заправляющие СММАК или УМАД, могут выходить сухими из воды, потому что они стоят вне или выше закона и нет такого полицейского, который мог бы сидеть у них на хвосте. И если я хочу выходить сухим из воды, мне следовало брать с них пример.

Что в особенности заинтересовало меня в этих паспортах, помимо их возможной стоимости на черном рынке, – их удивительная схожесть, хотя они принадлежали шести различным государствам. Два из них были даже практически одного цвета.

А затем я начал размышлять о всех этих странах с новыми названиями – вроде Ботсваны, или Лесото, или Малагаси, или Руанды, о которых большинство людей и слыхом не слыхали. Да и если обозначить их прежними названиями – Бечуаналенд, Базутоленд, Мадагаскар, Руанда-Урунди, – и тогда мало кто поймет, о чем идет речь.

Все это множество новых государств, о которых никто никогда не слышал, выпускает паспорта. Это одна из привилегий суверенного государства – оно может выпускать свои паспорта.

Я задал себе еще несколько вопросов.

В сегодняшнем мире насчитывается более полутора сотен независимых, суверенных государств. Почему бы не появиться еще одному государству, о котором никто никогда не слышал? И почему бы ему не выпускать паспорта?

Что происходит, когда иммиграционный чиновник рассматривает паспорт?

Сначала он смотрит, похожа ли хотя бы отдаленно приклеенная внутри фотография на ваше лицо. Потом он проверяет, действителен ли и не просрочен ли паспорт. Если вы въезжаете в страну, где требуется виза, он проверяет ее наличие. И наконец, если он один из тех паскудин с черной книгой под рукой на столе, он смотрит, нет ли вас в этом списке.

Вот и все. Он не спрашивает вас о вашей стране. Если вы прибыли из Бурунди, или Бутана, или Малави, или Габона, он не скажет, что никогда о них не слышал, и не поинтересуется, входит ли она в ООН. Ему наплевать. У вас паспорт, похожий на действительный. Его дело проштемпелевать его, что он и делает.

К тому времени, когда Уилленс вернулся из столицы, у меня все было более или менее разложено по полочкам.

– Мне надоело торчать в этой богом проклятой дыре, – сказал я ему. – Мне нужно проветриться. Если УМАД купит мне билет на самолет, я готов позабыть о долговой расписке.

На лице его отразилось облегчение вперемежку с подозрением.

– Билет на самолет куда?

– В Танжер.

Он скупно улыбнулся.

– В Танжере теперь не так легко и привольно, как бывало в доброе старое время его свободы, как ты должен понимать. Многие переменялось с того времени, когда его забрали марокканцы.

– Мне подойдет, – сказал я. – Мне нужно сменить обстановку.

Двумя днями позже я покинул Республику Угази.

Глава V

Я был прав в отношении Танжера. Не так уж он, в конце концов, переменялся. Мне удалось продать одиннадцать из шестнадцати паспортов, притом за хорошую цену.

Завтра я вылетаю во Франкфурт.

У меня теперь есть цель в жизни.

В мире еще много людей, не имеющих гражданства не по своей вине.

Уж я-то знаю.

Я хочу помочь этим людям.

Я глубоко убежден, что создание государства, выпускающего паспорта исключительно с целью помочь людям без гражданства обрести формальное признание и облегчить их борьбу против власть имущих, давно запоздало. По очевидным причинам название его должно в настоящий момент остаться тайной; но, создавая такое государство, я, несомненно, оказываю услугу человечеству. Если, когда пройдут годы, Артура Абделя Симпсона будут вспоминать как человека, который помогал отверженным собратьям по племени, я буду доволен.

Нынешняя цена паспорта Панлибгонко в Афинах – тысяча двести американских долларов.

Я полагаю, это бессовестный грабеж.

Цена моего нового паспорта за штуку будет всего пятьсот американских долларов или их эквивалент в любой конвертируемой валюте.

Я думаю, это было бы по-божески.

Примечания

1...«Классическая библиотека» (лат.).

2...Война окончена (франц.).